ЭР1 1149

П. Н. КРАСНОВЪ

„ПАВЛОНЫ“

Изданіе Главнаго Правленія
Зарубежнаго Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ
ПАРИЖЪ

П. Н. КРАСНОВЪ

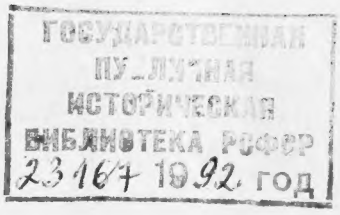
„ПАВЛОНЫ“

1-е Военное Павловское Училище полъ вѣка тому назадъ

Воспоминанія

Изданіе Главнаго Правленія.
Зарубежнаго Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ.

ПАРИЖЪ
1 9 4 3.



Всѣ права сохранены за авторомъ.
Tous droits réservés.
Copyright by the author.
Alle Rechte vorbehalten.

Часть первая

На младшемъ курсѣ

1. Духъ Павловскаго училища

Въ настоящемъ, 1938-мъ году, исполняется 75 лѣтъ со дня основанія Павловскаго Военнаго Училища.

Въ Императорской Россіи было много военныхъ училищъ, какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ — кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и инженерныхъ. Въ нихъ поступали юноши, преимущественно окончившіе курсъ кадетскихъ корпусовъ. Поступала молодежь одного образованія, одного воспитанія, въ значительной степени вышедшая изъ той же военной среды — казалось бы и училища должны были бы быть одинаковыми... На дѣлѣ — каждое имѣло свой характеръ, свои особенности — свою душу. И, если понятно, что спеціальныя училища могли отличаться отъ училищъ общихъ — пѣхотныхъ — то уже совсѣмъ непонятно, почему 1-е Павловское, 2-е Константиновское и 3-е Александровское училища такъ различались другъ отъ друга?

Каждое имѣло свою душу — и одинаковыя по своимъ программамъ, быту, офицерскому и преподавательскому составу — они были разными. Я это чувствовалъ тогда, когда самъ былъ юнкеромъ, но особенно почувствовалъ, когда, приводя въ порядокъ свои воспоминанія о Павловскомъ военномъ училищѣ, перечиталъ «Юнкера» А. И. Куприна. Мы были юнкерами въ одно и то же время: — я въ 1-мъ Военномъ Павловскомъ Училищѣ, А. И. Купринъ въ 3-мъ Военномъ Александровскомъ — все у насъ было такъ, какъ описано у Куприна — такъ — да не такъ, а временами и совсѣмъ не такъ. Другой духъ былъ у Павловскаго училища. Надъ однимъ училищемъ рѣялъ духъ суроваго Императора Павла I, надъ другимъ — благожелательнаго, добролюбиваго, «либеральнаго» Александра I. Конечно, сказывалось: — Петербургъ — холодный, замкнутый, строгій, военный, — и Москва — широкая, гостепріимная, радушная, привѣтливая — интеллигентно-купеческая. Не походили мы и на своихъ однополчанъ «Констаперовъ», — юнкеровъ 2-го Военнаго Константиновскаго Училища. Тамъ царилъ духъ Дворянскаго полка, болѣе вольный, чѣмъ у насъ, гдѣ была суровая замкнутость Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома, основаннаго въ 1789-мъ году Императоромъ Павломъ I, переименованнаго при Императорѣ Николаѣ I, въ 1829-мъ году, въ Павловскій кадетскій корпусъ и въ 1863-мъ году въ Павловское военное училище.

Сказалось несомнѣнно на духѣ училища вліяніе первыхъ его начальниковъ и батальонныхъ командировъ. Суровый, строгій, сухой, человѣкъ долга Генералъ Маіоръ Петръ Семеновичъ Ванновскій, въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ существованія училища былъ его начальникомъ, а полковникъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка Н. К. Теннеръ его батальоннымъ командиромъ. На протяженіи 14 лѣтъ батальонными командирами были Финляндцы: — А. Ѳ. Тизенгаузенъ (1864-1872), С. В. Рыкачевъ (1872-1877). Эти первые начальники училища — Ванновскій, Пригоровскій и Акимовъ и первые батальонные командиры привили училищу тотъ строгій, «спартанскій» духъ скромности, суроваго исполненія долга, простоты и гордости своею **солдатскою долею...** Со стороны насъ называли «дисциплинарнымъ батальономъ». Мы этимъ гордились. Дисциплина была твердая и суровая. Она перемалывала человѣка, сгибала, но не ломала.

4-го апрѣля 1866-го года на Государя Императора Александра II было совершено покушеніе. Юнкера Павловскаго училища отвѣтили на извѣстіе объ этомъ выраженіемъ вѣрно-подданическихъ чувствъ и сборомъ денегъ на икону въ память избавленія Государя отъ грозившей ему опасности.

6-го апрѣля Государь производилъ смотръ

войскамъ на Марсовомъ полѣ. По окончаніи смотра Государь подозвалъ къ себѣ Начальника Училища Генералъ-маіора Ванновскаго и приказалъ ему благодарить юнкеровъ за выраженныя ими чувства.

— Скажи своей молодежи, — сказалъ Императоръ, — что я ее очень благодарю за преданность и вполнѣ вѣрю ей и убѣжденъ, что если бы довелось, то они и на дѣлѣ докажутъ мнѣ ее.

Они доказали.

Когда въ 1877-мъ году начались военныя дѣйствія противъ Турціи всѣ юнкера мечтали взять ваканціи въ полки дѣйствующей арміи. 32 бывшихъ юнкера училища смертью на полѣ сраженія съ турками доказали свою преданность Государю.

Императоръ Александръ Ш назвалъ 1-е Военное Павловское Училище — «главнымъ разсадникомъ вѣрныхъ и честныхъ слугъ Вѣрѣ, Царю и Родинѣ».

23-го декабря 1898 года училище справляло столѣтній юбилей своего существованія, какъ военно-учебнаго заведенія. (Военно-Сиротскій Домъ — 1798, Павловскій кадетскій корпусъ — 1829). На торжественномъ парадѣ и освященіи новаго знамени въ Михайловскомъ манежѣ Государь Императоръ Николай II сказалъ юнкерамъ:

— Я увѣренъ, что подъ сѣнью вновь пожалованнаго знамени, какъ наличный, такъ и будущій составъ Павловскаго училища вѣрно и честно будутъ слѣдовать долгу службы на славу дорогой арміи и обожаемаго Отечества.

16-го марта 1911-го года Государь Императоръ Николай II при посѣщеніи училища вспомнилъ о службѣ юнкеровъ въ караулѣ Зимняго дворца и обратился къ юнкерамъ со слѣдующими словами:

— Юнкера! На дняхъ Санктъ-Петербургскій комендантъ доложилъ мнѣ, что всѣ три раза, когда училище занимало караулъ въ Зимнемъ Дворцѣ, юнкера, входившіе въ составъ караула, стояли на постахъ бодро и службу несли молодцами. Сегодня я счастливъ лично выразить вамъ за вашу службу мое сердечное спасибо. Надѣюсь, что и впредь вы сохраните эту бодрость при несеніи службы и будете всегда такими же молодцами, какими представились мнѣ сегодня*).

Юнкера сохранили эту бодрость... Они доблестно сражались въ Великую войну. Въ дни смуты они долго держались, охраняя порядокъ... Ихъ избивали большевики подлѣ стѣнъ училища на Большой Спасской улицѣ и на дворѣ Петро-Павловской крѣпости. Ихъ ловили, когда они пробирались на югъ въ Добровольческую Армію и разстрѣливали на желѣзно-дорожныхъ путяхъ и на станціонныхъ дворахъ. Они доблестно сражались и умирали въ рядахъ «бѣлыхъ» армій. Сколько ихъ?.. Кто знаетъ ихъ имена? Кто опредѣлитъ и скажетъ это? Ихъ имена и подвиги записаны у Господа. Ихъ число прибавлено къ той страшной кровавой жертвѣ, которую принесъ и теперь приноситъ Русскій народъ во имя спасенія Родины.

Таково было то училище, въ рядахъ котораго, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, я началъ свою дѣйствительную военную службу юнкеромъ рядового званія.

---

*) Капитанъ Колчинскій. «Памятка Павловскаго Военнаго Училища». СПБ. 1913 г.

2. Почему мы, лучшіе ученики Александровскаго кадетскаго корпуса, пошли въ Павловское Училище?

30 августа 1887-го года, мы, выпускные кадеты Александровскаго кадетскаго корпуса, были собраны къ 12-ти часамъ дня въ нижнемъ — портретномъ залѣ для отправленія по училищамъ.

Большинство насъ — и что рѣдко бываетъ, — вся головка класса, — «первые ученики», обычно шедшіе въ спеціальныя училища — Артиллерійское и Инженерное, — кадеты съ высокими баллами по математи-

кѣ, — шли въ 1-е Военное Павловское Училище.

Сказалось вліяніе нашего командира строевой роты полковника Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка Н. Ѳ. Кольдевина.

Въ тѣ времена въ ротахъ, эскадронахъ, батареяхъ и сотняхъ Россійской арміи учебнымъ пособіемъ для обученія чтенію, диктовкѣ, для внѣкласснаго чтенія служила: — «Книга для чтенія въ ротахъ, эскадронахъ и командахъ», составленная «Старымъ ротнымъ командиромъ» и изданная В. А. Березовскимъ. Это была военная христоматія. Рядъ искусно подобранныхъ очерковъ, отрывковъ, анекдотовъ, описаній, разсказовъ, повѣстей, стихотвореній разныхъ Русскихъ авторовъ, малыхъ и великихъ, приспособленный для солдатскаго пониманія.

Этотъ «старый ротный командиръ» и былъ нашъ ротный — Николай Ѳедоровичъ Кольдевинъ — «Кольдебашъ», на кадетскомъ жаргонѣ.

Съ Владиміромъ съ мечами и бантомъ въ петлицѣ, съ нервнымъ тикомъ — послѣдствіе раненія — на загорѣломъ, чернобородомъ лицѣ, — онъ приходилъ къ намъ въ классъ въ «пустые» часы, когда не было преподавателя и разсказывалъ о доблести пѣхоты, о святости смерти за Родину, о величіи подвига пѣхотнаго солдата. Онъ увлекалъ насъ — не блескомъ, но скромностью подвига въ пѣхотномъ бою.

Слѣдствіемъ его вдохновенныхъ разсказовъ и было, что нашъ первый ученикъ — съ полными двѣнадцатью по всѣмъ предметамъ — вице-фельдфебель Владиміръ Грендаль, третій по балламъ Лихачевъ, Шенкъ, Кругликовъ, Соколовъ, Глазковъ и еще другіе отказались идти въ Артиллерійское и Инженерное Училища и записались въ Павловское училище — въ «Дисциплинарный батальонъ»...

О себѣ я не говорю. Я былъ вторымъ, но моя дальнѣйшая карьера была предрѣшена. Я коренной Донской казакъ и моя служба должна была протекать въ Донскомъ войскѣ — въ его конныхъ частяхъ или батареяхъ. Мой отецъ былъ офицеромъ Л. Гв. 6-й Донской казачьей Его Величества батареи, мой дѣдъ служилъ и былъ командиромъ Лейбъ Гвардіи Казачьяго Его Величества полка, мой прадѣдъ служилъ въ Войска Донского Атаманскомъ полку, прапрадѣдъ, сотрудникъ Суворова, служилъ въ Донскихъ полкахъ и былъ въ походахъ въ Турціи, Польшѣ и на Кавказѣ и былъ убитъ подъ Колоцкимъ монастыремъ наканунѣ Бородинскаго сраженія. Изъ за «льготы», противъ которой мой отецъ возставалъ — онъ не хотѣлъ, чтобы я шелъ въ полевые (армейскіе) полки или батареи, — значитъ, мнѣ нужно было стремиться въ Николаевское кавалерійское или въ Михайловское Артиллерійское училище, чтобы искать ваканцію въ гвардейскихъ Донскихъ казачьихъ частяхъ.

Но... Наша семья была большая. Отецъ, кромѣ жалованья, не имѣлъ ничего — и дорогая служба съ обязательнымъ реверсомъ въ 500 рублей, съ собственнымъ обмундированіемъ и среди богатой молодежи въ эскадронѣ Николаевскаго кавалерійскаго училища была не для меня. Казачьей сотни тогда при училищѣ еще не было. Мнѣ нужно было скорѣе кончать курсъ, чтобы «стать на свои ноги» и не обременять отца.. Павловское училище влекло меня разсказами Кольдевина о пѣхотной службѣ. Отецъ благословилъ меня идти въ пѣхотное училище, сказавъ:

— Служба въ пѣхотѣ есть основаніе всякой воинской службы. Суровая репутація училища — лучшее что можетъ быть...

Я шелъ въ училище со своими товарищами, съ друзьями дѣтства, съ кѣмъ прожилъ счастливые годы кадетской жизни.

Насъ собралось человѣкъ тридцать, обоихъ отдѣленій седьмого класса. Не было съ нами только тѣхъ, кто шелъ, по своему желанію, въ гражданскія учебныя заведенія.

Пришло наше начальство: — воспитатель — штабсъ-капитанъ Сергѣй Васильевичъ Коноплевъ, ротный — Кольдевинъ, инспекторъ классовъ статскій совѣтникъ Захаръ Борисовичъ Вулихъ. Раздались на лѣстницѣ такъ намъ знакомые шаркающіе шаги и по-

кашливаніе директора генералъ-лейтенанта Рудановскаго.

«Любезный другъ» спускался къ намъ, чтобы проститься со своими питомцами.

Не знаю, что испытывали, прощаясь съ нами, наши воспитатели? Не думаю, чтобы они очень скорбѣли. Новые шли на наше мѣсто. Корпусная машина работала непрерывно. Только Кольдевинъ что то больше хмурился, чѣмъ обыкновенно и его конопатое лицо съ сѣдѣющей черною бородой чаще подергивалось нервнымъ тикомъ.

Рудановскій обошелъ нашъ, готовый къ походу строй.

Черныя шинели надѣты въ «накидку», застегнуты на крючокъ и на верхнюю пуговицу, фуражки, мундиры съ бѣлыми погонами и поясами — все старое, поношенное, — донашивается — завтра уже этого не будетъ больше нужно. Завтра у насъ будетъ все казенное. Мы станемъ юнкерами.

Директоръ подошелъ къ хорошенькому, розовому, бѣловолосому финну Гренделю, стоявшему на правомъ флангѣ.

— Любезный другъ, учись тамъ, какъ учился здѣсь, на полные двѣнадцать! И ты, казакъ! Ведите себя примѣрно, помните, чье имя носитъ нашъ корпусъ. Всѣхъ желаю видѣть на будущій годъ съ нашивками — портупей юнкерами.

Вулихъ укоризненно качалъ головою и говорилъ мнѣ, Лихачеву и Гренделю:

— Съ такими баллами по математикѣ, какъ у васъ — и въ пѣхоту!..

Артиллеристовъ, Константиновцевъ, Инженеровъ и единственнаго изъ нашего выпуска кадета Слѣпушкина, шедшаго въ Николаевское училище вызвали изъ строя и отпустили отдѣльно. Мы слышали, какъ загремѣли извощичьи дрожки. Они поѣхали по своимъ училищамъ.

Насъ разсчитали по два, вздвоили ряды, повернули на право и — «шагомъ маршъ»!

— Съ Богомъ! — сказалъ Рудановскій.

— Съ Богомъ! — повторилъ Кольдевинъ и пошелъ за нами на парадный корпусный подъѣздъ.

Вице фельдфебель Грендель шелъ на правомъ флангѣ, Коноплевъ шелъ въ сторонѣ.

Кольдевинъ стоялъ подъ навѣсомъ подъѣзда въ длинномъ сюртукѣ, безъ фуражки и пристально смотрѣлъ намъ вслѣдъ. Мнѣ показалось, что на глазахъ его блистали слезы.

«Прощай корпусъ!.. Прощайте дѣтскіе — кадетскіе годы! Юность здравствуй!»

3. Нижніе чины

3. НИЖНІЕ ЧИНЫ

Очень трудно теперь, когда прожита такая долгая, большая жизнь, когда старъ, усталъ, истосковалась по потерянной Родинѣ душа и болятъ старыя раны, вспоминать, что мы, — и лично я, — думали тогда, когда узенькой колонной, рядами, маршировали по залитому осеннимъ солнцемъ Невскому проспекту.

Вспоминаешь, напрягаешь память и не вѣришь — да точно ли это былъ я — тотъ бравый, высокій кадетъ съ вице-унтеръ-офицерской золотой нашивкой кругомъ погона, что шагалъ рядомъ съ бѣлобрысымъ Гренделемъ, нашимъ рулевымъ на двойкѣ «Фруфру», гдѣ я былъ загребнымъ, а гребцомъ Лихачевъ, идущій сейчасъ въ хвостѣ колонны?

Сложныя были чувства и быстрыя, быстрыя мысли.

Мы были кадетами — тогда «своекоштнаго» корпуса, — «приходящаго». Кромѣ мѣсяца Петергофскаго лагеря, куда ходила наша строевая рота, мы жили дома, у родителей. Мы были избалованы родительской лаской, матерями, тогдашнимъ семейнымъ бытомъ, съ братьями и сестрами, съ прислугой, горничными и кухарками, со старой ня-

ней, всею этою волею жизни на родительской квартирѣ. Мы шли въ неволю — въ казарму. Шли не только учиться, но и служить. Завтра — отдадутъ приказъ — и мы на военной службѣ и за всѣ свои поступки и проступки будемъ отвѣчать по всей строгости военныхъ законовъ.

Былъ праздничный, веселый, августовскій день — Александра Невскаго — Петербургскій праздникъ, кромѣ того — Тезоименитство Государя Императора Александра Ш Александровича. Только что прошелъ крестный ходъ изъ Казанскаго собора въ Александро-Невскую Лавру и непрерывно торжественнымъ, густымъ трезвономъ звонили колокола въ Казанскомъ Соборѣ. Имъ отвѣчали отъ Исакія, и по всѣмъ столичнымъ церквямъ шли праздничные перезвоны. Погода была праздничная, бодрая, солнечная. По голубому небу бѣжали бѣлыя, разорванныя облака, весело звонили конныя кареты, стучали по торцовой мостовой копыта лошадей и дребезжали извощичьи дрожки. И народу! — не протолкаться. У католической церкви на обширномъ ея внѣшнемъ дворѣ черно отъ выходящихъ богомольцевъ. Слышна польская рѣчь въ перемежку съ французской. Въ этой толпѣ трудно держать ногу, и Сергѣй Васильевичъ то и дѣло недовольнымъ голосомъ съ хрипотцей подсчитываетъ:

— Лѣвой!.. Лѣвой!.. Ать-два!.. ать-два!..

Мы идемъ молча. Въ строю — не разговариваютъ. Грендаль командуетъ встрѣчнымъ офицерамъ и генераламъ — «смирно». Безконечнымъ кажется Невскій.

На Мытномъ перевозѣ, у Дворцоваго, на баркахъ, моста мы заплатили послѣдній разъ по двѣ копѣйки за человѣка на пароходѣ — назадъ поѣдемъ — даромъ — мы будемъ тогда уже нижними чинами, а нижнихъ чиновъ Невскіе пароходы обязаны перевозить безплатно.

Нижній чинъ!.. Солдатъ!..

Дома отъ отца и матери, въ корпусѣ отъ милаго «стараго ротнаго командира» я привыкъ со святостью смотрѣть на солдатское званіе.

«Солдатъ есть слуга Государя и Родины и защитникъ ихъ отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Званіе солдата высоко и почетно»...

Какъ же было не гордиться этимъ званіемъ?..

Мы сидѣли плотнымъ рядомъ на скамьяхъ пароходнаго бака. Свѣжимъ, пахнущимъ моремъ и водою, вѣтромъ румянило наши безусыя, юныя лица, рѣзало рѣсницы. Шипѣла, пѣнясь подъ килемъ, Невская темная вода, бѣлые гребешки играли по волнамъ.

На Мытномъ точно попали въ другой міръ. Тихо и безлюдно. И только отъ города, черезъ Неву и отъ Петро-Павловскаго собора, изъ Троицкой церкви идутъ торжественные, праздничные звоны: — «боммъ!... боммъ!... боммъ»!..

Провожаютъ на Царскую службу.

Бульварами прошли мы мимо «буяновъ» Мытнаго и Пеньковаго, пересѣкли Большой проспектъ и вышли на Большую Спасскую улицу.

Она вся — «казенная». Широкая, пустынная-унылая, и за ней точно конецъ свѣта — во всякомъ случаѣ — конецъ Петербурга. Тянутся зданія — блѣдно желтое, казарменное — 2-го кадетскаго корпуса, небольшое зданіе коннаго манежа, громадная постройка экзерциргауза — по лѣвой сторонѣ, по правой — бѣлое длинное зданіе Военно-Топографическаго училища и рядомъ съ нимъ наши казармы.

До этой осени Павловское училище помѣщалось въ старинномъ Миниховскомъ дворцѣ — зданіи 1-го кадетскаго корпуса на Васильевскомъ острову, съ этой осени его перевели въ помѣщеніе бывшаго Дворянскаго полка.

Это громадное, длинное и унылое зданіе Николаевскаго казарменнаго стиля. Въ немъ три этажа. Въ двухъ нижнихъ высокія прямоугольныя восьми стекольныя окна, въ верхнемъ окна квадратныя о четырехъ стеклахъ. Ни украшеній, ни колоннъ, ни подоконниковъ. Все просто, геометрически правильно, прямолинейно. Зданіе оштукатурено и побѣлено. Мы прошли мимо наглухо за-

крытыхъ деревянныхъ покрашенныхъ сѣрой краской воротъ, потомъ былъ небольшой подъѣздъ со ступеньками внизъ, въ подвалъ. Изъ подъѣзда на насъ вкусно пахнуло горячимъ чернымъ хлѣбомъ.

Поверху зданія подъ крышей висѣла узкая синяя вывѣска, на ней прямыми золотыми маленькими буквами было написано: — «I-е военное Павловское училище».

Невольно мы ускорили шаги и вошли въ высокій подъѣздъ.

4. «Хабаты»

Я не помню, когда, гдѣ и какъ насъ разбили по ротамъ. Кажется это было сдѣлано тутъ-же, въ первомъ этажѣ, гдѣ помѣщалась комната дежурнаго офицера и сдѣлано было бывшимъ въ дежурной комнатѣ батальоннымъ командиромъ по списку и по совѣщанію со штабсъ-капитаномъ Коноплевымъ.

Самые рослые изъ насъ — Шенкъ, Соколовъ, Глазковъ, Кругликовъ и я попали въ первую роту, Грендаль — во 2-ю.

Въ глазахъ тогда рябило, все казалось смутнымъ, какъ во снѣ. Откуда то появился бравый юнкеръ въ мундирѣ съ галунами, съ таліей въ рюмочку, туго стянутой лакированнымъ чернымъ ремнемъ, на которомъ висѣлъ въ лакированныхъ ножнахъ штыкъ трубкой назадъ. Онъ щегольски вытянулся передъ батальоннымъ командиромъ, приложилъ руку къ безкозыркѣ съ алымъ околышемъ, лихо надѣтой на бекрень, выслушалъ приказаніе и повернулся къ намъ.

— Пожалуйте-съ... Ведите за мной.

Я былъ за старшаго въ шеренгѣ, назначенной въ 1-ю роту. Мы поднимались по широкой, двумя маршами, уходившей наверхъ лѣстницѣ во второй этажъ. На площадкѣ была широкая дверь, надъ нею икона и крестъ — входъ въ училищную церковь. Мы повернули направо отъ нея и вошли въ длинный, свѣтлый корридоръ съ простымъ дощатымъ, некрашеннымъ поломъ.

По одну сторону его тянулся рядъ высокихъ оконъ. Въ нихъ былъ виденъ обширный песчаный плацъ, заборъ, деревья съ пожелтѣвшими листьями, за ними склады дровъ и безконечные просторы пустырей. По другую была высокая стѣна съ широкими арками — за ними казарма съ рядами коекъ.

Едва мы втянулись въ корридоръ, какъ съ коекъ, какъ бѣшенные, сорвалось нѣсколько юнкеровъ въ черныхъ простыхъ куртках — «бушлатахъ», съ алыми погонами, безъ галуновъ, они кинулись къ аркамъ и нарочито грубыми голосами завопили:

— Т-тю!.. Хабаты!..

— Хаб-б-бат-ты!

— Извощики, — презрительно кинулъ имъ сопровождавшій насъ юнкеръ.

Крики продолжались. И пока мы шли по корридору, насъ преслѣдовали злобно презрительные крики:

— Хабаты!..

— Хаб-батье!..

Мы шли молча. Хотя насъ было всего пять человѣкъ — «въ строю не разговариваютъ». Да мы ничего не понимали и не хотѣли принимать эти крики на себя. Но они огорошили насъ и сдѣлали больно въ первыя минуты пребыванія въ училищѣ, когда и безъ того смутно и не хорошо было на душѣ отъ неизвѣстности.

Корридоръ кончился, былъ изгибъ направо, большая комната, гдѣ по одну сторону тянулся желѣзный умывальникъ съ длинными мѣдными сосками, по другую пирамида, уставленная ружьями съ примкнутыми штыками.

— Кѣвнарскій, — крикнулъ юнкеръ. — Къ вамъ кадеты Александровцы.

Мы входили въ длинную, свѣтлую казарму. Отъ крайней ея койки отдѣлился громаднаго роста красивый черноволосый юнкеръ, съ маленькимъ темнымъ пухомъ надъ

верхней губой. Онъ подошелъ къ намъ и представился:

— Исполняющій обязанности взводнаго 1-го взвода — юнкеръ Кѣвнарскій. Въ Государеву роту? Поздравляю!

Онъ крикнулъ вглубь казармы:

— Юрій Александровичъ, твои!

Но уже изъ за арокъ, раздѣлявшихъ казарму по длинѣ на двѣ части показался нашъ товарищъ, Александровецъ, годомъ старше насъ — Вороновъ. Его широкое лицо ласково намъ улыбалось.

Кѣвнарскій съ Вороновымъ развели насъ по койкамъ и указали намъ, гдѣ кому спать, показали шкафики, гдѣ мы должны хранить свои и казенныя вещи и черезъ нѣсколько минутъ мы собрались подлѣ Вороновской койки и первымъ нашимъ вопросомъ было, почему насъ такъ грубо, непонятными словами встрѣтили юнкера училища?

— Не знаете? — сказалъ Вороновъ. — И меня такъ встрѣтили и я тоже тогда не зналъ. Старая традиція... Глупая кличка, — а привилась и осталась. Нашъ корпусъ пока единственный — всесословный, и кромѣ того «приходящій». Отсюда зависть — легкое презрѣніе, пренебреженіе нами — «маменькины сынки». Когда же первый выпускъ нашего корпуса появился въ стѣнахъ училища — на бѣду всѣ его кадеты оказались съ большими длинными носами — точно со слоновыми хоботами. Вотъ и прозвали ихъ «хоботами». Потомъ смыслъ этой клички утратился — не всегда же были длинноносые кадеты, слово передѣлали въ ничего уже не значущее—«хабатъ», но кличка не только осталась, но распространилась и на другихъ кадетъ съ бѣлыми погонами, такъ теперь нерѣдко и кадетъ Михайловскаго Воронежскаго корпуса встрѣчаютъ такими же криками — «хабаты»... А обложила васъ наша вторая рота — «извощики»: у нея тоже традиція — бить на грубость. Мы не можемъ пройти мимо нихъ, чтобы намъ вслѣдъ не загоготали, не заржали дикимъ ржаніемъ, не закричали: — «и го-го-го! — жер-ребцы»!

Мы сидѣли на койкахъ вокругъ Воронова и его сосѣда Скородинскаго и въ тихой бесѣдѣ насъ просвѣщали и разсказывали намъ, что мы должны прежде всего знать.

Мы — 1-ая рота. Рота Его Величества. Государева — Царева рота. Самая рослая, красивая рота — служить въ ней большая честь. Нашъ правый флангъ — все народъ больше сажени ростомъ. Великаны.

— Они теперь въ отпуску ,а вотъ увидите, какъ вернутся — Шмелингъ, Дюбоа, Повало-Швейковскій — нашъ «маіоръ», какъ называютъ у насъ оставшихся на второй годъ въ училищѣ — великаны! Ну, какъ же не жеребцы? Кличка подошла. 2-ая рота за грубость прозвана «извощиками», третья, куда подбираютъ — въ знаменную роту — самыхъ красивыхъ юношей — «дѣвочки», ну, а четвертая, гдѣ мелкота, — «малина».

Начальникъ училища Лейбъ-Гвардіи Волынскаго полка Генералъ-Лейтенантъ Рыкачевъ.

— Въ турецкую войну нашъ Степанъ Васильевичъ командовалъ Лейбъ-Гвардіи Волынскимъ полкомъ, отличился съ нимъ и потому носитъ мундиръ своего полка. Онъ молодчина — громаднаго роста, сѣдые бакенбарды висятъ внизъ, какъ въ то время носили — а выправка! Лучше не надо! Верхомъ ѣздитъ, какъ богъ, — говорилъ Скородинскій. — Но на глаза лучше не попадайтесь. Строгъ!.. Стро-огъ! Всякая вина виновата — и это уже не лишнія тамъ дневальства, а арестъ. И строгій! Онъ солдатъ... Не пощадитъ... Но, молодецъ! Георгіевскій крестъ на груди, золотое оружіе, и вообще, какъ и надо быть генералу!.. Батальонный Павелъ Александровичъ Щегловитовъ — этотъ — добряга. Рыкачевъ — вдовецъ. Его сынъ у насъ портупей-юнкеромъ. Щегловитовъ — семейный, у него дочь въ балетѣ.

— Не дочь, а свояченица, — поправилъ Вороновъ. — По сценѣ — Натарова. Прелестная барышня. Никто ее никогда не видитъ, развѣ иногда въ церкви, а весь батальонъ влюбленъ въ нее — просто по чувству товарищества. Это тоже традиція — ну и притомъ же своя — Павлонка...

— Ротный, — говорилъ Скородинскій, —

«косоглазый», «Семенъ» — капитанъ Семенъ Ивановичъ Никоновъ — ничего — жить можно. Пушить будетъ, а когда нужно тоже и пожалѣетъ. У насъ курсовой — поручикъ Третескій, славный человѣкъ, заика, но стрѣлокъ такой и такъ знаетъ винтовку, что та для него какъ живая. Ну, васъ не поздравимъ — у васъ штабсъ-капитанъ Герцыкъ, Александръ Антоновичъ, стрѣлокъ 16-го стрѣлковаго батальона — онъ «батенька мой» «дрючить» будетъ во всю, и безъ всякой пощады.

— Что же, господа, пойдемъ, можетъ быть, къ Харлампію, — предложилъ Вороновъ и пояснилъ — это мы по прошлогоднему называемъ такъ нашу юнкерскую чайную. Въ томъ Васильеостровскомъ зданіи чайную держалъ Ярославскій мужикъ Харлампій, были пирожныя, сладкія булки, бутерборды, чай и кофе, теперь Харлампія упразднили и ведутъ дѣло на артельныхъ началахъ сами юнкера. Стало, правда, дешевле...

— Не такъ уютно, — сказалъ Скородинскій. — У Харлампія не такъ было казарменно.

— Да тутъ вообще — сказалъ Вороновъ, — все больше напоминаетъ казарму. Все тутъ строже, бѣднѣе и холоднѣе. Казарма!

И Вороновъ окинулъ взглядомъ помѣщеніе нашей роты.

5. Казарма

И точно — наше помѣщеніе была — казарма.

Много, много потомъ мнѣ пришлось повидать на своемъ вѣку казармъ — и гвардейскихъ и армейскихъ, и своихъ Русскихъ и иностранныхъ — и всѣ онѣ походили на помѣщеніе нашей Государевой роты.

Только у насъ было свѣтлѣе отъ многихъ оконъ, но за то и какъ холодно зимой; было у насъ и гораздо чище, и воздухъ былъ свѣжій, не спертый, не казарменный, крѣпкій солдатскій духъ, гдѣ ночью не продохнешь.

Прямоугольное, длинное помѣщеніе — очень высокое — не казалось высокимъ изъ за своей величины. Вдоль его стѣнъ были ряды восьмистекольныхъ оконъ. Лицевая, правая отъ входа сторона выходила на училищный плацъ и, несмотря на то, что день былъ свѣжій — большинство оконъ было настежъ открыто. И отъ всего этого въ казармѣ было много свѣта и воздуха. Отступя отъ оконъ сажени на двѣ тянулся длинный рядъ желѣзныхъ коекъ, одинаково накрытыхъ сѣрыми съ лиловою полосою, простыми суконными одѣялами. Койка отъ койки стояла на шагъ разстоянія, въ промежуткахъ, въ головахъ были простые деревянные шкафики бѣлаго полированнаго дерева. Голова къ головѣ стоялъ другой рядъ коекъ. За этимъ вторымъ рядомъ, отступя на полъ сажени, была стѣна, прорѣзанная широкими сквозными арками. Она дѣлила помѣщеніе на двѣ части — двѣ полуроты. Вторая полурота отъ наружной стѣны отдѣлялась стѣною съ такими же арками, за которыми былъ широкій корридоръ. Окна его смотрѣли на пустыри, на маленькіе дома окраины Петербургской стороны. За ними синѣли деревья Петровскаго парка. Отъ того, что вторая полурота была отдѣлена отъ оконъ стѣною въ ней было сумрачно.

Полы были простые, деревянные, некрашенные. Съ бѣлаго потолка на равныхъ разстояніяхъ свѣшивались керосиновыя лампы съ круглыми, плоскими, желѣзными абажурами.

Стѣны были бѣленыя известкой и въ ростъ человѣка крашены темно-сѣрою масляною краскою съ синей каемкой. По стѣнамъ кое гдѣ, очень рѣдко, были развѣшаны солдатскія литографіи въ простыхъ деревянныхъ рамкахъ. Это были аляповатые рисунки, почти «лубки» — подвигъ Старичкова, передающаго знамя, спасенное имъ, взрывъ Михайловскаго укрѣпленія на Кавка-

зѣ, рядовой Бондаренко спасаетъ офицера. Пестрыя краски, страшно свирѣпые турки, много дыма, несуразныя лошади. Между этими картинами висѣли таблицы знаковъ отличія, правила отданія чести, изображеніе пѣхотнаго знамени съ описаніемъ — все это было тоже грубо исполнено. У насъ въ корпусѣ стѣны были украшены отличными гравюрами на мѣди съ картинъ лучшихъ иностранныхъ и Русскихъ художниковъ въ широкихъ орѣховыхъ рамахъ, все было художественно и изящно, между ними висѣли прекрасныя работы акварелью, итальянскимъ карандашемъ или «сангвине» (краснымъ карандашемъ) кадетъ-художниковъ, исполненныхъ съ большимъ искусствомъ. Тамъ — былъ «домъ», здѣсь была «казарма»...

По серединѣ помѣщенія, между первымъ и вторымъ взводами былъ широкій промежутокъ. Здѣсь въ простѣнкѣ висѣли часы, а по бокамъ въ золотыхъ овальныхъ рамахъ портреты Государя Императора Александра Ш и Государыни Императрицы Маріи Феодоровны.

На короткой, дальней стѣнѣ, ближе къ окнамъ, въ стѣну былъ вдѣланъ высокій бѣлый съ золотомъ кіотъ и въ немъ большой образъ Архистратига Михаила — Покровителя нашей Государевой роты.

Койки были желѣзныя. На нихъ были положены сосновыя, плохо обструганныя доски. Жидкіе матрацы были набиты соломой, на нихъ лежали двѣ простыя холщевыя простыни и подушка, набитая сѣномъ съ грубой наволочкой. Вся обстановка нашего быта была солдатская, суровая, или, какъ тогда, вѣроятно намъ въ утѣшеніе, говорили — «спартанская». Въ головахъ коекъ были вставлены желѣзные пруты съ овальными жестяными табличками, покрашенными красною краской съ чернымъ кантомъ. На нихъ бѣлыми буквами были написаны: номеръ каждаго юнкера и его имя и фамилія.

На правофланговой койкѣ я прочиталъ — «Младшій портупей-юнкеръ Иванъ Бурмейстеръ». Ободокъ у дощечки былъ золотой. Это была койка нашего фельдфебеля — Ивана Федоровича — почему то заглазно называвшагося — «Софрономъ», а въ минуты злобы на него — «фараономъ» отнюдь не въ память Египетскихъ властителей, но въ напоминаніе о «городовыхъ», называемыхъ въ просторѣчіи «фараонами»... («Гонителямучителя — фараона» — великопостное пѣснопѣніе).

Въ ногахъ каждой койки стоялъ деревянный табуретъ. У входа, въ углу была конторка съ косымъ верхомъ и подлѣ нея единственный въ помѣщеніи соломенный стулъ со спинкой — мѣсто работы фельдфебеля.

Въ корридорѣ, у стѣны, были составлены нехитрые гимнастическіе приборы: — деревянные, не гнущіеся параллельные брусья, горизонтальное бревно, трамплинъ, стойка для веревочки. Въ потолокъ были вдѣланы шесты для лазанья, висѣли канаты, наклонная и двойная «шведская» лѣстницы, была доска съ выемками для лазанья. Стояла высокая подстановка для прыганья съ нея внизъ.

Сбоку умывальной была небольшая комната, гдѣ были поставлены скамьи съ ведерками дегтя и ворвани и лежали помазки — для чистки и смазки сапогъ. Въ углу этой комнаты сидѣлъ постоянно служитель швальнистъ для починокъ разорваннаго платья и бѣлья.

Высокая дверь рядомъ съ образомъ вела въ комнату, гдѣ были простые черные столы и скамьи и гдѣ на стѣнахъ не было никакихъ украшеній — это была «занимательная» комната для занятій.

Корридоръ оканчивался двумя дверьми — вправо въ шинельную, гдѣ были вѣшалки для новыхъ и вседневныхъ шинелей и гдѣ юнкера хранили свои собственные сапоги, влѣво въ просторную унылую курительную и за нею въ уборную. Въ самомъ помѣщеніи курить было стройжайше запрещено, за этимъ слѣдили и виновныхъ нещадно наказывали.

Все было, какъ въ обыкновенной пѣхотной казармѣ, какъ и вся обстановка и весь бытъ училища были приноровлены къ обстановкѣ и быту армейскаго пѣхотнаго полка.

6. Въ солдатскомъ платьѣ

Все подходили и подходили кадеты различныхъ корпусовъ. Пришли кадеты 1-го кадетскаго корпуса, пришли Симбирцы, Аракчеевцы, Кіевляне, Полтавцы, Тифлисцы, Воронежцы, о прибытіи ихъ мы узнали по дикимъ крикамъ сосѣдей «извощиковъ»: — «хабаты! Тю-ю, Хабаты»!!

Помѣщеніе наполнилось и гудѣло голосами. Кѣвнарскій съ дежурнымъ по ротѣ разводили прибывающихъ сообразно съ ростомъ каждаго кадета по взводамъ и по койкамъ и записывали ихъ фамиліи. Подлѣ меня помѣстили блѣднаго, высокаго и тонкаго кадета Оболенскаго съ печальными глазами.

Было около трехъ часовъ дня, когда кто то изъ умывалки крикнулъ:

— Новоприбывшихъ кадетъ въ ротный цейхгаузъ на пригонку обмундированія.

Кѣвнарскій построилъ насъ въ общій ранжиръ, гдѣ мы перемѣшались съ кадетами другихъ корпусовъ, и строемъ повелъ изъ роты. Цейхгаузъ помѣщался сейчасъ же за изгибомъ коридора, въ углу между нашей и второй ротами.

Въ высокой и темноватой отъ большихъ стеллажей, наполненныхъ бѣльемъ и обмундированіемъ комнатѣ, насъ встрѣтилъ средняго роста полный капитанъ въ сюртукѣ. У него были длинные рыжіе бакенбарды, висѣвшіе внизъ, и острые, желтые кошачьи, сильно косящіе глаза. Мы сейчасъ же догадались, что это и есть нашъ ротный «косоглазый», «Семенъ», — капитанъ Никоновъ. Сзади него стоялъ приземистый коренастый солдатъ, черноусый, бравый, въ такомъ же бушлатѣ, какъ у юнкеровъ, но съ сверхсрочными шевронами на рукавѣ и тремя нашивками старшаго унтеръ-офицера — нашъ ротный каптенармусъ — Мохнинъ.

Насъ остановили у входа и по списку, поданному Кѣвнарскимъ, вызывали по три, по четыре человѣка въ цейхгаузъ.

Никоновъ и Мохнинъ внимательно осмотрѣли меня съ ногъ до головы и Никоновъ сказалъ:

— Дайте съ Гангарта.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, — быстро и довѣрительно сказалъ Мохнинъ, — коротокъ и широкъ будетъ. Имъ съ № 77 въ самую пору придется.

Мы уже сняли съ себя кадетское обмундированіе и стояли въ одномъ бѣльѣ.

— А, ну попробуйте съ Гангарта.

Каптенармусъ досталъ съ полки поношенный мундиръ съ галунами вокругъ воротника и подалъ мнѣ. Я надѣлъ его.

— Да, правда, — сказалъ Никоновъ, — широковатъ и коротокъ.

— Я говорю, ваше высокоблагородіе, не иначе, какъ съ 77 номера. Въ самый разъ имъ придется.

Долой домашняя брезгливость! Кто уже носилъ эти мундиры и шаровары, шапки и фуражки, шинели и башлыки? Не все ли равно.

Бушлатъ 77 номера пришелся мнѣ какъ разъ въ пору, парадный мундиръ морщилъ въ плечахъ.

— Это подложить можно, — говорилъ Мохнинъ, безцермонно поворачивая меня передъ ротнымъ командиромъ во всѣ стороны, — талія въ акуратъ будетъ, юбки и подрѣзать не придется, а здѣсь подложить немного. Захаръ, пожалуйте сюда.

Изъ за стеллажей выдвинулась озабоченно-мрачная личность въ бѣлой рубахѣ и штанахъ, съ сантиметромъ, висящимъ на шеѣ съ портняжнымъ узкимъ, дощечкой, мѣлкомъ въ рукахъ и стала вмѣстѣ съ Мохнинымъ вертѣть меня и ставить на мундирѣ таинственныя запятыя и кресты.

— Берите, Захаръ, — стягивая съ меня мундиръ сказалъ Мохнинъ. — Пожалуйте, получайте, — обратился онъ ко мнѣ и сталъ кидать мнѣ вещи 77-го номера.

Я становился обладателемъ — барашковой искусственнаго барашка шапки съ бронзовымъ орломъ и кокардой, безкозырки и бушлата, двухъ паръ короткихъ шароваръ и одной пары длинныхъ для классныхъ занятій, короткихъ и высокихъ сапогъ, двухъ

шинелей, трехъ рубашекъ и трехъ подштанниковъ, полотенецъ, носовыхъ платковъ, ремня съ бляхой, штыковой ножны, башлыка, пары черныхъ суконныхъ рукавицъ, куска мыла, патронныхъ сумокъ, ружейной принадлежности и пр., и нагруженный всѣмъ этимъ вернулся въ роту.

Вороновъ пересмотрѣлъ со мною всѣ вещи.

— Отъ Петровскаго досталось, — сказалъ онъ. — Это хорошо. Чистенькій былъ юнкеръ и не потливый. Штыковую ножну и штыкъ къ ней, первый разъ, какъ въ отпускъ пойдете, купите въ Апраксиномъ рынкѣ. А то съ казенной намучаетесь. Начерните — шинель пачкать будетъ, а съ рыжей въ отпускъ не пустятъ... Ну, да это пустяки — и то, и другое вамъ меньше рубля станетъ. Сапоги съ колодками лакированные заказывать придется, лучше всего у Гозе на Знаменской, а то въ этихъ ни въ театръ, ни въ гости, никуда не пойдете. Воняютъ и пачкаютъ. И начальство это понимаетъ и не только разрѣшаетъ, но и поощряетъ имѣть свои сапоги.

— А мундиръ, нельзя имѣть свой? — спросилъ Оболенскій, принесшій въ это время свое обмундированіе и видимо смущенный поношеннымъ видомъ даннаго ему мундира.

— Мундиръ?.. Нѣтъ, это, какъ говорится: ахъ, оставьте! У насъ не кавалерійское училище съ богачами и купеческими сынками или богатыми дворянчиками, мы не монше-ры, у насъ за собственный мундиръ подъ арестъ попадете и мундиръ отъ васъ отберутъ.

— Почему?

— Да, очень просто, почему: одинъ можетъ, другой не можетъ. Зависти, чтобы, Оболенскій, не было между товарищами. У насъ и на извощикѣ по той же причинѣ не принято ѣздить, пѣшкомъ, да на конкѣ... У насъ и кутежи не въ модѣ. Только вотъ сапоги и позволено, потому что юнкеру поухаживать позволено и танцовать ему захочется, а въ такихъ куда пойдешь, дальше дворницкой никуда не пустятъ.

Мы складывали по указанію Воронова полученное обмундированіе и бѣлье въ шкафики, гдѣ все должно было лежать на опредѣленномъ мѣстѣ и опредѣленнымъ образомъ сложенное. Вороновъ говорилъ, что еще придется намъ имѣть свое собственное.

— Въ чайной, у Харлампія, тьфу нѣтъ его уже, такъ въ чайной, — говорилъ Вороновъ, — купите замокъ для шкафика, такъ полагается, подсвѣчникъ и свѣчи, потому что въ занимательной очень неудобно заниматься и всѣ учатся за своими шкафиками, ну еще...

Я чувствовалъ, какъ въ моемъ карманѣ, въ кожаномъ кошелькѣ, таяли данные мнѣ матерью на дорогу въ училище два рубля. Штыковая ножна — шесть гривенъ, штыкъ девяносто копѣекъ, подсвѣчникъ — четвертакъ, свѣчи гривенникъ, только и останется на конку по три и по четыре копѣйки на имперьялѣ въ двухъ каретахъ... А еще сапоги... Двѣнадцать рублей съ колодками!.. Какъ выкроитъ ихъ для меня моя мать, изъ тѣхъ скудныхъ средствъ, которыя у нея были на хозяйство?

— Такъ, что же, господа, идемте къ Харлампію за покупками и чаю заодно напьемся съ пирожными. Самое теперь время.

Нужное я купилъ, но отъ чая категорически отказался.

— Что то не хочется. Я очень уже много сладкаго поѣлъ дома и мнѣ вовсе не хочется пить, — съ независимымъ видомъ сказалъ я.

Шелъ пятый часъ, а я ничего съ утра не ѣлъ. Но рубли мои растаяли и я зналъ, что до новаго мѣсяца мать не сможетъ мнѣ дать подмоги.

Оставивъ Воронова и присоединившихся къ нему Шенка, Оболенскаго и Кругликова пить чай, я ушелъ съ подсвѣчникомъ и свѣчами въ роту и уже не узналъ ея.

7. Первый день

Не было въ ней недавней пестроты кадетскихъ погонъ — алыхъ, синихъ, желтыхъ, бѣлыхъ, не было потертыхъ галунныхъ воротниковъ и сверкающихъ мѣдью пуговицъ однобортныхъ мундировъ. Всѣ были одинаково одѣты. На всѣхъ черные бушлаты на крючкахъ со стоячими воротниками безъ галуна съ красными выпушками, съ красными погонами съ вензелемъ «П», «I», на всѣхъ длинные черные штаны. Сгладились различія. Изъ кадетъ столичныхъ и провинціальныхъ, со своими обычаями, нравами, традиціями, со своимъ самолюбіемъ и кадетскими ухватками, изъ «хабатовъ» и не «хабатовъ» — мы обратились въ монолитную массу юнкеровъ Государевой роты I-го Военнаго Павловскаго Училища.

Мы теперь легче знакомились другъ съ другомъ. Черезъ моего сосѣда Оболенскаго я сошелся съ кадетами I-го кадетскаго корпуса бѣловолосымъ, розовымъ, въ веснушкахъ, изящнымъ, картавящимъ и французящимъ Ротштейномъ, рослымъ и мѣшковатымъ, серьезнымъ музыкантомъ — онъ отлично игралъ на роялѣ — Ломиковскимъ, блѣднымъ, съ плоскимъ, рыбьимъ лицомъ финномъ Лескиненомъ, рыжимъ, грубоватымъ въ манерахъ, но доброй души лихимъ матерымъ кадетомъ Тѣлеснинымъ и насъ составилась большая группа, часъ тому назадъ совсѣмъ не знающихъ другъ друга юношей — теперь — друзей, готовыхъ постоять другъ за друга. Молодость довѣрчива, открыта, пряма. Кадетская, рыцарская закваска давала намъ опредѣленную увѣренность другъ въ другѣ и мы сошлись надолго, на много лѣтъ, съ иными до самой смерти — юнкера Павлоны.

Дичились юнкера провинціалы. Хмурились Сибиряки, показывая крутой нравъ и нелюдимость. Но уже по принципу: — «вы казакъ и я казакъ» подошелъ ко мнѣ уралецъ Бородинъ и мы сдружились съ нимъ крѣпко — до нынѣшнихъ дней.

День клонился къ вечеру. Казарма гудѣла голосами. Далеко за окраины города къ рощамъ Петровскаго острова спускалось солнце и длинныя тѣни легли отъ флигелей на песчаный плотно утоптанный дворъ.

— Трр-та-тамъ... трр-трр», — ударилъ дробь барабанъ сначала далеко въ коридорѣ за церковью, потомъ ближе у второй роты и, наконецъ, забилъ оглушающе, рѣзко въ нашей умывалкѣ.

Дежурный закричалъ:

— Государева р-р-ота стр-роиться на ужинъ.

Насъ разсчитали «по столамъ» по двадцать человѣкъ и едва мы вышли въ коридоръ, как намъ понеслось вслѣдъ:

— Т-тю-ю! Жеребцы!.. Жер-р-ребцы!!. И го-го-го!!!

Идущіе съ нами немногіе юнкера старшаго курса не остались въ долгу и мрачными басами отвѣтили:

— Извощики-и-и!

Столовая была въ низу, въ полуподвальномъ помѣщеніи. Въ ней стояли черные столы безъ скатертей, на нихъ были разставлены тяжелыя тарелки грубаго фаянса, бѣлыя кружки и такимъ контрастомъ съ этою простою сервировкой были лежавшіе подлѣ каждаго прибора литыя изъ серебра ложки, ножи и вилки съ вензелями Императора Павла I — пожалованіе Императора Его Сиротскому Дому. Подлѣ столовъ были скамьи безъ спинокъ. Рота за ротой становились за столами лицомъ къ образу, висѣвшему у дальней стѣны.

Въ столовую пришелъ дежурный офицеръ.

— Пѣть молитву!

Гдѣ то впереди, въ третьей ротѣ, — у «дѣвочекъ» начали: — «очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ»... Вся столовая загудѣла такъ знакомыми изъ корпуса словами молитвы:

— И Ты даеши намъ пищу во благовременіи»...

Извѣстно, что лучшій поваръ — голодъ. Мы всегда были нѣсколько голодны въ училищѣ и потому ѣли все съ удовольствіемъ — намъ готовилъ этотъ «лучшій по-

варъ». На ужинъ намъ дали пустыя щи безъ мяса, котлеты рубленныя съ толстыми сочными макаронами, а въ кружки прислуга въ бѣлыхъ рубахахъ наливала горячій сбитень и кромѣ того были — булки. Восторгъ, а не булки! Большія — «французскія», хотя такихъ во Франціи не пекутъ, тяжелаго, точно заварного тѣста.

Отъ ужина мы расходились не строемъ, но каждый, покончивъ съ ѣдою, вставалъ и шелъ самостоятельно въ роту.

Въ казармѣ служители спустили бѣлыя шторы на окнахъ и зажгли лампы.

Барабанщикъ билъ по корридорамъ повѣстку къ зарѣ. Полный впечатлѣній день приходилъ къ концу. На койкѣ подлѣ меня тяжко вздыхалъ Оболенскій. Вороновъ зажегъ свѣчу и читалъ книгу. Скородинскій медленно раздѣвался. По всему помѣщенію свѣтляками-звѣздами горѣли на юнкерскихъ конторкахъ свѣчи. Кто сидѣлъ одинъ, уткнувшись въ книгу, гдѣ собрались подлѣ свѣчи два, три юнкера и разговаривали и разсматривали полученное обмундированіе.

Въ десять часовъ вечера дежурный по ротѣ прошелъ по казармѣ и приказалъ гасить свѣчи и ложиться по койкамъ. Вороновъ показалъ мнѣ и Оболенскому, какъ мы должны были сложить свое платье и бѣлье и въ какомъ порядкѣ уложить на табуреткѣ, съ какой стороны и какъ поставить сапоги и посовѣтовалъ намъ лучше вставать по повѣсткѣ, чтобы спокойнѣе и на просторѣ почистить платье и сапоги и помыться.

— Спокойной ночи, — пожелалъ онъ намъ.

— Спокойной ночи, Юрій Александровичъ.

Но ночь была не спокойная. Въ двѣнадцатомъ часу ночи въ ротѣ раздался стукъ многихъ шаговъ и громкіе, веселые, беззаботные голоса. Я проснулся. Старшій курсъ возвращался изъ лѣтняго отпуска. Мимо насъ проходили нарядно одѣтые въ парадные мундиры юнкера. У входа въ помѣщеніе, юнкеръ средняго роста, очень красивый, съ тонкими чертами лица, розового и безусаго, съ двумя бѣлыми нашивками на погонѣ молодцевато скинулъ на фельдфебельскую койку шинель. Кѣвнарскій, не ложившійся спать, подошелъ къ нему. Они поздоровались.

— Какъ провели отпускъ, Иванъ Ѳедоровичъ? — спросилъ Кѣвнарскій. — Много веселились?

— Хорошо, очень хорошо, и охотился и танцовалъ и гулялъ и даже купался, прекрасная стояла осень подъ Варшавой. Такой не запомню. Ротный заходилъ?

— Былъ только на пригонкѣ мундировъ.

— Кадеты всѣ прибыли?

— Еще завтра ожидается человѣка два, три.

— Алфавитъ составили?

— Готовъ, только съ вами переписать.

— Такъ займемся сейчасъ; я только шинель отнесу.

Я догадался, что это былъ нашъ фельдфебель Иванъ Ѳедоровичъ Бурмейстеръ.

Фельдфебель снялъ поясъ со штыкомъ и понесъ шинель черезъ роту. Въ помѣщеніе почти одновременно, стараясь не шумѣть, вошло три великана. Мягкимъ басомъ говорилъ, смѣясь, красавецъ брюнетъ съ маленькими черными усами:

— Ну что вы, Шмеллингъ, да я ничего не имѣю противъ того, что остался на второй годъ и нисколько этимъ не огорченъ — это уже — кисметъ! Доля, знать, такая!.. Жизнь юнкерская — чѣмъ плохая жизнь? Для чего торопиться, успѣемъ еще пожить... Не все ли равно, что въ глуши подпоручикомъ трубить, что въ столицѣ быть славнымъ юнкеромъ?

— А родители?

— Сами прошли нелегкую школу, ну и не обижаются. Матери немного горько. Да, все равно я отрѣзанный ломоть.

Странно и пріятно было смотрѣть, какъ этотъ великанъ ловкими и мягкими движеніями раздѣвался и устраивался на ночь.

Фельдфебель вернулся и, сидя, въ разстегнутомъ мундирѣ, у конторки писалъ подъ диктовку Кѣвнарскаго «перекличку».

— Агте, Бардскій, Башинскій, Виноградовъ, Гардабхадзе...

Я дослушалъ до своей фамиліи:

— Козьминъ, Красновъ, Кругликовъ... — и заснулъ крѣпкимъ молодымъ сномъ.

Жестка и колюча была плоская подушка, жестокъ плоскій соломенный матрасъ, не грѣло жидкое одѣяло, но я этого не успѣлъ освоить, крѣпкій сонъ охватилъ меня, и весь міръ провалился въ темную бездну.

8. Въ ранжиръ!

Изъ міра сладкихъ утреннихъ грезъ, изъ очаровательнаго небытія нирваны меня вывелъ рѣзкій трескъ барабана. Въ умывальной барабанщикъ билъ повѣстку передъ зарею. Памятуя совѣты Воронова я поднялся, усиліемъ воли прогналъ сонъ и сталъ одѣваться. Вся рота спала. Только на правофланговой койкѣ сидѣлъ въ бѣлой рубашкѣ и. д. фельдфебеля и обувалъ сапоги.

Я сошелся съ нимъ въ «чистильной» комнатѣ. Иванъ Федоровичъ начищалъ голенища высокихъ сапогъ.

— Ваша фамилія? — спросилъ онъ меня.

Я назвался.

— Вы не такъ щетку держите. Такъ руки перепачкаете, отмыть будетъ трудно. Возьмите, какъ я.

Когда я, умывшись, входилъ въ казарму, барабанщикъ за мною оглушающе и безконечно билъ зорю. По всей ротѣ поднимались бѣлыя фигуры просыпающихся юнкеровъ. Дежурный и дневальчый ходили по ротѣ, стучали вынутыми изъ ноженъ штыками по желѣзнымъ спинкамъ коекъ и неистово кричали:

— Вставать! Вставать, Государева рота вставать!

— Цар-рева рота вставать!

Фельдфебель, одѣтый, свѣжій, румяный дѣловито проходилъ по казармѣ и понукалъ лѣнивыхъ.

— Потрудитесь вставать, — сказалъ онъ, останавливаясь у койки, гдѣ, завернувшись съ головою въ одѣяло, чтобы не слышать всего этого утренняго треска и гама лежалъ Ротштейнъ, — или я оставлю васъ безъ отпуска. Какъ ваша фамилія?

Изъ подъ одѣяла показались бѣлые волосы, испуганные синіе глаза жалобно посмотрѣли на Бурмейстера, и Ротштейнъ поднялся съ койки.

Въ умывальной былъ хаосъ, въ чистилкѣ толпа.

Какъ жеребецъ ржалъ полуголый гигантъ, котораго я вчера запримѣтилъ и который не печалился о томъ, что остался на второй годъ — юнкеръ Повало-Швейковскій, подставляя могучій торсъ подъ холодныя струи Невской воды.

— Иго-го-го!.. Вотъ славно, вотъ хорошо-то!

Въ помѣщеніи одѣвшіеся юнкера застилали койки, укладывали одѣяла и взбивали подушки. Кричалъ дежурный по ротѣ:

— Царева рота! строиться!

— Да погодите, Мензенкампфъ, дайте одѣться то.

— Не опаздывать тамъ! строиться!.. Государева рота строиться!

Мы становились въ двѣ шеренги, приблизительно подбираясь въ ранжиръ. Фельдфебель скомандовалъ — «равняйсь» и «смирно» и разсчиталъ на взводы. Исполняющіе обязанности взводныхъ стали противъ своихъ взводовъ.

Едва онъ кончилъ, какъ изъ умывалки дежурный крикнулъ — «смирно» и я услышалъ, какъ онъ рапортовалъ:

— Ваше высокоблагородіе, въ ротѣ Его Величества 1-го военнаго Павловскаго училища юнкеровъ по списку 105, не прибыло изъ отпуска 2, на лицо 103, въ ротѣ все обстоитъ благополучно.

— Здравствуйте, Мензенкампфъ.

— Здравія желаю, господинъ капитанъ!

Въ роту вошелъ «косоглазый Семенъ», за

нимъ въ длинномъ стрѣлковомъ сюртукѣ съ Императорскимъ вензелемъ на погонахъ шелъ рыжебородый штабсъ-капитанъ — нашъ курсовой офицеръ — Александръ Антоновичъ Герцыкъ — «Дрючила»...

Никоновъ благожелательно косилъ глазами на вытянувшегося на флангѣ роты Бурмейстера и поздоровался съ нимъ:

— Здравствуйте, Иванъ Федоровичъ.

Никоновъ медленно пошелъ вдоль роты.

— Здравствуйте, господа!

Громкимъ эхомъ отдаваясь о стѣны казармы, прогремѣлъ нашъ дружный отвѣтъ:

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе.

И настала тишина. Слышно было, какъ скрипѣли ботинки у Герцыка.

Никоновъ шелъ, провѣряя ранжиръ и поправляя «стойку». Онъ остановился противъ худощаваго Оболенскаго.

— Опустите лѣвое плечо, станьте свободнѣе. Красновъ, стачьте выше Оболенскаго. Такъ. Еще выше.

Никоновъ остановился противъ широкогрудаго, коренастаго, румянаго Соколова. Соколовъ носилъ очки. Никоновъ долго смотрѣлъ на юнкера въ очкахъ. Не любили въ училищѣ тѣхъ, кто носилъ очки. «Ученый видъ»!.. «Артиллеристы какіе то»!..

— Соколовъ, станьте въ заднюю шеренгу. Ломиковскій въ переднюю.

Мы стояли «смирно», провожая глазами ротнаго. Тотъ шелъ медленно, съ частыми остановками, ранжируя роту. Переставитъ кого нибудь, отойдетъ назадъ, посмотритъ опять постоитъ и поправитъ стойку со стороны и снова поставитъ на мѣсто.

— Подберите животъ. Стойте прямѣе, но не отбивайте колѣнъ, свободнѣе стойка.

Герцыкъ шелъ сзади и маленькими острыми глазками поглядывалъ на насъ и въ глазахъ его мы читали: — «это вамъ, батенька мой, — не корпусъ»!

Мутилось передъ глазами, ныли ноги. Казалось не выдержишь дольше.

— Стоять вольно!

Съ лѣваго фланга роты Никоновъ перешелъ на середину.

— Рота, смирно!

Никоновъ стоялъ противъ насъ и медленно поглаживалъ длинныя бакенбарды, «выдаивалъ слова», какъ говорили юнкера.

— Господа младшій курсъ, — началъ Никоновъ мягкимъ баритономъ, — завтра, 1-го сентября, вы будете зачислены на дѣйствительную военную службу — рядовыми. Прошу понять, что это не шутка. Ваши дѣтскіе годы съ ихъ шалостями окончены. Круто провинитесь — сами на себя пеняйте — солдатомъ въ полкъ, а то еще и хуже бываетъ. До офицерскихъ вашихъ погонъ далеко, для нихъ многому нужно научиться, их нужно еще и выслужить. Желаю вамъ съ достоинствомъ носить славное имя юнкера 1-го Военнаго Павловскаго училища.

— Постар-р-аемся, ваше высокоблагородіе, — прогудѣлъ не очень стройно и увѣренно младшій нашъ курсъ.

— Фельдфебель, ведите роту.

Мы шли за второй ротою. Корридоры училища гремѣли мѣрнымъ стукомъ шаговъ. Роты спускались въ столовую къ утреннему чаю.

Чая собственно намъ никогда не давали — это считалось слишкомъ дорогимъ — давали сбитень, слегка подкрашенный листиками кирпичнаго чая.

9. Начальникъ училища генералъ-лейтенантъ Степанъ Васильевичъ Рыкачевъ

Въ этотъ день, утромъ, въ библіотекѣ, маленькій, тощій старичокъ, съ растрепанной сѣдой бородой, въ очкахъ, въ длинноломъ штатскомъ сюртукѣ выдавалъ юнкерамъ книги и учебныя пособія.

Тактика Дуропа и атласъ чертежей къ ней, Артиллерія Кирпичева и атласъ, Фортификація Кублицкаго и атласъ, Топографія, Механика, Химія Барзиловскаго, Законовѣдѣніе и пр., и пр. Гора книгъ въ папковыхъ

переплетахъ, то свѣжихъ, то сильно потрепанныхъ, маленькія книжечки воинскихъ уставовъ, тетради, линейки, угольники, циркуля, росли на рукахъ у каждаго и мучила мысль — какъ одолѣть всю эту премудрость?

Въ ротѣ уже были вывѣшены росписанія занятій отдѣльно классныхъ и строевыхъ. На завтра значилось: — Отъ 8-ми до 9-ти — тактика (капитанъ Язвинъ), отъ 9-10 — тактика, отъ 10-11 фортификація (генералъ-маіоръ Кублицкій-Піоттухъ), отъ 11-12- химія (полковникъ Хмоловскій). Строевыя занятія — отъ 1-2 — выправка. Одиночное обученіе. Отъ 2-3 гимнастика. Отъ 3-4 — уставы.

За обѣдомъ, едва только мы усѣлись за столами и принялись за супъ съ макаронами, застучали ложки и разговоръ то смолкалъ, то зажигался, какъ раздалась особенно громкая и торжественная команда дежурнаго по училищу офицера:

— Бат-тальонъ!.. Встать!.. Смир-р-рно!

Мы встали, повернувшись вдоль столовъ, лицомъ ко входу. Въ помѣщеніе въ сопровожденіи батальоннаго командира вошелъ генералъ-лейтенантъ Рыкачевъ.

Да, именно такимъ рисовало намъ воображеніе героя Русско-Турецкой войны, георгіевскаго кавалера, участника рукопашныхъ боевъ. Очень высокій, худой, стройный, съ висящими внизъ сѣро-сѣдыми бакенбардами, почти совершенно лысый, съ круглымъ, загорѣлымъ черепомъ — генералъ Рыкачевъ былъ въ гвардейскомъ Волынскомъ сюртукѣ, въ высокихъ сапогахъ, при шашкѣ. Онъ быстрымъ острымъ взглядомъ окинулъ весь батальонъ — до самой «малины», стоявшей въ глубинѣ, у образа и громко и весело крикнулъ:

— Здравствуйте, господа!

Отвѣтъ былъ дружный и веселъ.

— Садитесь!

Ничего никому не говоря, начальникъ училища обошелъ столы, внимательно вглядываясь въ лица юнкеровъ, какъ бы желая ихъ навсегда запомнить. Тотъ, на кого онъ смотрѣлъ торопливо опускалъ въ смущеніи поднесенную ко рту ложку.

Когда мы по одиночкѣ выходили съ обѣда — Начальникъ училища пропускалъ насъ мимо себя въ небольшой квадратной залѣ подлѣ столовой, гдѣ было полевое орудіе. Сзади него группой стояли ротные командиры, батальонный и дежурный по училищу. Каждый юнкеръ останавливался противъ Рыкачева и по всѣмъ правиламъ танцовальнаго искусства кланялся ему, шаркая ногой и нагибая голову. Иногда Рыкачевъ кого нибудь спроситъ:

— Ваша фамилія?

— Дворжицкій, ваше превосходительство.

— Сынъ генерала Дворжицкаго? Въ Варшавѣ?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Ступайте.

Поворотъ направо. Сзади шипитъ батальонный:

— Отчетливѣй надо, юнкеръ Дворжицкій.

Четыреста человѣкъ проходили мимо Начальника и каждый, когда пройдетъ, чувствовалъ облегченіе. Слава Богу, ничего не спросилъ, ничего не замѣтилъ.

Черезъ недѣлю насъ приводили къ присягѣ. Было воскресенье. Мы отстояли обѣдню въ парадныхъ, отпускныхъ мундирахъ. Старшій курсъ былъ съ ружьями, составленными въ козлы въ корридорѣ, противъ церкви. По окончаніи обѣдни батальонъ былъ выведенъ на плацъ и построенъ въ резервную колонну.

Былъ ясный, свѣжій, сентябрьскій день. На плацу было холодно, ярко и красиво подъ голубымъ небомъ, съ несущимися по нему, гонимыми морскимъ вѣтромъ облаками. За плацемъ гудѣлъ городскими шумами Петербургъ.

Юнкерскій хоръ стройно пѣлъ молебенъ.

Съ края плаца показалась конная фигура. На нарядномъ буланомъ жеребцѣ, въ полной парадной формѣ, въ густыхъ золотыхъ эполетахъ, въ лентѣ, при орденахъ, на плацъ выѣхалъ генералъ Рыкачевъ въ сопровожденіи коннаго штабъ-горниста. Мы еще стояли «вольно» и могли полюбоваться

на него. Онъ не торопился подъѣзжать къ нашему строю.

Батальонъ взялъ «на караулъ», Рыкачевъ карьеромъ подлетѣлъ къ строю, круто осадилъ жеребца противъ середины строя и молодецки крикнулъ на весь плацъ:

— Здравствуйте, господа!

И какъ только мы отвѣтили, Рыкачевъ сказалъ намъ короткое слово. Недаромъ юнкера звали его «Рыкаловымъ» — онъ прорычалъ свою рѣчь.

— Сейчасъ, господа юнкера младшаго курса, вы будете приносить воинскую присягу... Забудьте корпусъ и ваши кадетскія игры и шалости. Вы теперь на дѣйствительной военной службѣ. Вы — солдаты! Забудьте домъ и семью. Вашъ домъ — вашъ батальонъ, ваша семья — Родина и ея армія. Вашъ отецъ — Государь Императоръ! Ему служить! За Родину стоять до самой смерти!

Изъ всѣхъ блистающихъ, сверкающихъ на груди Рыкачева орденовъ и звѣздъ мы видѣли только одинъ правофланговый на его колодкѣ маленькій бѣлый крестъ — Георгіевскій крестъ. Мы знали, какъ онъ былъ заслуженъ. Жуткая ноябрьская Плевна, зимній переходъ черезъ Балканы, Филиппополь и Адріанополь — видѣніями славы стояли за нимъ — наши сердца рвались отъ восторга, отъ страстнаго желанія во всемъ подражать нашему начальнику Училища и тоже заслужить такой крестъ.

— Бат-тальонъ на пле-е-чо!.. Бат-тальонъ къ но-о-о-гѣ! На молитву!

Священникъ вышелъ впередъ.

— Господа поднимите правыя руки и повторяйте за мною слова присяги.

Передъ батальономъ вынесено знамя — это одно только бѣлое древко съ копьемъ и скобою Павловскаго кадетскаго корпуса. Въ головѣ отъ всего того, что происходитъ сладкій дурманъ и въ немъ звучитъ бормотаніе двухсотъ голосовъ, повторяющихъ слова старинной Петровской присяги. Когда присяга была окончена, батальонъ взялъ «на караулъ» и батальонный адъютантъ штабсъ-капитанъ Верцинскій читалъ намъ статьи военныхъ законовъ. Ледяной вѣтеръ игралъ его длинной золотистой бородой; отъ напряженія первыхъ минутъ присяги притупилось сознаніе и слова законовъ звучали глухо и непонятно.

Въ этотъ день мы были произведены приказомъ по училищу въ юнкера унтеръ-офицерскаго званія и отпущены въ отпускъ.

10. Тактика. Обученіе и воспитаніе

Я поступилъ въ училище, когда всего десять лѣтъ прошло послѣ Русско-Турецкой войны 1877-78-го годовъ. Мы жили тактикой этой войны, ея опытомъ. Суворовско-Драгомировское — «пуля дура, штыкъ — молодецъ. Пуля обмишулится — штыкъ не обмишулится» было въ полной силѣ. Мы знали, что, когда Императору Александру III доложили о желательности введенія въ вооруженіе арміи митральезъ — прообраза грядущихъ пулеметовъ — Государь сказалъ: «а откуда брать столько патроновъ?».

Армія жила подъ бѣднымъ и экономнымъ режимомъ Ванновскаго.

«Береги сухарь на два дня, а патронъ на всю кампанію. Хорошему солдату 30 патроновъ хватитъ на цѣлое сраженіе»...

Были — цѣпи, но цѣпи густыя — на два шага стрѣлокъ отъ стрѣлка. Ротныя поддержки были въ двухшереножномъ развернутомъ строю, батальонные резервы шли сомкнуто съ развернутыми знаменами, музыкой и барабаннымъ боемъ. Сближаясь съ противникомъ цѣпи смыкались, чтобы въ штыковомъ бою было чувство локтя. «Бить надо сжатымъ кулакомъ, а не растопыренными пальцами».

Турецкая война дала немногое: признаніе важности мѣткой стрѣльбы и лопаты.

Пѣхота была царицей полей сраженія (она

таковой осталась по существу и сейчасъ), кавалерія была въ пренебреженіи — ни одного большого кавалерійскаго дѣла за всю войну! — «моншеры»!!

Соотвѣтственно съ этимъ насъ учили, воспитывали и муштровали.

Въ тѣ годы только что появилась изъ печати толстая книга, составленная по порученію еврея-банкира Бліоха: — «Война будущаго». Въ ней, военными авторитетами было предвидѣно многое. Тамъ были и пулеметы, и минометы, и удушливые газы, и самолеты, не такіе, какіе мы увидали двадцать лѣтъ спустя, но похожіе на нихъ. Въ этой книгѣ была предсказана война въ воздухѣ, указано на значеніе тяжелой артиллеріи въ полевой войнѣ, значеніе газовъ — никто не обратилъ вниманія на эту книгу. — «Вздоръ! чепуха! Жюль-Верновскіе сказки!.. Никогда этого не будетъ»!

Въ тиши Сестрорѣцкихъ оружейныхъ мастерскихъ капитанъ Мосинъ вырабатывалъ скорострѣльную магазинную винтовку. На старшемъ курсѣ мы чертили и изучали магазинныя ружья Винчестера, Гра-Кропачека и Маузера и въ рукахъ ихъ имѣли, какъ образцы — но сами были не только вѣрны, но влюблены въ свою «Берданку» — «четырехъ-линейную малокалиберную винтовку со скользящимъ затворомъ системы Бердана № 2».

«Ты винтовка, другъ мой вѣрный
Кто служить съ тобой не радъ
И тобой гордится смѣло
Царя Русскаго солдатъ...

пѣли въ войскахъ, пѣли и мы, юнкера.

Мѣткая стрѣльба, широкій, смѣлый шагъ, могучее ура и штыковой бой — вотъ путь къ побѣдѣ пѣхоты!

Нуженъ былъ весь кровавый, тяжелый опытъ Русско-Японской войны, чтобы все это повернуть. Да и то повернули далеко не сразу, повернули, главнымъ образомъ, тѣ, кто на своей шкурѣ испыталъ то новое, чего мы не знали, вѣрнѣе, что проглядѣли и чѣмъ пренебрегли. Тѣ-же, кто на себѣ не испыталъ пустоты полей сраженія Японской войны, пулеметнаго огня и невидимости батарей — въ великую войну вышелъ съ тѣмъ же «чувствомъ локтя», тѣсными цѣпями, пренебреженіемъ къ артиллерійской подготовкѣ и добываніемъ побѣды большою кровью.

Такое же, какъ строевое — было и классное обученіе. Въ тактикѣ Дюпона — Драгомировской, было много военныхъ примѣровъ. «Правила учатъ — примѣры влекутъ». Но большинство этихъ примѣровъ было изъ старыхъ войнъ. Мы воспитывались на Александрѣ Македонскомъ, Юліи Цезарѣ, Фридрихѣ и Наполеонѣ. Даже о Суворовѣ учили вскользь, читая его «науку побѣждать», но не изучая ее. Еще Плевна была у насъ въ почетѣ. Большая, жестяная, покрашенная модель ея стояла въ модельной училища, гдѣ были гипсы для ситуаціоннаго черченія. Намъ разсказывали внѣ курса о ея кровавыхъ штурмахъ и мы разсматривали на этой модели ея редуты и ложементы.

По военной исторіи, пройдя черезъ неизбѣжные Фарсалу, Ганнибаловъ переходъ черезъ Альпы, Канны, задержавшись на рыцарскихъ временахъ, мы останавливались на Фридрихѣ, изучали Росбахъ, Петра Великаго, Лѣсную и Полтаву, основательно проходили Бородино и тщательно Франко-Прусскую войну 1870-го года. Вертъ-Фрошвейлеръ, Седанъ — были серьезно нами изучены.

Спеціально Русской военной исторіи мы не изучали. Какимъ свѣжимъ воздухомъ повѣяло на насъ, когда, однажды, на старшемъ курсѣ на лекціи военной исторіи профессоръ капитанъ Н. П. Михневичъ принесъ книжки «Войны и мира» гр. Толстого и два часа читалъ намъ военныя сцены изъ этого романа.

Мы сами зачитывались трудами Милютина и Петрушевскаго о Суворовѣ и по нимъ знали его Швейцарскій походъ и Итальянскую кампанію, да изъ книги «Стараго Ротнаго командира» знали много военныхъ анекдотовъ.

Армія застыла въ старыхъ формахъ, какъ въ тѣ годы и вся Россія застыла въ довольствѣ, благополучіи, умѣренности и сытости.

Такова участь военнаго дѣла въ Россіи. «Пока громъ не грянетъ — мужикъ не перекрестится». Созданныя раньше великими умами Обручева, Милютина, Каховскаго и другихъ программы, отлившіяся въ опредѣленныя формы лекцій и руководствъ, учебниковъ и пособій не легко было передѣлывать наново. Новаго опыта не было. Опыты Франко-Прусской и Русско-Турецкой войнъ внесли незначительныя поправки противъ того, что было во времена Наполеона, но главнаго не измѣнили. Главное оставалось тоже — сила пѣхоты въ ногахъ и въ штыкѣ. Этому учили, къ этому готовили, такъ воспитывали и въ конечномъ счетѣ не ошиблись. Тѣ нѣмцы, кому довелось быть въ Великую войну на восточномъ фронтѣ — преклонились передъ доблестью Русской пѣхоты, передъ ея мѣткимъ огнемъ и неудержимымъ стремленіемъ къ побѣдѣ.

11. Классныя занятія

Для классныхъ занятій насъ разсчитали на отдѣленія по 30-35 человѣкъ. Я попалъ въ первое отдѣленіе и, какъ имѣвшій высшіе балы, былъ назначенъ въ немъ за старшаго.

Въ классы мы собирались внѣ строя, по одиночкѣ. Когда мы пришли первый разъ въ классъ, къ большому своему удивленію и смущенію мы застали тамъ преподавателя капитана Язвина. Онъ стоялъ передъ доской и чертилъ на ней. На другой доскѣ были изображены изумительно точными прямыми линіями: — рота въ развернутомъ строю, батальонъ въ такомъ же строю, и взводная колонна роты.

По простымъ чернымъ столамъ были разбросаны длинныя тетради, линейки, карандаши и резинки. Мы осторожно на носкахъ входили въ классъ и становились подлѣ скамей. Капитанъ Язвинъ не оглянулся. Когда, по прекратившемуся стуку сапогъ и отодвигаемыхъ скамей Язвинъ убѣдился, что мы всѣ собрались въ классъ, онъ вынулъ изъ за борта сюртука часы и убѣдившись, что было ровно восемь, круто повернулся къ намъ и громко сказалъ:

— Здравствуйте, господа!

— Здравія желаемъ, господинъ капитанъ, — дружно отвѣтили мы.

— Читайте молитву...

— Преблагій Господи, — прочиталъ дежурный по классу.

— Садитесь. Напишите на своей тетради: — «Юнкера Роты Его Величества», имя и фамилія и годъ. Отверните первую страницу, срисовывайте и запоминайте.

Капитанъ Язвинъ повернулся опять къ доскѣ, а мы въ глубокомъ молчаніи принялись чертить «строи пѣхоты».

Язвинъ въ другихъ отдѣленіяхъ преподавалъ топографію. Его работы по ситуаціонному черченію были изумительны. Про него разсказывали, что онъ взялъ мраморное изображеніе лежащей обнаженной женщины и по всѣмъ правиламъ «штрихо-блудія» изобразилъ ее, какъ нѣкую возвышенность штрихами. Вышло прекрасное, какъ бы гравированное изображеніе женщины. Глядя, какъ онъ безъ линейки и циркуля проводилъ тонкія прямыя линіи, какъ каждый квадратикъ, изображавшій солдата былъ совершенно одинаковъ съ другимъ, какими каллиграфически красивыми буквами онъ дѣлалъ надписи, мы вѣрили, что и точно Язвинъ могъ женщину отситуировать штрихами.

Капитанъ Язвинъ окончилъ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба, но по второму разряду. Онъ получилъ значекъ, но не вышелъ въ Генеральный штабъ и командовалъ второй ротой Училища.

Ему было подъ сорокъ лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста и красивъ — и зналъ это. Его сѣдѣющая черная борода была аккуратно подстрижена, длинные усы лихо закручены, сѣрые большіе слегка на выкатѣ глаза блистали. У него былъ громкій, пріятный голосъ, говорятъ, онъ хорошо пѣлъ и былъ кумиромъ училищныхъ дамъ.

Мы молча чертили, пока въ коридорѣ дежурный горнистъ не протрубилъ «отбой».

Язвинъ прошелъ вдоль нашихъ столовъ и сдѣлалъ кое какія замѣчанія.

— Старайтесь чертить отъ руки, безъ помощи линейки... какъ я, — сказалъ онъ, — пишите надписи красиво и четко... какъ я! Дѣлайте оттѣненія, какъ я!.. Чего не успѣли начертить, дочертите на второмъ часѣ.

Второй часъ капитанъ Язвинъ намъ читалъ введеніе въ тактику. Читалъ Геннадій Константиновичъ Язвинъ прекрасно. Никто потомъ, ни въ училищѣ, ни въ Академіи не произвелъ на меня такого впечатлѣнія своимъ ораторскимъ искусствомъ, какъ Язвинъ на этой первой лекціи. Она вся, навѣки, запомнилась мнѣ, врѣзалась, какъ отчеканенная изъ стали. Ясно, и точно, опредѣленно и красиво вбивалъ Язвинъ въ наши юныя головы аксіомы военнаго искусства, говорилъ о значеніи военной іерархіи, мундира, строя, о боевой единицѣ и военномъ порядкѣ. Онъ внушалъ намъ, что для того, чтобы разбираться въ боевой обстановкѣ и вести свою часть въ бой, нужно знать не много, но то немногое, что надо знать, нужно такъ знать, чтобы никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не забыть и не перепутать. Онъ говорилъ «отъ себя» и такъ увлекательно и красиво, что было жаль, когда сигналъ горниста прервалъ его повѣствованіе.

На третьемъ часѣ передъ доскою появилась запачканная мѣломъ фигура стараго генерала въ длинномъ саперномъ сюртукѣ и такъ-же молча, какъ это дѣлалъ Язвинъ, стала вычерчивать бастіонный фронтъ. Генералъ Кублицкій не считалъ нужнымъ много говорить, лишь въ концѣ часа минутъ за пять до сигнала онъ пояснилъ намъ, что начерчено на доскѣ и приказалъ перечертить все это въ тетради. Чертежъ его, какъ и чертежи Язвина, былъ верхомъ искусства. Не вѣрилось, что вся паутина тонкихъ, тонкихъ, прямыхъ линій была проведена отъ руки.

Четвертая лекція — была лекція полковника артиллеріи Хмоловскаго — химія.

Невысокаго роста, подвижной, живой, какъ ртуть, съ круглымъ лицомъ и русыми усами, совсѣмъ «панъ Володыевскій» изъ романа Сенкевича, Хмоловскій плѣнялъ насъ своимъ конно-артиллерійскимъ сюртукомъ на бѣлой подкладкѣ и звонкими шпорами. Бывало, зимою, когда наступали морозы и въ классѣ было холодно, градусовъ около восьми, Хмоловскій войдетъ, потирая руки, самъ съ мороза румяный, веселый, увидитъ наши промерзшія въ легкихъ суконныхъ бушлатахъ за три часа въ классѣ, фигуры и скажетъ весело и бодро:

— Замерзли?

— Замерзли, господинъ полковникъ. Очень холодно.

— Холодно — потому что — голодно. Пообѣдаете, начнется химическій процессъ, заиграютъ кислоты и согрѣетесь.

У насъ не было пренебреженія къ химіи и механикѣ, какое было въ нѣкоторыхъ училищахъ, и мы не надѣвали бѣлыхъ перчатокъ, чтобы изучать эти «сугубыя науки». Мы не жгли по окончаніи курса учебниковъ, но давались эти предметы намъ не легко. На нихъ было отведено слишкомъ мало часовъ и приходилось комкать курсъ, читать сокращенно и потому, часто, непонятно.

Я проходилъ эти предметы дома, въ отпуску, гдѣ мнѣ помогалъ понять ихъ и усвоить мой старшій братъ, Платонъ, бывшій въ это время студентомъ на математическомъ факультетѣ С. Петербургскаго университета. Онъ умѣлъ изложить все непонятое мною такъ просто и ясно, что все отлично усваивалось.

Я несъ полученныя отъ брата знанія въ училище и передъ репетиціей у меня на койкѣ собиралось человѣкъ шесть-восемь и мы вмѣстѣ готовились. Это были своего рода «семинары»... Тогда этого слова не было. Семинаръ, семинаристъ — обозначало воспитанника семинаріи — духовнаго училища. Такимъ образомъ, натаскивая товарищей по этимъ наукамъ я и самъ практиковался такъ отвѣчать, что мнѣ никакой вопросъ не былъ страшенъ. Эти наши вечерніе «семинары» потомъ обезпечили мнѣ всегдашнее двѣнадцать.

12. Строевыя занятія

Отъ часа до трехъ были строевыя занятія.

Младшій курсъ раздѣлили на группы по восемь человѣкъ. Каждую группу обучалъ юнкеръ старшаго курса, будущій портупей юнкеръ. Я попалъ въ группу отдѣленнаго второго отдѣленія перваго взвода юнкера Скородинскаго.

Началась «одиночка».

По корридорамъ, въ промежуткѣ между полуротами, вездѣ, гдѣ было достаточно мѣста, были поставлены разомкнуто «на руку дистанціи» юнкера младшаго курса, безъ оружія въ безкозыркахъ, при однихъ ремняхъ. Монотонно раздавалась по помѣщенію команда:

— Смирно!.. Равняйсь!.. Смирно!..

Скородинскій подходилъ, отходилъ, засматривалъ сбоку.

— Повыше подбородокъ... Нѣтъ, слишкомъ подняли, ниже... Разверните плечи. Уберите животъ. Старайтесь незамѣтно дышать. Свободнѣе въ колѣняхъ ноги. Пальцы прямѣе.

Насъ вытачивали, какъ статуи.

По ротѣ ходили Никоновъ и Герцыкъ.

Герцыкъ подошелъ къ нашей шеренгѣ.

— Э-э, батенька мой. Какъ вы стоите .. Кривуля какой-то, а не юнкеръ.

Кто то улыбнулся. Герцыкъ набросился на него.

— Эт-то што-с-с-съ!.. Я васъ, батенька мой, вздрючу-съ. Строй — святое мѣсто, а вы улыбаетесь!.. Фельдфебель, запишите юнкера на недѣлю безъ отпуска.

То и дѣло кто нибудь «влеталъ» на «взысканіе». Фельдфебель былъ тутъ на чеку, чтобы отмѣчать попавшихся. Уже было дано лишнее дневальство, кому то грозили арестомъ. Изъ юнкеровъ выбивали мальчишескій кадетскій духъ.

— Это вамъ, батенька, не игра въ солдатики. Да, что вы не можете податься впередъ?..

На насъ, старыхъ кадетъ, все это знавшихъ, давно усвоившихъ, въ кадетскомъ лагерѣ, въ Петергофѣ, лѣтомъ, продѣлавшихъ передъ Государемъ Императоромъ батальонное ученіе и на маневрѣ лихо атаковавшихъ дачу Мурузи смотрѣли, какъ на новобранцевъ, пришедшихъ изъ деревни. Насъ учили поворотамъ «счетъ въ слухъ», «по раздѣленіямъ».

— Полъ оборота на лѣво. Дѣлай разъ!

По помѣщенію раздавались крики: — разъ!.. два!.. Разъ!.. два!..

Пришелъ барабанщикъ и началось священнодѣйствіе — секретъ нашей выправки, легкаго широкаго шага, воздушнаго бѣга, невѣроятной выносливости на походѣ — маршировка «учебнымъ шагомъ», или, какъ ее, еще при мнѣ, называли по старинному маршировка «въ три темпа».

Весь курсъ свели въ одну шеренгу и поставили въ заднемъ корридорѣ.

— Шер-ренга на пра-во, — скомандовалъ Герцыкъ. — Учебнымъ шагомъ, черезъ два шага въ третій... шагомъ... Маршъ...

Правофланговый нашъ — Шенкъ — подался впередъ и вытянулъ лѣвую ногу. Такъ стоялъ онъ, выжидая, когда ударитъ барабанщикъ.

— Тамъ, — бьетъ барабанщикъ. Шенкъ ставитъ лѣвую ногу и начинаетъ проносить правую ногу впередъ. Томительно тянуться секунды и снова:

— Таммъ!

Постепенно вся шеренга вытягивается въ корридорѣ. Учителя коршунами вьются вдоль нея.

— Не подсѣкайте задней ноги, плавно проносите ее. Постепенно вытягивайте носокъ, валитесь на ногу. Сильнѣй ударъ съ носка.

— Да что вы, батенька мой, не понимаете что-ли, когда идетъ лѣвая нога, правая рука сгибается въ локтѣ до пояса. Плавно сгибайте руку, такъ же, какъ и ногу.

Все должно быть въ полной гармоніи. Каждый мускулъ ногъ и рукъ, поясница, грудь — все тѣло работаетъ въ напряженномъ, упругомъ сгибаніи. Время забыто и медленно, медленно съ промежутками математически точными бьетъ прикомандиро-

ванный отъ гвардейской пѣхоты барабанщикъ: — «таммъ!.. таммъ!.. та-та-таммъ».

Все тѣло начинаетъ ныть отъ усталости напряженія. За то, когда вдругъ на ходу Герцыкъ скомандуетъ: — «обыкновеннымъ шагомъ — шагомъ мар-ршъ» и барабанщикъ забьетъ «козу», сто двадцать шаговъ въ минуту — какъ легокъ и широкъ нашъ шагъ, какъ легко дышетъ грудь и быстро, быстро проносятся мимо насъ окна корридора.

— Бѣ-ѣгомъ... маршъ!..

— Легче на носкахъ!.. Легче, легче!

Барабанщикъ бьетъ бѣглый маршъ. Портупей юнкера бѣгутъ подлѣ и мы бѣжимъ безконечно долго...

— Ша-агомъ... маршъ!..

И еще легче шагъ и тверже нога.

За свою долгую, строевую службу я повидалъ и преподавалъ самъ гимнастику по разнымъ системамъ. Продѣлывали въ войскахъ и томительную «шведскую» гимнастику и легкую, подъ музыку или пѣніе, «сокольскую» — но ничто, никакая гимнастика не выправляла такъ людей, какъ этотъ «учебный шагъ» подъ барабанъ «въ три темпа»...

13. Гимнастика

Второй часъ строевыхъ занятій — была гимнастика.

Она преподавалась намъ по шведской медлительной методѣ и сначала тоже «по раздѣленіямъ, счетъ вслухъ». Было три программы движенія. Каждая состояла изъ движеній головы (шейные мускулы), движеній рукъ (плечи, локти, пальцы), движеній ногъ (бедра, колѣни, носокъ), движеній корпуса (поясница, бедра) присѣданій, «выпадовъ» и «приготовительныхъ прыжковъ съ мѣста и на ходу».

Въ каждомъ движеніи требовалась точность его и потому — сдѣлаютъ первый пріемъ и долго обходятъ портупей юнкера и повѣряютъ такъ ли согнуты или выпрямлены пальцы рукъ, такъ ли стоитъ носокъ и пр. Гимнастику мы дѣлали въ гимнастическихъ бѣлыхъ рубашкахъ и обыкновенныхъ сапогахъ, того, чтобы носить трусики или башмаки обувать на ноги, или полуголыми дѣлать — этого тогда никому и въ голову не приходило. Напротивъ, потомъ дѣлали гимнастику на снарядахъ, въ высокихъ тяжелыхъ сапогахъ, а въ лагерѣ и при полномъ снаряженіи.

Послѣ двадцати минутъ такъ называемыхъ «вольныхъ движеній» — а уже какія же они были «вольныя»? когда каждое повѣрялось, мы минутъ двадцать ходили широкимъ въ полтора аршина «гимнастическимъ» шагомъ, а потомъ бѣгали легкимъ, неслышнымъ пружинистымъ бѣгомъ на носкахъ. И тогда раздавалась команда:

— По снарядамъ, маршъ.

Портупей-юнкера на бѣгу подхватывали свои группы и вели ихъ въ корридоръ на машины.

Въ тѣ времена, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ Россіи гимнастическій спортъ еще не зарождался. Ни легкой, ни тяжелой атлетики мы не знали вовсе. Спортъ тогда былъ: — конный — бѣга и скачки, водяной — гребныя и парусныя гонки и — коньки.

Конечно, и у насъ въ ротѣ были любители, ловкачи и силачи. Они бывали въ циркѣ, смотрѣли упражненія гимнастовъ, подхватывали ихъ пріемы, но, когда они пытались внести въ училище что нибудь изъ циркового, атлетическаго — они встрѣчали холодный отпоръ.

Прыгнетъ нашъ лучшій гимнастъ, юнкеръ Головинъ, черезъ веревку, поднятую на всю вышину стойки, на два съ половиной аршина, прыгнетъ, изогнувшись какъ то бокомъ и поджавъ подъ себя ноги и крикнетъ изъ конца корридора штабсъ-капитанъ Герцыкъ:

— Э-э! Батенька мой. Это вамъ не циркъ-съ! Потрудитесь прыгать по правиламъ.

И мы прыгали «по правиламъ», вытягивая лѣвую ногу, поджимая правую, выбрасывая впередъ руки и плавно и мягко присѣдая на кожаной подушкѣ.

Очень строго требовалось прыганіе черезъ параллельное бревно. Его мы брали въ свой ростъ. Мы подходили къ нему съ малаго разбѣга, съ легкаго прыжка, накладывали на него, опять таки строго по правиламъ руки, вытягивались на рукахъ, плавно переносили прямыя ноги черезъ бревно и садились на согнутыя ноги. И тутъ прежде всего требовалась правильность и потомъ уже вышина бревна. Прыгали мы его и въ амуниціи съ ружьемъ въ рукахъ.

Раза два въ мѣсяцъ насъ водили всѣмъ курсомъ на гимнастику въ большой экзерциргаузъ, бывшій на другой сторонѣ Спасской улицы, подлѣ 2-го кадетскаго корпуса. Какой бы морозъ зимою ни былъ, мы шли въ рубашкахъ, подтянутыхъ красными шерстяными поясами, въ шинеляхъ въ накидку. Въ манежѣ былъ сырой и зимній, нежилой холодъ, паръ шелъ изо рта. Насъ согрѣвали долгимъ движеніемъ шагомъ и бѣгомъ.

Безконечно высокими казались намъ шесты и скользкіе, отсырѣвшіе толстые канаты, по которымъ мы лазали то «съ ногами», то на однихъ рукахъ.

Иногда, очень рѣдко, къ намъ пріѣзжалъ старичекъ нѣмецъ Шмидтъ, съ 1867-го года, преподававшій въ училищѣ гимнастику по своей собственной системѣ. Онъ былъ давно въ отставкѣ и эти пріѣзды его были сдѣланы для того, чтобы забавить старика и доставить ему удовольствіе.

Вся рота выводилась на Шмидтовскую гимнастику и начинался — балаганъ.

— Ляжись! — командовалъ Шмидтъ.

Мы ложились на грязный полъ.

— Лядошки на себѣ!.. На право!.. На лѣво!...

Мы крутились по полу, переваливались съ бока на бокъ. Мы поднимались безъ помощи рукъ, насъ ставили по три, сцѣпляли пальцами рукъ и заставляли отваливаться назадъ. Смѣхъ, шутки раздавались изъ группъ. Юнкера потѣшались надъ бѣднымъ старикомъ. Мы чувствовали, что въ «системѣ Шмидта» именно и не было никакой системы.

Съ той поры прошло двадцать лѣтъ. Былъ 1909 или 1910 годъ, не помню точно какой. Въ Русской арміи вырабатывалось новое наставленіе для обученія войскъ гимнастикѣ, уже по Чешской сокольской системѣ, очень понравившейся Государю Императору Николаю II.

Подъ весну, въ Михайловскомъ манежѣ, вечеромъ, было назначено состязаніе — смотръ гимнастики. Батальонъ Владимірскаго Военнаго Училища долженъ былъ показать гимнастику по новому наставленію, а потомъ пріѣхавшіе по особому приглашенію молодые шведскіе офицеры должны были показать свою гимнастику.

Я не помню, былъ ли Государь Императоръ на этомъ состязаніи? Но все высшее начальство, начиная съ Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа Великаго Князя Николая Николаевича, всѣ Великіе Князья, военный министръ ген.-ад. Сухомлиновъ, старшіе начальники училищъ и школъ, полковые командиры и почти всѣ офицеры гвардіи на немъ присутствовали. Много было военныхъ дамъ.

Начали Владимірскіе юнкера. Они дѣлали гимнастику подъ музыку.

— Прекрасно... Изумительно, — шорохомъ понеслось по манежу. — Какая красота, какая четкость движеній! Да это прямо Императорскій балетъ!

Они же дѣлали упражненія на турникахъ и параллельныхъ брусьяхъ. Оркестръ игралъ вальсъ и подъ него плавно и одновременно приподнимались и опускались юнкера, дѣлая сложныя движенія на машинахъ. И опять шорохъ восторга и одобренія шелъ по манежу. Потомъ была показана легкая атлетика.

Подъ маршъ юнкера ушли изъ манежа. Въ мертвой тишинѣ въ манежъ вошло че-

лекъ тридцать шведовъ. Они продѣлали рядъ вольныхъ движеній. По мѣрѣ того, какъ они дѣлали ихъ, въ манежѣ становилось все тише и тише. Такая гармонія, такая чистота и сила были въ каждомъ движеніи. А, когда стали шведы работать на параллельныхъ брусьяхъ и турникѣ, прыгать и бѣгать съ кошачьей граціей и легкостью — въ затихшемъ манежѣ всѣ заговорили и раздался громъ апплодисментовъ.

Защитники сокольской гимнастики говорили:

— Нельзя ихъ сравнивать. Тамъ — дѣти, здѣсь совсѣмъ сформировавшіеся молодые люди.

Новое наставленіе (1910-го года) было утверждено. Оно было признано болѣе соотвѣтствующимъ славянскому духу Русскаго народа. Въ Петербургѣ была учреждена Офицерская гимнастическо-фехтовальная школа. Гимнастика и индивидуальный, атлетическій спортъ входили въ бытъ арміи.

14. Репетиціи. Нашъ училищный поэтъ С. Я. Надсонъ

Мы мало читали.

Некогда было. Два раза въ недѣлю по вторникамъ и пятницамъ бывали репетиціи. На репетиціи классы были разбиты на группы по двѣнадцати человѣкъ и тѣ двѣнадцать, которые сдавали репетиціи бывали спрошены всѣ. Баллы, полученные на репетиціи имѣли значеніе при постановкѣ балла на экзаменѣ. Юнкеръ, получившій неудовлетворительный баллъ на репетиціи и не исправившій его на слѣдующей, могъ попасть, какъ называли юнкера, «въ лисичку». Попасть «въ лисичку» — это быть оставленнымъ безъ отпуска на Рождественскіе каникулы. Можно себѣ представить, какимъ суровымъ наказаніемъ это было для юнкеровъ, пріѣхавшихъ изъ провинціи? Дома — отецъ, мать, сестры, братья, да у многихъ съ кадетскихъ лѣтъ была и своя зазнобушка — ихъ ждали, дождаться не могли на праздники — жаждали увидѣть — юнкерами! Гдѣ елка, гдѣ Рождественскіе сытные розговѣны, гдѣ балъ, гдѣ маскарадъ, катанье на тройкахъ, облавы — и воля.... Воля!.. Домъ!.. Спать, сколько хочешь, на мягкой постели, заботливо дома посланной, вставать не по барабану или рожку, а когда вздумается, вкусно ѣсть, разсказывать про Петербургъ, про училище, мечтать о будущемъ — и вмѣсто всего этого — попасть «въ лисичку»! Сидѣть въ опустѣвшей ротѣ, слоняться до одури по гулкимъ въ пустотѣ корридорамъ и каждую минуту рисковать попасть подъ замѣчаніе.

И потому — «зубрили».

Отъ четырехъ до пяти часовъ былъ отдыхъ. Въ ротахъ было полутемно. Юнкера могли лежать на койкахъ полуодѣтыми, но со снятыми сапогами и спать. Кто побогаче, уходили внизъ, въ чайную, пить чай со сладкими пирожками. Съ пяти часовъ по всѣмъ столикамъ загорались свѣчи, въ «занимательной» гудѣли голоса, тамъ шли «семинары». Болѣе способные юнкера натаскивали менѣе способныхъ, спрашивали другъ друга по курсу.

По артиллеріи у конно-артиллерійскаго капитана Колѣнкина мы проходили баллистику. На особыхъ листахъ, покрытыхъ мелкою сѣткою, мы вычисляли и вычерчивали траекторію полета снаряда.

По фортификаціи, чертили наизусть бастіонный и полигональный фронты крѣпостей со всѣми ихъ капонирами, банкетами, траверсами и барбетами.

По законовѣдѣнію рѣшали замысловатыя задачи и рылись въ статьяхъ «устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями» и «воинскаго устава о наказаніяхъ». Мы составляли примѣрныя дознанія, учиняли воображаемые допросы и писали приговоры.

Маленькій, сѣдобородый, точно гномъ, гражданскій чиновникъ, статскій совѣтникъ Чиколини, по юнкерскому прозвищу «Чекол-

да», немного побаиваясь рослыхъ юнкеровъ Государевой роты, скрипучимъ голосомъ спрашивалъ на репетиціяхъ:

— А скажите, господинъ юнкеръ, какая будетъ разница между самовольной отлучкой и побѣгомъ со службы?

Больше всего смущала механика. Координаты и функціи, кривыя второго порядка, формулы — нигдѣ не было живого слова, нигдѣ яснаго примѣра. Старый, сѣдой, лохматый полковникъ Николаевъ съ «ученымъ краснымъ кантомъ» сапернаго сюртука свирѣпствовалъ на репетиціяхъ. Вотъ, когда такъ легко было юнкеру попасть «въ лисичку». Юнкера ненавидѣли въ эти минуты «ученый кантъ»...

Тактика и топографія — съ тетрадью, разрисованной условными знаками — кудрявыми лѣсами, овальными съ оттѣненіемъ яичками кустовъ, извилистыми рѣчками и прямыми дорогами, съ горизонталями холмовъ и овраговъ, то съ вязанымъ, то простымъ штрихомъ, были намъ легки. Язвинъ, хотя и говорилъ грубымъ голосомъ и обрывалъ завравшагося по тактикѣ юнкера, входилъ въ положеніе и былъ щедръ на баллы. Румяный съ краснымъ носомъ пуговкой инспекторъ классовъ подполковникъ Максимовичъ, «помпонъ», всегда въ прекрасномъ расположеніи духа былъ снисходителенъ къ юнкерскимъ ошибкамъ и щедро ставилъ баллы, а когда ему кричали съ партъ: — «Помпонъ», грозилъ пальцемъ и былъ, видимо, польщенъ.

По уставамъ, труднѣе всего давался — стрѣлковый уставъ — въ немъ была та же математика: баллистика одолѣвала насъ. Но вообще по уставамъ, кромѣ заучиванія нѣкоторыхъ параграфовъ — о знамени, о дисциплинѣ, о присягѣ и пр. наизусть, отъ юнкера требовалось, чтобы онъ быстро и безошибочно могъ найти въ уставѣ нужный для отвѣта на вопросъ параграфъ. Это было уже не трудно. Еще требовалось отъ юнкера точное знаніе винтовки, знаніе ея механизма, умѣнье ходить за нею, быстро и искусно разбирать ее и собирать. Юнкеръ долженъ былъ разсказать, что происходитъ въ механизмѣ винтовки при каждомъ движеніи затвора.

Засядетъ юнкеръ за малиновую книжечку «Наставленія для обученія стрѣльбѣ», положитъ передъ собою винтовку, вынетъ затворъ и начнетъ разбирать его, дѣйствуя то широкимъ, то узкимъ лезвеемъ отвертки, углубится, задумается, — а передъ нимъ лукаво улыбающееся лицо юнкера старшаго курса, а за нимъ еще двѣ, три такія же смѣющіяся рожи.

— Юнкеръ Деконскій, скажите мнѣ...

Юнкеръ оторвется отъ книжечки устава и затвора.

— Вотъ, напримѣръ, васъ на репетиціи спросятъ... Скажите мнѣ... да такъ вотъ, скажите мнѣ, что думаетъ боевая личинка въ моментъ спуска ударника?

— Что думаетъ?.. Постойте, Мензенкампфъ... Боевая личинка?..

— Да, именно вотъ, боевая личинка...

Юнкеръ тискаетъ въ пальцахъ промазанную масломъ боевую личинку.

— Спуска ударника?..

— Да вотъ, что она тогда думаетъ?

Секунда молчанія.

— О, что-бъ васъ! Я думалъ, вы что нибудь серьезное!..

«Цука», знаменитаго «корнетскаго» цука, издѣвательства «господъ корнетовъ» надъ «звѣрями» — у насъ не было. Какъ не называлъ себя старшій курсъ и «господами подпоручиками» и рѣдко было слово «звѣрь» по отношенію къ юнкеру младшаго курса. Старшій курсъ былъ нашими совѣтниками и наставниками въ юнкерской несложной жизни. Порядокъ-же въ ротѣ держался взводными портупей юнкерами и, главнымъ образомъ, — фельдфебелемъ. Отъ взводныхъ всегда можно было получить лишнее дневальство или остаться безъ отпуска. Строгій и суровый, сосредоточенный въ себѣ Иванъ Ѳедоровичъ Бурмейстеръ тоже не стѣснялся наказать юнкера за неаккуратно сложенное бѣлье на табуреткѣ, за нечищенные сапоги или пуговицы, за грязныя руки или ногти въ «траурѣ», за небрежный поворотъ, за нерасторопность въ исполне-

ніи приказанія, за лежанье днемъ въ сапогахъ, за опозданіе въ строй и — Боже сохрани — за куренье въ ротномъ помѣщеніи.

Юнкера не обижались на это — они понимали; съ нихъ взыскивали за насъ — они должны были взыскивать съ насъ. Но духъ Сиротскаго Павловскаго Дома остался витать въ училищѣ — старшіе сердечно относились къ младшимъ, и взводный и фельдфебель всегда были готовы придти на помощь юнкеру въ бѣдѣ.

Репетиціи требовали тщательной подготовки и отъ 5-ти до 8-ми, до ужина, а иной юнкеръ и на ужинъ не пойдетъ — юнкера зубрили по своимъ койкамъ, готовились къ ближайшей репетиціи.

Некогда было читать.

Только послѣ переклички горятъ кое гдѣ свѣчи и юнкеръ читаетъ книгу, принесенную изъ дома, или взятую изъ училищной библіотеки.

Читали больше всего военную исторію, или общую исторію, Ключевскаго, Платонова, Соловьева, зачитывались романами Л. Н. Толстого, Каразина, повѣстями Гаршина, романами и военными корреспонденціями Немировича Данченко, а кое кто — изъ «снобизма» (тогда этого слова мы не знали), какъ мой пріятель Ротштейнъ или Дворжицкій, вынимали желтую книжечку французскаго романа и читали Зола, Мопассана, Доде, Прево....

Въ Павловскомъ училищѣ, лѣтъ за восемь до меня, во второй ротѣ былъ юнкеромъ поэтъ Надсонъ. Мы всѣ знали его томъ стиховъ. Мы увлекались и заучивали наизусть его «Мечты королевы», декламировали: — «Не говорите мнѣ — онъ умеръ — онъ живетъ... Пусть жертвенникъ разбитъ — огонь еще пылаетъ, пусть роза сорвана — она еще цвѣтетъ» и другія. Но настоящаго «піэтета», поклоненія ему, какое было въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ къ тамошнему поэту Лермонтову — въ училищѣ не было. Не висѣло у насъ ни памятной доски о Надсонѣ, не была сохранена и его койка, не было музея или комнаты памяти о Надсонѣ.

И это не потому, что между Лермонтовымъ и Надсономъ по поэтической іерархіи лежала большая дистанція, — но потому, что Лермонтовъ — весь — и въ стихахъ и въ жизни — былъ «Николаевецъ» — юнкеръ Школы Гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, онъ любилъ свою Школу, любилъ военную службу и Муза его была одѣта въ воинскіе доспѣхи.

Муза Надсона была больная — гражданская муза.

Училище, а потомъ 148-й Каспійскій пѣхотный полкъ, батальонъ, стоявшій въ Кронштадтѣ — тяжелая, одинокая жизнь. Критика Буренина («графа Алексиса Жасминова) жестокая и несправедливая, наслѣдственная чахотка, сломили молодую жизнь. Надсонъ умеръ молодымъ, зацвѣтился какъ поэтъ, но не успѣвъ расцвѣсти. Онъ былъ поэтъ, но для училища онъ былъ чужимъ и даже враждебнымъ и не гордился своимъ мундиромъ Павловскаго юнкера. Онъ былъ для насъ всегда — штатскимъ.

Лермонтовъ-же умеръ на дуели, защищая свою честь. Какая это красивая смерть!

Училище позабыло Надсона. Не тѣ были у насъ идеалы...

Газетъ мы совсѣмъ не читали. Я не помню даже, какія были газеты въ читальной комнатѣ библіотеки. Никакія передовицы, или политическія статьи насъ не интересовали и у насъ не обсуждались. Если кто и бралъ газету — то читалъ фельетоны «Новаго Времени», гдѣ были блестяще написанныя повѣсти А. С. Суворина, ѣдкія критики гр. Алексиса Жасминова, и военныя статьи Маслова (Бѣжецкаго). Да и время — 1887-1889-й годы было тихое. Россія спала, какъ засыпаетъ въ лѣтній зной могучій океанъ въ ожиданіи осеннихъ бурь. Блеститъ недвижная, не колышимая вѣтромъ вода и медленно, медленно шествуетъ время, ничѣмъ не тревожимое и ничѣмъ не волнуемое. Тихое, спокойное, величавое царствованіе Императора Александра III — Царя Миротворца.

15. Развлеченія

Развлеченія? Въ самомъ училищѣ ихъ собственно не было.

Раза два въ годъ, въ Маломъ Учебномъ залѣ, или, какъ его называли — Портретномъ залѣ — въ первомъ этажѣ, гдѣ висѣли большіе портреты въ Бозѣ Почившихъ Государей и гдѣ стояли пирамиды съ ружьями всѣхъ временъ и всѣхъ системъ — начиная отъ фитильныхъ фузей и кончая самыми послѣдними заграничными, скорострѣльными винтовками съ магазинами, въ залѣ, гдѣ происходили занятія фехтованіемъ на рапирахъ и на ружьяхъ, гдѣ бывали сыгровки юнкерскаго оркестра и спѣвки большого юнкерскаго хора — устраивались музыкальные вечера.

Послѣ вечерней переклички, въ 9 1/2 часовъ вечера въ залѣ устанавливалась эстрада, передъ нею два ряда стульевъ и нѣсколько рядовъ скамеекъ, принесенныхъ изъ классовъ и желающіе юнкера приглашались на вечеръ.

Юнкера были въ обычныхъ своихъ скромныхъ бушлатахъ безъ галуновъ, приходило начальство. Бывали училищныя дамы. Генералъ Рыкачевъ сидѣлъ посерединѣ рядомъ съ полной и добродушной Щегловитовой, была красивая госпожа Язвина и молоденькая Кардиналовская, не помню бывала ли на этихъ вечерахъ — кумиръ юнкеровъ — балетная Натарова? Дамы были въ простенькихъ блузкахъ съ пышными, по тогдашней модѣ рукавами, съ челкой на лбу.

Училищный оркестръ игралъ увертюру изъ «Руслана и Людмилы» Глинки, какой нибудь замысловатый опусъ, «Волшебнаго стрѣлка» Вебера и маршъ. Его смѣнялъ юнкерскій хоръ. Пѣли кадетскую «Дружнымъ, кадеты, строемъ сомкнитесь», «Вѣщаго Олега», «Бородино», «Въ ногу ребята, идите», «Надъ Невою рѣзво вьются», пѣли съ безконечными варіаціями и отсебятинами «Какъ пріѣхали два брата изъ деревни въ Петербурхъ», пѣли и народныя пѣсни: — «Ахъ ты ночь, ли ноченька», очень любили и малороссійскія пѣсни. Петровско-Полтавскій, Кіевскій и Михайловскій-Воронежскій кадетскіе корпуса давали въ училище много кадетъ малороссовъ и тѣ приносили съ собою свой подборъ красивыхъ и задушевныхъ пѣсень. Пѣли про турецкихъ султановъ и гайдамаковъ, «Засвистали козаченьки въ походъ съ полуночи» и «Гречаники». Подъ нихъ два, три юнкера въ гимнастеркахъ лихо отплясывали гопака. Выступали и солисты. Могучимъ баритономъ — гроза юнкеровъ — штабсъ-капитанъ Кратъ пѣлъ романсы, кто нибудь изъ юнкеровъ пѣлъ подъ гитару цыганскія пѣсни, декламировали стихи — Надсона и Некрасова. Лермонтовъ и Апухтинъ былъ въ модѣ, разсказывали сценки и анекдоты изъ солдатскаго, еврейскаго и армянскаго репертуара, конечно очень приличные — вѣдь тутъ было все начальство и дамы.

Часамъ къ одиннадцати музыкально-вокальная программа бывала исчерпана, на эстраду входили училищные музыканты солдаты, большинство сверхъ-срочные старики, по прозванію «пески» и начинались танцы.

Съ училищными дамами танцовали только офицеры. Юнкеровъ, даже и нашивочныхъ, къ нимъ не подводили и имъ не предъставляли, а сами юнкера въ своихъ солдатскихъ бушлатахъ стѣснялись подходить. Юнкерамъ приходилось танцовать другъ съ другомъ — «шерочка съ машерочкой», это юнкерамъ не нравилось и танцы скоро увядали. Паръ десять протанцуетъ кадриль, нѣсколько отважится на польку, на вальсъ и мазурку пойдутъ только любители, да нѣсколько нашивочныхъ, чтобы выслужиться передъ начальствомъ и въ двѣнадцать часовъ вечеръ бывалъ конченъ. Не были танцы въ большомъ ходу въ нашемъ строгомъ Павловскомъ училищѣ.

Въ Петербургѣ, на Знаменской улицѣ, помѣщался Павловскій дѣвичій институтъ. Онъ считался, какъ бы «сестрою» Павловскаго училища. Въ ноябрѣ, въ день институтскаго праздника, отъ училища назнача-

лись на институскій балъ по двадцать человѣкъ отъ роты хорошо танцующихъ юнкеровъ.

Мнѣ ни разу не довелось быть на такомъ институтскомъ балу, и потому описывать его не берусь, да послѣ безподобнаго описанія подобнаго бала въ Москвѣ въ Александровскомъ институтѣ, сдѣланнаго А. И. Куприным въ его романѣ «Юнкера» и не могу его описать.

16. Отпуски

Главнымъ развлеченіемъ юнкеровъ были отпуски.

Какъ волка ни корми — онъ все въ лѣсъ глядитъ. Мы были молоды 17-20 лѣтъ. Тѣ, кто имѣлъ родныхъ, или близкихъ въ самомъ Петербургѣ, тяготѣлъ къ дому, къ семьѣ, гдѣ было «вольно», гдѣ стояла красивая мягкая мебель, висѣли картины, хотя бы только и преміи «Нивы», гдѣ можно было развалиться, полежать, свободно поговорить о чемъ то новомъ съ братьями, офицерами, студентами, лицеистами, правовѣдами, съ сестрою барышней и ея подругами. Въ отпуску, на маленькихъ, Петербургскихъ вечеринкахъ-балахъ, гдѣ танцовало шесть-восемь паръ, но танцовало «по настоящему» съ дамами и барышнями, у которыхъ такъ молодо, красиво, такъ «божественно» сіяли ясные глаза, голубые, сѣрые, или каріе, отъ кого такъ томительно и нѣжно пахло духами, у кого были такія крошечныя ножки, въ кого хотѣлось влюбиться со всею нѣжностью и томленіемъ первой чистой любви — забывалось училище. Юнкера чувствовали себя свободными людьми.

Всѣ были скромно одѣты. Павлонскіе мундиры безъ пуговицъ, на крючкахъ, съ прямымъ бортомъ, безъ канта, со скромнымъ галуномъ и бѣлыми армейскими петлицами не такъ уже выдѣлялись. Лакированные высокіе сапоги — «лакировочки», какъ нѣжно называли ихъ юнкера, были туго натянуты, талія была перехвачена чернымъ ремнемъ и граціей движеній и ловкостью юнкера Павлоны старались скрасить скромность армейскаго пѣхотнаго мундира. Еще было слабостью юнкера Павлона — выпустить незаконный чубикъ на правомъ вискѣ, который при возвращеніи въ училище будетъ тщательно приглаженъ и затушеванъ. Конечно, хотѣлось бы — шпоры! Какъ у юнкеровъ эскадрона или портупей юнкеровъ Михайловцевъ — но, когда ихъ нѣтъ, — оставалось такъ туго стянуть поясъ, что трудно дышать, что, какъ ни соблазнительно поѣсть хорошенько за ужиномъ — много не съѣшь и не выпьешь, и сердобольная Петербургская барышня шепчетъ румяному юнкеру:

— Да вы разстегните вашъ поясъ, задохнетесь такъ то и ѣсть вамъ трудно, никто того не увидитъ...

Наши смазные сапоги, когда почему нибудь приходилось идти въ отпускъ въ казенныхъ сапогахъ, приводили въ восторгъ однихъ дамъ и оскорбляли другихъ.

Моя мать — изъ военной семьи — любила ихъ дегтярный запахъ; солдатскій запахъ, шедшій отъ ея сына, говорившій ей, что ея сынъ удостоился высокой чести быть с о л д а т о м ъ, слугой Государя и Родины.

Барышни, подруги сестры, въ бѣлыхъ вечернихъ платьяхъ, пугливо сторонились:

— Ахъ, пожалуйста, не подходите близко, вы мнѣ весь подолъ измажете своими сапожищами.

Это дало поводъ поэту К. Сурьминскому (моему брату Платону) написать такой экспромтъ:

— Вы мнѣ обѣщали свиданье,
И я, чтобы къ вамъ поспѣшить
Восьмнадцать вокабулъ латинскихъ
Былъ долженъ совсѣмъ не учить..
И вотъ прихожу на свиданье —
Ужъ вижу скамейку вдали,
Гдѣ вы обѣщали признанье
И сладкія пѣсни любви.

И вижу, что Павловскій юнкеръ
Предъ вами во фронтѣ стоитъ,
А вы, о коварная, тотъ-же
Лукавый, насмѣшливый видъ...
Въ смущеньи и страхѣ я обмеръ
И вымолвить слова не могъ
И слышалъ я только вашъ хохотъ,
Да запахъ казенныхъ сапогъ.
На завтра вокабулъ латинскихъ
Отвѣтить совсѣмъ я не могъ:
Мнѣ слышался только вашъ хохотъ,
Да запахъ казенныхъ сапогъ.

Тѣ, у кого не было въ Петербургѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ, ходили въ театры, посѣщали музеи, наконецъ, просто бродили по городу.

Никого изъ насъ не смущало, что въ праздничный день на Невскомъ и Морской приходилось разъ сорокъ стать во фронтъ генераламъ и непрерывно, то направо, то налѣво козырять. Мы были такъ «надрючены» въ этомъ нашимъ «дрючилой» и портупей-юнкерами, съ такимъ шикомъ становились во фронтъ, такъ браво отдавали честь, что часто слышали, какъ говорили намъ во слѣдъ:

— Молодцы юнкера!

— Ай-да Павлоны!

Никто изъ насъ, даже самые либерально настроенные, свободомыслящіе юнкера этимъ не тяготились, какъ не тяготились мы и тѣмъ, что не имѣли право ѣздить внутри вагоновъ конныхъ каретъ, но должны были торчать на площадкѣ, или ѣхать наверху «на имперьялѣ», что зимою въ холода и снѣжныя вьюги было нелегко. Это потомъ, извѣстною частью жидовской прессы искусственно внушалось войскамъ и обществу, что «отдавать честь» офицерамъ унизительно, что солдатъ (юнкеръ) такой же человѣкъ и становиться ему во фронтъ, мѣшая проходящимъ, глупо и смѣшно.

Въ отпускъ насъ пускали по средамъ, субботамъ и воскресеньямъ. По средамъ и субботамъ пускали послѣ занятій, съ четырехъ часовъ, по воскресеньямъ, послѣ обѣдни съ 12-ти. Отпускали до одиннадцати часовъ вечера, а по особой запискѣ съ предъявленіемъ театральнаго билета или иного какого приглашенія и «до позднихъ часовъ» — до 12-ти и больше (на балы). Тѣ, у кого были въ Петербургѣ родители или близкіе родные — по просьбѣ этихъ родителей получали право уходить въ субботу до воскресенья вечера, съ ночевкой дома.

Юнкеровъ привлекалъ театръ. Опера, балетъ и — особенно — Русская драма въ горячо любимомъ, легче доступномъ, болѣе дешевомъ и каждому понятномъ Александринскомъ театрѣ — милой уютной «Александринкѣ», съ ея прекрасными на возвышеніи, полукругомъ, «мѣстами за креслами», для тѣхъ, кто побогаче, съ балкономъ третьяго яруса и галеркой четвертаго, гдѣ мѣсто стоило тридцать копѣекъ.

Блистали Савина и Стрепетова, выходили на широкій путь славы Сазоновъ и Варламовъ, прельщалъ граціей «женъ премье» Петипа, начиналъ свою карьеру Далматовъ. И въ ротѣ у насъ были свои «Савинисты» и «Стрепетисты» и въ свободные часы до слезъ спорили о достоинствахъ игры того или другого артиста.

Какъ играли тогда Гоголевскаго «Ревизора». какъ было любовно и тонко поставлено Грибоѣдовское «Горе отъ ума» съ Савиной-Софьей, Фамусовымъ-Сазоновымъ и Петипа въ роли Чацкаго! Казалось, — не пьесу въ стихахъ слушаешь, а идетъ передъ тобою настоящая жизнь какихъ то особенно остроумныхъ людей прошлаго вѣка. Потомъ блисталъ Московскій Художественный театръ, восхищались безподобными постановками Станиславскаго и игрою прекрасно слаженной труппы, но такой читки, такого произношенія каждаго слова, какое было въ тогдашней нашей «Александринкѣ» уже не было. Это была — музыка Русскаго языка.

Молодость! Молоодсть! Она улетѣла и прошла, какъ улетаетъ и быстро сходитъ все красивое и живое, какъ опадаютъ нѣжные лепестки цвѣтовъ и остается голый, лысый, сухой, безобразный пестикъ.

Изъ «снобизма» Ротштейнъ увлекалъ ме-

ня иногда въ Михайловскій театръ, гдѣ шла французская драма. Мы любовались красавицами Сюзанной Мент и Брендо... Недавно прочелъ въ газетахъ, что знаменитая дива Михайловскаго театра зимою 1938-го года умерла 82-лѣтней старухой, отъ холода и голода, всѣми позабытая въ Парижской мансардѣ. Та самая, кѣмъ любовались мы и кѣмъ грезили полвѣка тому назадъ! Жестокій двадцатый вѣкъ не пощадилъ ее въ холодномъ эгоистическомъ Парижѣ.

Суровая обстановка училища, общая бѣдность, большой физическій трудъ на гимнастикѣ и ученьяхъ имѣли свои хорошія стороны — они охраняли въ чистотѣ юношей.

Пьянство? Нѣтъ, о пьянствѣ говорить не приходилось. Когда я былъ на старшемъ курсѣ юнкеръ нашей роты К. явился изъ отпуска въ два часа ночи «еле можаху» — пьянъ въ дребезги. На другой день мы прочли въ приказѣ по училищу — 30 сутокъ смѣшаннаго ареста и переводъ въ третій разрядъ по поведенію. Изъ подъ ареста юнкеръ К. попалъ въ лазаретъ съ пролежнями по тѣлу отъ спанья на голыхъ нарахъ и совершенно разбитый. Такой «терроръ» не располагалъ къ выпивкѣ ни внутри, ни внѣ училища.

Идешь изъ отпуска — и мать сама заправитъ подъ воротникъ и разгладитъ на спинѣ башлыкъ, осмотритъ все-ли въ порядкѣ, на серединѣ ли лба приходится надѣтая на бекрень барашковая шапка. Гдѣ уже тутъ напиться?

Въ отпускные дни, въ часы возвращенія юнкеровъ, всегда въ дежурной комнатѣ сидитъ кромѣ дежурнаго и кто нибудь изъ ротныхъ командировъ. Хорошо, если дежурными поручики Линдестремъ или Кардиналовскій, а на диванѣ сидитъ командиръ 4-й роты капитанъ Пясецкій, или 3-й роты капитанъ Прокоповичъ — пронесетъ и съ виннымъ ароматомъ, а, если тамъ дежурный самъ «дрючило», или грубый штабсъ-капитанъ Кратъ, а на диванѣ Язвинъ, или нашъ косоглазый Семенъ Никоновъ — не миновать бѣдѣ.

— Что это у васъ, батенька мой, орелъ на шапкѣ не туда глядитъ и башлыкъ не въ порядкѣ, — язвительно скажетъ Герцыкъ, а съ дивана ротный спроситъ:

— Гдѣ были?

Молчаніе.

— Гдѣ пили?

— У товарищей... Своихъ Воронежскихъ... Студентовъ.

— Кру-гомъ, — командуетъ Герцыкъ. — Кру-гомъ. Шатаетесь, батенька мой. Отчетливѣй надо... Головка кружится

И съ дивана:

— Скажите фельдфебелю — пять сутокъ ареста съ исполненіемъ служебныхъ обязанностей за неаккуратный видъ при явкѣ изъ отпуска..

Тутъ не на пьешься.

17. Встрѣча Государя Императора по возвращеніи въ столицу послѣ крушенія поѣзда въ Боркахъ

На второй мѣсяцъ нашего пребыванія въ училищѣ мы встрѣчали Государя Императора и его Семью, послѣ чуднаго избавленія отъ смертельной опасности, грозившей имъ 17-го октября при крушеніи поѣзда недалеко отъ станціи Борки.

Государь прибывалъ въ Петербургъ утромъ 19-го октября. Для встрѣчи Его Величества было приказано войскамъ гвардіи и Петербургскаго гарнизона стать шпалерами отъ Николаевскаго вокзала до Зимняго Дворца вдоль всего Невскаго проспекта. Войска выводились въ шинеляхъ, при башлыкахъ, въ парадной формѣ, безъ оружія. Кавалерія и артиллерія въ пѣшемъ строю.

Былъ сѣренькій, октябрьскій Петербургскій день. Легкій морозъ, гололедка. Въ восемь часовъ утра, послѣ завтрака съ хо-

лоднымъ мясомъ, нашъ батальонъ вывели на училищный плацъ. Пріѣхалъ верхомъ генералъ Рыкачевъ. Онъ сказалъ строго и внушительно:

— Прошу запомнить, господа, что вы не толпа, идущая смотрѣть на Государя, но Государевъ любимый батальонъ Павловска го училища, выведенный Его Величеству на смотръ. И потому, видно кому изъ васъ Государя и Государыню, или изъ задней ли шеренги или съ фланга и ничего не видно и думать не смѣйте вытягиваться, подниматься на носки, или еще тамъ какую глупость дѣлать. Выправка и образцовая стойка!... Не шелохнуться во время проѣзда Царскаго кортежа и н е д ы ш а т ь !... Н е д ы ш а т ь !! Замри!... Забудь, что у тебя есть тѣло — помни лишь одно — ты въ строю — и строй — святое мѣсто! А кого замѣчу, прошу извинить, — взыщу съ по всей строгости закона — вонъ изъ училища! Ибо это строй, да еще строй въ присутствіи самого Государя!

Мы прорепетировали отвѣтъ Государю и крикъ «ура», потомъ съ музыкой пошли на мѣсто встрѣчи.

Батальонъ былъ построенъ на Невскомъ отъ Большой Морской до Адмиралтейской площади.

Какъ только стали, началось безконечное выравниваніе батальона. Какъ мы ни равнялись, нашему начальству все казалось, что кто нибудь выдался или осадилъ, или завалилъ плечо.

— Юнкеръ Глотовъ, осадите немного... Да много, много... Всего на полвершка осадите...

— Юнкеръ Байковъ, довернite лѣвый носокъ...

— Взводный Махвиладзе, провѣрьте ранжиръ вашего взвода... Тутъ въ серединѣ надо переставить.

И по мѣрѣ этихъ поправокъ, перестановокъ, нарастало наше волненіе. Усталость отъ стоянія, вытянувшись на мѣстѣ, забывалась.

Сѣрый день разгулива . Голубые просвѣты появились на небѣ, свѣжій вѣтеръ съ Невы, заигралъ вывѣшенными на домахъ и поперекъ улицы трехцвѣтными бѣло-сине красными и бѣло-желто-черными флагами. Показалось блѣдное осеннее солнце.

За войсками густою черною толпою стоялъ народъ. По Невскому шло обычное движеніе. По три, одна за другою проносились, позванивая звонками, конки, извощики ѣхали по торцамъ одни къ вокзалу, другіе къ Адмиралтейству, медленно подавалась стрѣлка башенныхъ часовъ на Адмиралтейской башнѣ къ одинадцати.

Движеніе стало меньше. Вѣроятно, у вокзала перестали пускать на Невскій. Стало тише, и чуткое ухо штабсъ-капитана Герцыка уловило далекій гулъ.

— Пріѣхали, — сказалъ онъ.

Насъ снова начали равнять.

На Казанскомъ Соборѣ ударили благовѣсть. Невскій опустѣлъ.

— Батальонъ!.. Смир-рр-но!

Ротный Никоновъ торопливо прошелъ вдоль фронта, тутъ-тамъ оправилъ концы башлыковъ и, какъ то зловѣще кося глазами, сказалъ:

— Не дышать! Смирно!.. Подберите животы и затаите дыханіе!

Противъ насъ, въ толпѣ, стали снимать шапки. Благовѣстъ захватывалъ все большее и большее число церквей. Онъ гудѣлъ непрерывными торжественными густыми перезвонами. Справа отъ насъ, еще далеко, послышались звуки народнаго гимна и крики ура. Это ура приближалось къ намъ, все наростая въ силѣ звука.

Мы стояли такъ вытянувшись, такъ были захвачены всѣмъ тѣмъ, что надвигалось на насъ съ этими плавными торжественными звуками, что, казалось, еще немного и мы отдѣлимся отъ земли и понесемся въ небесную высь вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ.

— Бат-тальонъ глаза напра-во! Господа офицеры!

Нашъ оркестръ — «пески» — заигралъ гимнъ.

Къ флангу батальона быстро приближалась коляска, запряженная парой крупныхъ сѣрыхъ рысаковъ, съ кучеромъ въ синемъ

армякѣ съ медалями на груди и рядомъ съ нимъ камеръ-казакомъ въ высокомъ старинномъ киверѣ со шлыкомъ. За ними мы увидали лишь на одно незабываемое мгновеніе такъ знакомое намъ по портретамъ и по кадетскимъ встрѣчамъ лицо Государя и рядомъ съ нимъ Государыню. Государь поровнялся съ серединой нашей роты. Онъ приложилъ руку въ бѣлой перчаткѣ къ козырьку низкой круглой бѣлой барашковой шапки и громко, такъ что сквозь звуки гимна намъ отчетливо было слышно, сказалъ:

— Здравствуйте, господа!

— Здравія желаемъ, ваше Императорское Величество, — дружно отвѣтили мы, и наше лихое юнкерское ура раздалось и понеслось въ слѣдъ быстро удалявшейся коляски.

Кто ѣхалъ сзади Государя, ѣхалъ-ли кто нибудь, мы ничего не видали, кромѣ Государя.

— Царствуй на славу намъ, — неслось отъ оркестра и «ура» наше заглушало музыку гимна. Ничего и никого уже не было противъ насъ. Экипажи скрылись за угломъ Главнаго штаба, стали видны голыя вѣтви Александровскаго сада, звеня, тронулись задержанныя тамъ конки. Мы все кричали ура...

Начальникъ училища провожавшій вдоль фронта коляску, вернулся къ намъ и махнулъ рукою. Странною показалась послѣ такого крика тишина и обычные уличные шумы. Съ говоромъ задвигался народъ, по явились извощики. Нашъ батальоеъ вытянулся въ колонну по отдѣленіямъ. Барабанщики и флейтисты ударили «козу».

... «Ѣхала деревня
Мимо мужика,
Вдругъ изъ подъ собаки
Лаютъ ворота...».

Разъ!.. разъ!.. — бьютъ наши сапоги по торцамъ площади.

— Смир-р-но!.. Равненіе на право!

Батальоеъ проходитъ мимо Александровской колонны и по уставу отдаетъ честь памятнику. Впереди «пески» играютъ Преображенскій маршъ.

Видитъ-ли насъ Государь Императоръ? Мы чувствуемъ, что мы хорошо идемъ.

Впереди плещетъ темными графитовыми волнами Нева, снуютъ по ней пароходики, плывутъ тяжелыя баржи и черный дымъ буксира низко стелется надъ водой.

На душѣ радостно, празднично и легко.

По возвращеніи въ училище мы были уволены въ отпускъ до одинадцати часовъ вечера...

18. Крещенскій парадъ

Недѣли за двѣ до Рождества, въ часы ружейныхъ пріемовъ, въ роту пришли ротный, батальонеый — полковникъ Щегловитовъ и училищный квартермистръ подполковникъ Гольдштаубе. Ротѣ было приказано стать въ одну шеренгу. Никоновъ вызвалъ изъ фронта юнкеровъ, которые собирались ѣхать на праздники въ отпускъ.

Батальонный съ ротнымъ пошли вдоль фронта оставшихся и стали выбирать юнкеровъ въ караулъ на Крещенскій парадъ. Требовалось двадцать юнкеровъ, два младшихъ портупей юнкера, одинъ старшій и четыре юнкера запасныхъ. Отбирали самыхъ рослыхъ, стройныхъ, наилучше выправленныхъ. Съ очками сейчасъ же были отставлены. Я попалъ въ караулъ въ переднюю шеренгу.

Гольдштаубе записалъ наши фамиліи: — намъ будутъ «строить» спеціальные, парадные мундиры — «по мѣркѣ».

Съ этого дня насъ начали тренировать для парада. Насъ выстраивали въ одну шеренгу, штабсъ-капитанъ Герцыкъ — онъ и шелъ со взводомъ, — командовалъ: — «на плечо» и начиналъ обходъ взвода.

Онъ шелъ медленно, дѣлая поправки:

— Разверните прикладъ... Возьмите его больше въ плечо. Затаите дыханіе...

Зайдетъ съ боку, посмотритъ, какъ вы-

равнены штыки и снова идетъ, выправляя каждаго, лѣпя изъ каждаго какъ бы статую.

— Шай на кра-улъ!

Вотъ тутъ то и нужно было «не дышать». При самомъ легкомъ дыханіи штыки отвѣсно поставленныхъ ружей могли шевелиться и это разравнивало ихъ прямую линію.

— Дышите незамѣтно. Не открывайте рта. Да подберите животъ, у васъ, батенька мой, штыкъ качается. Ниже возьмите правую руку и пальцы прямые. Держите винтовку въ лѣвой рукѣ, правая только поддерживаетъ ее.

Идутъ минуты, свиваются въ десятки минутъ. Въ казармѣ полная тишина, чуть поскрипываютъ сапоги у Герцыка, когда онъ медленно идетъ вдоль нашего фронта.

— На плечо... Къ ногѣ... Оправиться, но не шевелиться. Незамѣтно расправьте ноги...

Цѣлый часъ прошелъ въ этомъ стояніи.

Когда начались каникулы, юнкера, назначенные въ караулъ должны были черезъ день являться на два часа въ училище и тамъ шло все тоже — «на плечо» и «на краулъ» и стояніе неподвижно, затаивъ дыханіе. Готовился нашъ изумительный — «дворцовый» взводъ.

4-го января этотъ взводъ ходилъ въ Зимній Дворецъ на общую репетицію Крещенскаго парада.

6-го января, по древнему, съ Петровскихъ временъ идущему обычаю, на Невѣ, у Зимняго Дворца, на особо сдѣланной Іордани состоялось водосвятіе, церковный парадъ въ залахъ дворца и Высочайшій выходъ.

Взводы со знаменами Павловскаго военнаго училища и Морского кадетскаго корпуса, съ оркестромъ этого корпуса стояли въ фельдмаршальскомъ залѣ.

Стройными рядами, не растягиваясь, поскрипывая новыми сапогами, распространяя вокругъ себя свѣжій дегтярный Русскій солдатскій запахъ, держа ружья «у ноги», мы вошли въ девятомъ часу въ залъ и стали бокомъ къ окнамъ. Противъ насъ стояли гардемарины Морского корпуса. Надъ ними высилась громадная картина Коцебу — «Взятіе Варшавской Воли» и подлѣ нея портретъ въ натуральную величину, въ ростъ, фельдмаршала Кутузова, съ выбитымъ глазомъ, въ бѣлой фуражкѣ, съ жезломъ въ рукѣ, въ шинели въ накидку.

Дворецъ гудѣлъ голосами и стукомъ солдатскихъ шаговъ карауловъ, занимавшихъ свои мѣста въ залахъ дворца.

Мы стояли «вольно», но не шевелясь и наблюдали необычную дворцовую жизнь. Прошли расшитые позументами, въ странныхъ шапкахъ со страусовыми перьями скороходы съ куреньемъ, проходили мимо офицеры, конвойные казаки, придворные лакеи.

«Дрючила» поглядывалъ на насъ желтыми, узкими глазами, кому подмигнетъ одобрительно, на кого сердито покосится. Мы чувствуемъ, что, несмотря на нашу скромную, бѣдную армейскую форму, нашъ взводъ хорошъ. Даже — очень хорошъ. Это видно по тому, какъ осматриваютъ насъ проходящіе мимо офицеры и генералы, какъ глядятъ на насъ придворныя дамы, что проходятъ въ большой Николаевскій залъ и черезъ него въ церковь, въ расшитыхъ «Русскихъ» платьяхъ съ кокошниками въ жемчугахъ съ очень открытыми грудью и шеей, то старыя, толстыя сѣдыя, статсъ дамы, то молодыя фрейлины съ завитыми волосами, красивыя и обаятельныя, онѣ кажутся намъ феями сказокъ. Генералъ въ густыхъ эполетахъ, весь въ орденахъ остановится противъ взвода, крякнетъ одобрительно и скажетъ Герцыку:

— Вы дали-бы имъ «вольно».

— Ваше превосходительство, они у меня и такъ «вольно» стоятъ.

— А какъ же будетъ, когда станутъ «смирно»?

— Когда дышать совсѣмъ перестанутъ, вотъ тогда будетъ «смирно»...

— Ну-ну!..

Все меньше движенія по заламъ дворца, все тише во дворцѣ.

Вѣроятно уже началась въ дворцовой церкви литургія.

Училищный адъютантъ, высокій, длиннобородый, рыжеватый штабсъ-капитанъ Верцинскій и нашъ знаменщикъ, хорошенькій старшій портупей юнкеръ 3-й роты,

«помпонъ» — оба въ волненіи. Въ чемъ будутъ выходить со знаменемъ на водосвятіе на Неву, на Іордань, въ мундирахъ, или въ шинеляхъ? Ихъ шинели лежатъ приготовленныя сзади караула на краснымъ бархатомъ обитой скамьѣ. По рзсчету, обѣдня уже приходитъ къ концу. Уже палила съ Петро-Павловской крѣпости двѣнадцатичасовая пушка, а распоряженія все нѣтъ и нѣтъ. Какъ успѣть одѣться, заправить башлыки? Утромъ былъ жестокій морозъ, десять градусовъ Реомюра, теперь блистаетъ яркое солнце, заливаетъ лучами паркетный полъ зала, слѣпитъ глаза гардемаринамъ, но — январьское солнце не грѣетъ... .

Плацъ-адъютантъ проходитъ черезъ залъ торопливыми шагами:

— Господа адъютанты — парадъ въ мундирахъ!

Кряхтитъ Верцинскій, а каково знаменщику? Какъ грѣетъ юнкерскій мундиръ, вѣтромъ подбитый, на рыбьемъ мѣху подхваченый, это мы знаемъ. Герцыкъ подмигиваетъ знаменщику:

— Что, батенька мой!.. Ничего, крѣпитесь!..

Красавчикъ-«помпонъ» краснѣетъ отъ смущенія и удовольствія.

— Ничего — молодая кровь — горячая...

По заламъ звучатъ команды. Въ нашемъ залѣ командуютъ: — «на плечо»...

Откуда то издали доносится музыка и пѣніе. Они еще тихіе и слышны только плавные пѣвучіе звуки. Музыканты Морского корпуса разобрали и продули трубы. Процессія далеко, но у насъ уже командуютъ:

— Парадъ! Шай на кра-улъ!

Ближе звуки. Я ничего пока не вижу, передъ носомъ вороненый стволъ винтовки, дыханіе задержано, въ глазахъ рябитъ, волненіе охватываетъ сердце.

И вотъ наплываютъ къ намъ изъ сосѣдняго зала звуки кавалерійскаго хора: играютъ «Коль славенъ».

Въ двери зала медленно входятъ попарно идущіе придворные пѣвчіе въ парадныхъ красныхъ съ золотомъ кафтанахъ, маленькіе дисканты и альты впереди. Звонко поютъ — «Во Іорданѣ крещающусь Тебѣ, Господи»... Ихъ пѣніе сливается съ музыкой. Морской оркестръ играетъ «Коль славенъ». Какое то тепло заливаетъ тѣло, дыханіе совсѣмъ остановлено, неподвижность полная.

— Глаза на пра-во!

Колышатся высокія хоругви въ рукахъ рослыхъ причетниковъ, за ними блистаютъ золотыя митры, украшенныя драгоцѣнными камнями митрополита и архіереевъ, видны сѣдыя бороды, насупленныя брови. Крестный ходъ во всемъ своемъ блескѣ, красотѣ и величіи надвигается къ намъ. Пѣніе, музыка слились въ одну гармонію. Въ глазахъ темнѣетъ и, кажется, вотъ вотъ свалюсь — не выдержу всего этого напряженія.

Ни одинъ штыкъ у насъ не колыхнется — и подлинно — мы не дышемъ.

Но тутъ показывается Государь Императоръ и снова силы явились и глаза устремлены на него и только на него.

Государь идетъ въ мундирѣ Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полка, съ широкою голубою лентою черезъ плечо. Рядомъ съ Государемъ идетъ Государыня въ бѣломъ муаровомъ платьѣ и широкомъ собольемъ палантинѣ. Я никого больше и не вижу. Медленно повоорачивается голова, «провожая глазами» Государя. И это плавное движеніе головы даетъ намъ возможность оправиться и проясняетъ глаза.

Крестный ходъ скрылся. Процессія ушла. Звуки музыки и пѣнія постепенно замерли вдали. Мы все держимъ «на караулъ». Изъ сосѣдней залы слышенъ бодрый, скорый «кавалерійскій» маршъ и твердыми шагами входятъ въ залъ знаменоносцы. Верцинскій и нашъ знаменщикъ «берутъ ногу» и вступаютъ на свое мѣсто. Передъ нами быстро проходятъ, точно въ вихрѣ несутся знамена и штандарты гвардейскихъ полковъ... Послѣдній скрылся за дверьми.

— На пле-чо!.. Къ ногѣ!..

Пріемъ порывистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ружье поставлено на полъ такъ тихо, что ни одинъ прикладъ не стукнулъ затылкомъ о полъ.

— Тахъ... тахъ... тахъ...

И — тишина.

— Стоять вольно!

Гардемарины противъ насъ шевелятся, перешептываются, дѣлятся впечатлѣніями, улыбаются... Мы стоимъ неподвижно. Чуть согнемъ то одно, то другое колѣно, незамѣтно расправимъ затекшую руку.

Мы — Павлоны!

По пушечной пальбѣ съ крѣпостныхъ верковъ и съ Васильевскаго острова, гдѣ у Биржи стоитъ конная батарея, отдающейся объ окна зала, мы знаемъ, что идетъ водосвятіе.

Замерзшій, зарумянившійся, съ побѣлѣвшими ушами возвращается съ адъютантомъ знаменщикъ.

Парадъ конченъ. Караулы уводятъ изъ залъ.

Въ подвальныхъ помѣщеніяхъ дворца, въ длинныхъ галлереяхъ, уставленныхъ мраморными статуями, гдѣ сложены наши шинели, поставлены длинные столы и скамьи. Юнкерамъ всѣхъ училищъ и гардемаринамъ отъ Гофмаршальской части предложенъ холодный завтракъ и чай.

Мы мало, что видали, но мы много и много пережили вдохновенныхъ, красивыхъ мгновеній, когда мимо насъ, во всемъ своемъ величіи и блескѣ проходилъ Государь Императоръ. Мы счастливы, оживлены, мы сознаемъ, что мы были «молодцами», что мы не осрамили нашего родного училища...

Въ шинеляхъ, «ружья вольно», вздвоенными рядами, идемъ мы знакомой дорогой черезъ Неву къ себѣ въ Училище.

Краснѣя склоняется за Васильевскій островъ солнце. Блѣдно — почти бѣлое небо. Серебрится снѣгъ по широкимъ Невскимъ просторамъ. Въ инеѣ деревья Александровскаго парка за черными строгими линіями крѣпости. Все буднично кругомъ. Праздникъ и съ нимъ каникулы прошли.

Ночью вернутся отпускные... Завтра въ шесть съ половиною часовъ утра насъ разбудитъ въ холодной казармѣ барабанная дробь повѣстки къ зарѣ...

19. Въ ожиданіи пріѣзда Государя Императора въ училище

Не знаю, кто принесъ въ училище осенью глупые куплеты, слышанные на открытой сценѣ Зоологическаго сада, единственнаго изъ лѣтнихъ «злачныхъ» мѣстъ, доступныхъ для юнкеровъ.

Куплеты явно нѣмецкаго происхожденія:

... — «Въ саду Зоологическомъ
Закрытъ пивной буфетъ,
И въ пафосѣ трагическомъ
Воскликнулъ цѣлый свѣтъ: —
Нахъ Африка, нахъ Камерунъ,
Нахъ кика — Камерунъ...».

Германія въ 1884-мъ году заняла въ Африкѣ Камерунъ и Того и это были отзвуки нѣмецкой колоніальной побѣды, долетѣвшіе до насъ черезъ Зоологическій садъ, управляемый нѣмцемъ Ростомъ.

Куплеты эти въ училищѣ были передѣланы и снабжены своими, такими же глупыми словами: —

... «У насъ всѣ офицерики —
Смиренники на видъ,
Барашками всѣ выглядятъ,
Но въ каждомъ чортъ сидитъ.
За каждое дѣяніе
Готовы насъ взыскать,
И это ихъ профессія
Взысканья налагать...
Нахъ Африка, нахъ Камерунъ,
Нахъ кика Камерунъ...

Лишь стоитъ Николаеву
Намъ лекцію начать,
Не знаю, право, отчего,
Но хочется мнѣ спать.
Координаты, функціи
Мнѣ нагоняютъ сонъ,
Готовъ я Николаева
Изъ класса выгнать вонъ —
Нахъ Африка, нахъ Камерунъ,
Нахъ кика — Камерунъ...

И въ нашемъ классѣ химіи
Тревожатъ часто насъ,
Парами газовъ гадостныхъ
Тамъ душатъ насъ подчасъ...

и такъ далѣе, поминались всѣ профессора и преподаватели тѣмъ или другимъ досадившіе юнкерамъ.

Въ январѣ, какъ то послѣ вечерней переклички, когда фельдфебель объявлялъ приказанія начальства и читалъ параграфы училищнаго приказа, касающіеся юнкеровъ, Иванъ Ѳедоровичъ откашлялся — онъ немного смущался передъ молчаливымъ строемъ роты и краснѣлъ, — и сказалъ: —

— Господа, въ училищѣ нашемъ ожидается пріѣздъ Государя Императора. Его Императорское Величество началъ объѣздъ учебныхъ заведеній. Въ прошломъ году Государь не былъ у насъ, можно ожидать, что въ этомъ мы будемъ удостоены высокой чести Высочайшаго посѣщенія. Начальникъ училища приказалъ въ виду этого — съ утра надѣвать короткіе шаравары и высокіе сапоги, а дежурному по ротѣ заступать въ парадной формѣ. На дневномъ отдыхѣ на койкахъ не лежать... Впредь до распоряженія... Рота на лѣ-во... Пѣть молитву.

На завтра, во второмъ взводѣ, въ часы отдыха нѣсколько человѣкъ запѣли на всю роту «Нахъ Африка» съ новыми, только что придуманными куплетами: —

— Самъ Государь, мы слышали,
Къ намъ въ гости долженъ быть.
Мы чиститься всѣ начали,
Откуда взялась прыть.
Ужъ сапоги высокіе
Не смѣемъ мы снимать,
И ждемъ мы приказанія —
Въ бушлатахъ ночью спать...

Но, коль дождуся я Царя,
То загонюсь тогда: —
Не въ Африку, не въ Камерунъ,
Нахъ Петерсбургъ истъ гутъ...

Иванъ Ѳедоровичъ, сидѣвшій у своей конторки, пошелъ ко второму взводу.

Пѣвшіе встали.

— Господа, попрошу прекратить это безобразіе.

— Но, почему, Иванъ Ѳедоровичъ?

— Сами должны понимать, почему. Въ ротѣ пѣть воспрещается. Вы мѣшаете другимъ заниматься.

— Они намъ, господинъ фельдфебель, ничуть не мѣшаютъ.

— Прошу мнѣ не возражать. Пѣть можете въ курилкѣ послѣ вечерней переклички.

— Какія нынче строгости!

— Юнкеръ Виноградовъ, возьмите два дневальства не въ очередь.

Во взводѣ замолчали. Фельдфебель, взволнованный и покраснѣвшій, пошелъ по ротѣ. Когда онъ скрылся за арками коридора, кто то сказалъ:

— Осерчалъ Софронъ!

Въ третьемъ, сосѣднемъ взводѣ свиснули. Кто то крикнулъ: — «Фараонъ! Фараонъ!!».

Потомъ всѣ въ ротѣ притихли, сидѣли за своими столиками, уткнувшись въ книги. По затхшей ротѣ фельдфебель возвращался на свое мѣсто. Когда онъ проходилъ мимо меня, мнѣ показалось, что у нашего красиваго молодчика Ивана Ѳедоровича были слезы на глазахъ.

Мнѣ было жаль его.

20. Посѣщеніе Государемъ Императоромъ Александромъ III Павловскаго военнаго училища

Напряженное состояніе ожиданія продолжалось уже вторую недѣлю. Занятія шли по росписанію, но ихъ старались обставить эффектнѣе — на ружейные пріемы сводили всю роту въ полномъ разсчетѣ, гимнастику дѣлали тоже обоими курсами вмѣстѣ. Часто выводили на плацъ и какой бы морозъ ни былъ, всегда въ однихъ бушлатахъ. Чтобы согрѣться, гоняли роту шагомъ и бѣгомъ такъ, что цыганскій потъ прошибалъ насъ и про морозъ мы забывали.

Юнкера музыканты каждый день по два часа сыгрывались, готовя «концертъ», пѣвчіе спѣвались, двери церкви были открыты и батюшка дежурилъ на готовѣ съ крестомъ, встрѣтить Государя при пріѣздѣ.

Полы въ корридорахъ и въ ротахъ были вымыты съ пескомъ, койки тщательно выравнены и въ эти дни застилались съ точнымъ однообразіемъ, нигдѣ на одѣялахъ не было ни складочки. Печи съ утра пылали огнемъ, форточки были открыты, вездѣ была пріятная свѣжесть. И съ десяти часовъ утра и на лекціяхъ и потомъ на строевыхъ занятіяхъ всѣ прислушивались, не зазвонитъ-ли въ швейцарской условный длинный электрическій звонокъ.

Занятія гимнастикой кончились, мы торопливо, какъ всѣ эти дни мы все дѣлали торопясь, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ, переодѣвались изъ гимнастическихъ бѣлыхъ рубашекъ въ бушлаты и надѣвали ремни съ подсумками и безкозырки, собираясь на ротное ученье.

Иванъ Ѳедоровичъ, совсѣмъ готовый, въ красномъ кушакѣ, при револьверѣ и шашкѣ, сидѣлъ у своей конторки и разговаривалъ съ дежурнымъ по ротѣ. Вдругъ онъ насторожился и сказалъ:

— Государь пріѣхалъ. Я слышу звонокъ въ швейцарской.

Онъ всталъ и вмѣстѣ съ дежурнымъ пошелъ по ротѣ, торопя строиться.

Еще не былъ сдѣланъ разсчетъ и рота съ глухимъ шумомъ сапоговъ и ружейныхъ прикладовъ устанавливалась противъ оконъ, какъ въ нее торопливыми шагами вошли капитанъ Никоновъ и взводные Третесскій и Герцыкъ.

— Господа, прошу не волноваться. Въ Училищѣ у насъ Государь съ Императрицей. Фельдфебель дѣлайте разсчетъ.

Разсчетъ былъ сдѣланъ. Мы стояли въ строю, ничего не дѣлая въ ожиданіи. Все время кто нибудь прибѣгалъ и сообщалъ, что дѣлалось въ училищѣ.

— Государь Императоръ въ церкви. Къ иконамъ прикладывались...

— Государь съ Государыней прошли въ лазаретъ...

— Поднялись въ четвертую роту.

— Въ третьей ротѣ гимнастику смотрятъ.

И вотъ уже слышенъ отвѣтъ второй роты, радостно сдержанный, великолѣпный отвѣтъ:

— Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество.

Нашъ дежурный по ротѣ стоитъ въ умывалкѣ. Онъ дежурный по Шефской ротѣ и ему полагается рапортовать и при дежурномъ офицерѣ. Онъ вытянулся въ струнку, талія такъ перетянута, что кажется, что онъ въ корсетѣ. Кровь то приливаетъ къ его лицу, то отливаетъ Онъ волнуется.

Каптенармусъ Мохнинъ стоитъ на поворотѣ корридора на махалкѣ.

Онъ вбѣгаетъ, взволнованный и громко шепчетъ: — «идутъ-съ... Къ намъ жалуютъ-съ»!.. — и скрывается въ глубинѣ умывальной комнаты, въ дверяхъ той комнатушки, гдѣ мы чистимъ сапоги.

Рота выравнена, какъ по шнуру, держитъ ружья «на плечо». Одновременно съ громкой командой капитана Никонова «шай на кра-улъ», мы слышимъ отчетливый рапортъ дежурнаго портупей юнкера. Молодчина не растерялся. Голосъ звучитъ твердо, ясно, можетъ быть слишкомъ отчетливо, подчеркнуто отчетливо, и тѣмъ выдаетъ волненіе.

— Ваше Императорское Величество, въ ротѣ Имени Вашего Императорскаго Величества 1-го Военнаго Павловскаго Училища — юнкеровъ по списку — 105, въ лазаретѣ — одинъ, на лицо 104: въ ротѣ все обстоитъ благополучно.

Мягко и негромко говоритъ Государь:

— Здравствуйте, портупей-юнкеръ.

Радостно отвѣчаетъ дежурный:

— Здравія желаю Ваше Императорское Величество.

Огромный, величественный,, красивый, могучій и мощный входитъ Государь въ роту. Рядомъ съ нимъ идетъ Государыня. Она обаятельно красивая, точно неземная, безконечно милая, кажется маленькой, подлѣ Государя. Мы видимъ ее, нашу Царицу совсѣмъ подлѣ насъ.

Въ ротѣ полнѣйшая тишина, штыки слились въ одну линію, ни одинъ не колыхнется. Никоновъ и Третесскій стоятъ съ опущенными къ носку шашками.

Государь останавливается противъ нашего правофланговаго и мѣряетъ его глазами.

— Какъ ваша фамилія?

— Юнкеръ Шмеллингъ, Ваше Императорское Величество.

Только у такихъ рослыхъ людей бываетъ такой пріятный густой пѣвучій голосъ.

— Вы выше меня будете?

Мягкій сочный баритонъ звучитъ на всю роту:

— Выше Вашего Императорскаго Величества никого въ мірѣ нѣтъ.

На мгновеніе добрая улыбка скользитъ по лицу Государя и скрывается въ густой, большой, русой бородѣ.

— А ну, помѣряемся.

Никоновъ — онъ стоитъ сзади Государя, — глазами показываетъ, что бы Шмеллингъ вышелъ изъ строя. Шмеллингъ ловко беретъ «на плечо» и «къ ногѣ». Въ его рукахъ тяжелая двѣнадцатифунтовая винтовка кажется тоненькой тросточкой.

— Станьте рядомъ со мной. Ну, конечно, на полъ-вершка выше. Радъ видѣть у себя въ ротѣ такихъ молодцовъ. У васъ братья есть?

— Единственный сынъ, Ваше Императорское Величество.

— А какъ здоровье?

— Немного грудь болитъ, Ваше Императорское Величество.

— Берегите себя, Шмеллингъ. Куда думаете выходить?

— Въ Туркестанъ, Ваше Императорское Величество, тамъ служитъ мой отецъ.

— Это хорошо. Тамъ въ теплѣ, Богъ дастъ, и грудь перестанетъ безпокоить. Желаю вамъ счастливо кончить училище и хорошо служить.

— Покорно благодарю, Ваше Императорское Величество.

— Станьте на мѣсто.

Шмеллингъ входитъ въ строй, отчетливо поворачивается кругомъ и беретъ «на плечо» и «на караулъ».

Мы все стоимъ, затаивъ дыханіе.

— Здравствуйте, господа.

Какъ тщателенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ взволнованно радостенъ нашъ отвѣтъ!

Государь медленно идетъ вдоль фронта. Корридоръ узкій. Мы слышимъ тонкій запахъ духовъ Императрицы и мои глаза встрѣчаются съ голубыми глазами Государыни. Наши головы поворачиваются за Государемъ и мы не видимъ ни Рыкачева, ни батальоннаго, ни Никонова, сопровождающихъ Государя.

— Къ ногѣ, — говоритъ Государь, останавливаясь за лѣвымъ флангомъ роты. — Фельдфебель, пожалуйте ко мнѣ.

Иванъ Ѳедоровичъ, розовый отъ волненія, хорошенькій, аккуратный, какъ игрушечка выходитъ изъ за стрея роты и вытягивается противъ Государя.

— Командуйте ружейные пріемы.

Иванъ Ѳедоровичъ набираетъ воздуха и трепетно командуетъ:

— Рота, ружья вольно!

Его голосъ крѣпнетъ. Пріемы отбиваются такъ чисто, такъ отчетливо, что намъ самимъ радостно ощущать игру ружей въ нашихъ рукахъ.

— На ру-ку. Къ но-о-гѣ. Пальба ротой. Съ колѣна пальба ротой.

Куда дѣвался вѣсъ нашихъ винтовокъ? Точно не руки взбрасываютъ ихъ, но сами онѣ невидимою силою летаютъ передъ нами.

— Отлично, господа...

— Р-рады стараться, Ваше Императорское Величество.

Государь проходитъ къ образу. Насъ поворачиваютъ и мы идемъ, держа ружья «на плечо», по ротѣ, маршируя мимо Государя. Полъ трясется отъ сильнаго удара ногъ. Шагъ широкъ и смѣлъ, повороты въ углу отчетливы и узкая наша колонна не растягивается на ходу. Мы дѣлаемъ на ходу ружейные пріемы. Потомъ рота останавливается и, выравнявшись, беретъ «на караулъ».

Государь проходитъ мимо насъ, направляясь къ выходу. И едва онъ покидаетъ роту, какъ мы безшумно составляемъ винтовки въ пирамиды, музыканты и пѣвчіе задними ходами бѣгутъ въ Малый залъ.

Государя проводятъ туда нарочно медленно, по пути показываютъ ему работы юнкеровъ по черченію и, когда Государь входитъ, наконецъ, въ залъ, большой юнкерскій оркестръ и стоголосый хоръ гремитъ:

— Боже Царя храни!..

Императрицу усаживаютъ въ кресло, Государь слушаетъ программу, стоя. Послѣ Русскаго гимна, пѣвчіе поютъ Датскій гимнъ:

... — Нашъ Христіанъ у мачты былъ
Въ дыму густомъ...
Король мечемъ губилъ, разилъ,
Онъ Готфу шлемъ и лобъ пробилъ...
Строй вражіихъ мачтъ
Въ обломкахъ былъ —
Въ дыму густомъ...

Потомъ оркестръ играетъ отрывки изъ «Жизни за Царя», пѣвчіе поютъ «Бородино» Лермонтова.

Государь уже два часа въ училищѣ. Пятый часъ. Догораетъ короткій зимній день. Государь благодаритъ юнкеровъ и идетъ къ выходу. Нашъ фельдфебель Бурмейстеръ, подаетъ Государынѣ ротонду и провожаетъ на крыльцо.

Весь батальонъ пробѣжалъ къ кухонному ходу и къ воротамъ и въ однихъ бушлатахъ, третья рота, какъ была на гимнастикѣ въ рубашкахъ уже на Спасской ожидаетъ Государя.

— Господа!.. Господа, — укоризненно, но не сердито, говоритъ Государь. — Простудитесь!

Государь усаживаетъ Императрицу въ парныя сани и садится подлѣ. Кучеръ едва сдерживаетъ сѣрыхъ рысаковъ подъ бѣлой сѣткой. Камеръ казакъ въ старинномъ кафтанѣ становится на запятки.

Лошади подхватываютъ по чистому бѣлому снѣгу нашей пустынной Большой Спасской и весь батальонъ бѣжитъ, обгоняя сани съ громовымъ ура! Кучеръ, хмурясь, съ трудомъ сдерживаетъ лошадей, чтобы тѣ не понесли. Юнкера бѣгутъ все скорѣе и скорѣе. Кажется, несись лошади, какъ курьерскій поѣздъ — не обогнать имъ юнкеровъ.

При выѣздѣ на Большой проспектъ, Государь приказываетъ кучеру остановиться. Юнкера толпою окружаютъ сани.

— Ну, довольно, господа!

Громовое ура! гремитъ въ отвѣтъ. Юнкера стоятъ на морозѣ и смотрятъ, какъ уносятся по проспекту царскія сани и исчезаютъ среди извощичьихъ саней у Тучкова моста. А потомъ юнкера идутъ и не чувствуютъ ни холода, ни усталости отъ лихого бѣга и только сладкая истома въ ногахъ, неровное дыханіе, да хрипота отъ радостнаго крика.

Въ училищѣ насъ ожидаетъ легкая «распеканція» Начальника училища за неисполненіе приказанія не провожать Государя — и затѣмъ радостное объявленіе, что Государь Императоръ изволилъ отпустить насъ на три дня въ отпускъ.

Въ ротѣ гудѣли голоса. У фельдфебельской конторки дежурный записывалъ желающихъ идти въ отпускъ. Счастливый, довольный всѣмъ пережитымъ, румяный отъ волненія Иванъ Ѳедоровичъ разсказывалъ, какъ у него сначала захватило горло и онъ

боялся, что не сможетъ командовать и какъ потомъ все отлегло:

— Кажется я хорошо командовалъ... — говорилъ онъ, обращаясь къ Кѣвнарскому. — И какая легкая шубка у Императрицы и какъ пахнетъ какими то совсѣмъ особенными духами, я просто голову потерялъ отъ всего.

И каждый думалъ: «да, — это счастье!.. Это подлинное, незабываемое счастье — эта милая Царская ласка его солдатамъ — юнкерамъ-Павлонамъ»!..

21. Зимній парадъ

Въ царствованіе Государя Императора Александра Ш разводы въ Михайловскомъ манежѣ въ Высочайшемъ присутствіи и весенніе «майскіе» парады на Марсовомъ полѣ были отмѣнены и замѣнены смотрами войскъ Гвардіи и Петербургскаго гарнизона на площади Зимняго дворца — «зимними парадами».

Площадь была невелика и потому смотры эти производились въ двѣ очереди: — сначала 1-ая гвардейская пѣхотная и 1-ая гвардейская кавалерійская дивизіи, 145-й пѣхотный Новочеркасскій полкъ и Александро-Невскій резервный батальонъ, Гвардейскій Флотскій Экипажъ и 8-й Флотскій экипажъ, соотвѣтствующія части артиллеріи, Л.-Гв. Саперный батальонъ и Гальваническая рота — во вторую очередь всѣ остальныя части Петербургскаго, Царско-Сельскаго, Петергофскаго и Гатчинскаго гарнизоновъ. Порядокъ частей иногда мѣнялся.

Военныя училища принимали участіе въ этомъ парадѣ въ первую очередь. Нашъ батальонъ, съ батальонами Константиновскаго, Санктъ-Петербургскаго Окружного училищъ, ротой Николаевскаго Инженернаго училища и гардемаринской ротой Морского корпуса составлялъ полкъ Военныхъ училищъ.

Парадъ этотъ бывалъ обыкновенно въ началѣ марта, что совпадало съ первыми недѣлями Великаго Поста. Ждали, когда немного полегчаютъ морозы и станетъ свѣтлѣе хмурая Петербургская зимняя погода.

Сейчасъ-же послѣ Рождественскихъ каникулъ мы начинали исподволь готовиться къ этому смотру. Раза два въ недѣлю роты выводились на училищный плацъ и здѣсь пріучались маршировать по снѣгу, то колоннами, то повзводно, по полуротно и, наконецъ, развернутымъ фронтомъ ротъ.

Иногда вдругъ послѣ обѣда объявятъ: — надѣвать старыя шинели и выходить на плацъ въ общій батальонный разсчетъ — будетъ «военная прогулка» .

Это былъ — праздникъ. Рыкачевъ на буланомъ жеребцѣ, за нимъ батальонный Щегловитовъ верхомъ съ адъютантомъ и штабъ-горнистомъ, за ними «пески», барабанщики и флейтисты и дальше длинной колонной батальонъ съ музыкой и барабаннымъ боемъ шли на Петровскій островъ, съ него проходили на Крестовскій. Было трудно идти по глубокому снѣгу не разметенныхъ шоссе парковъ, мы скоро согрѣвались, паръ поднимался надъ колонной отъ дыханія, но какъ легко дышалось среди природы тѣнистыхъ, покрытыхъ инеемъ парковъ, среди сосновыхъ лѣсовъ Крестовскаго острова. У замерзшаго залива дѣлали небольшой привалъ, въ ротахъ вызывали пѣсельниковъ и мы шли широкимъ вольнымъ шагомъ мимо пустыхъ дачъ съ заколоченными окнами.

— «Вдоль да по рѣчкѣ,
Вдоль да по Казанкѣ

пѣли въ нашей ротѣ. Пѣсельники второй съ бубномъ, съ присвистомъ, съ безконечными, злободневными варіаціями пѣли свою любимую:

...«Какъ пріѣхали два брата
Изъ деревни въ Петербурхъ.
Одного зовутъ Еремой,
А другого, значитъ, — Ѳомой...

Хоръ подхватывалъ: —

Ой дервень, дервень Калуга,
Дервень Ладога моя...
Тула, Тула, Тула
Тула Родина моя...

Шагъ становится все шире и шире. Батальонъ выходитъ на растоптанную нами дорогу и наша рота развиваетъ такой широкій ходъ, что сзади, въ четвертой, должны бѣжать, чтобы не отставать. Капитанъ Пясецкій кричитъ сзади: — «короче шагъ»!..

— У чор-р-това «малина», — ворчатъ у насъ, но сокращаютъ шагъ.

Мы отбыли репетицію парада, которую производилъ Главнокомандующій Великій Князь Владиміръ Александровичъ и, наконецъ, наступилъ и день самого парада.

Насъ подняли въ шесть часовъ утра. Мы, по совѣту старшаго курса, оборачивали ноги въ газетную бумагу, чтобы не мерзнуть. Все было начищено на совѣсть, каждая пуговица на погонахъ, бляхи поясныхъ ремней, орлы на шапкахъ — все горѣло, какъ чистое золото. Мы помогали другъ другу уложить однообразно башлыки за плечами, скрестивъ ихъ концы на груди. Все было новое, на винтовкахъ натянуты блестящіе, цвѣта сливокъ, кожаные ремни, такіе же были подсумки на поясахъ.

Въ восемъ часовъ мы приняли знамя и съ музыкой и барабаннымъ боемъ пошли на площадь Зимняго дворца.

Было, градусовъ шесть мороза, и было по зимнему тихо и печально на нашей окраинѣ Петербурга.

Въ галлереяхъ Зимняго дворца заботами Государя Императора для пажей, юнкеровъ и гардемаринъ былъ приготовленъ завтракъ. Придворные лакеи обносили насъ горячимъ чаемъ.

Полкъ военныхъ училищъ построился въ колоннѣ тыломъ къ розовому кубическому зданію Штаба Округа. Правѣе насъ, запирая выходъ съ Милліонной улицы, въ алыхъ, парадныхъ черкескахъ, расшитыхъ серебромъ, блистая красивыми шашками, на легкихъ горскихъ лошадяхъ стали эскадроны Собственнаго Его Величества Конвоя. Подъ прямымъ угломъ къ намъ, противъ Зимняго дворца выстраивались въ полковыхъ колоннахъ полки 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Они входили съ музыкой, раздавались отрывистые, командные крики и, намъ въ большую зависть, солдаты по командѣ «стой» срывали винтовки съ плеча въ одинъ пріемъ, что намъ было строго запрещено дѣлать. Всѣ были такіе молодцы: — гиганты Преображенцы, черноусые красавцы Семеновцы, рыжеватые блондины Измайловцы, крѣпкіе загорѣлые, брюнеты Егеря. На всѣхъ сѣрыя, точно — сермяжныя шинели, на всѣхъ башлыки, крестообразно сложенные на груди, у всѣхъ алые погоны и только по петлицамъ различались полки. За пѣхотой, погромыхивая тѣлами орудій, выстраивалась 1-ая гвардейская Артиллерійская бригада и батареи выравнивались — банникъ въ банникъ... Прижавшись къ аркѣ Главнаго штаба съ ея чугунной «квадригой», стала кирасирская дивизія. Въ блѣдномъ свѣтѣ нарождающагося зимняго дня разблистались кирасы и каски съ золотыми и серебряными орлами, въ яркой пестротѣ стояли алыя, черныя, желтыя и синія пики съ пестрыми флачками флюгеровъ.

Много потомъ я повидалъ и самъ принималъ участіе и даже и самъ принималъ парадовъ, но этотъ зимній парадъ производилъ особенное, серьезное и строгое впечатлѣніе. Какъ необыченъ и грозенъ онъ былъ въ скромной одеждѣ формъ Императора Александра III! Сѣверная мощь Русской сермяжной рати блистала на немъ. Крестьянская простота, почти бѣдность сѣрыхъ шинелей и черныхъ круглыхъ барашковыхъ шапокъ, говорили о мудрой экономіи, о скромности, а прекрасная выправка солдатъ, стройность и слаженность движеній и построеній — говорила о громадной внутренней силѣ войска. Кирасы и каски, блистаніе металла, пестрые флюгера разноцвѣтныхъ пикъ напоминали средніе вѣка, времена ратей Александра Невскаго, славныя схватки съ Тевтонами, Танненбергъ и Ледовое побоище — рыцарей нѣмцевъ съ Русскими богатырями.

Площадь гомонила командными крiками, звуками музыки и барабаннымъ боемъ, грохотомъ орудій, ржаніемъ коней. Потомъ затихла, устанавливаясь и замирая.

Стало холоднѣе. Морозъ щипалъ носы и уши; всѣ зарумянились и похорошѣли. Сѣдой иней покрылъ длинныя рыжія бакенбарды Никонова, свѣтлымъ пухомъ снѣжинокъ покрылись мохнатые башлыки и мѣхъ шапокъ, гербы и бляхи потускнѣли подъ морозомъ.

Когда даютъ «вольно», мы, и всѣ кругомъ пляшутъ и хлопаютъ руками, стараясь согрѣться, а потомъ по командѣ «смирно» опять надолго замираютъ въ неподвижности.

Голубое небо раздвигалось надъ нами. Солнце золотыми лучами стало заливать площадь, и тѣни легли отъ зданій штаба. Нестерпимымъ блескомъ горѣли кирасы кавалерійскихъ полковъ и орлы на каскахъ.

Главнокомандующій объѣхалъ, здороваясь съ войсками. За нимъ на вороной лошади ѣхалъ Начальникъ Штаба Округа генералъ лейтенантъ Н. И. Бобриковъ и военный министръ П. С. Ванновскій. Маленькій, въ сѣдой бородкѣ въ очкахъ, Ванновскій мѣшковато сидѣлъ на большой свитской лошади. Проѣзжая мимо нашего батальона онъ пріостановился. Онъ-же, когда то былъ начальникомъ училища, мы были ему родными.

— Не холодно? — негромко спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство, — бодро отвѣтили изъ рядовъ.

Великій Князь обернулся и сказалъ: —

— Да развѣ они признаются когда-нибудь!..

Все тише и напряженнѣе становилось на площади. Убрали по мѣстамъ жалонеровъ и нашъ ротный жалонеръ Савицкій съ алымъ флажкомъ, насквозь промерзшій — онъ съ утра стоялъ «на линіи» — сталъ позади роты рядомъ съ фельдфебелемъ.

Ноги обратились въ ледяшки... Какъ пойдемъ мы такими ногами? Руки совершенно закоченѣли и казалось, что ружье выпадетъ изъ замерзшихъ пальцевъ.

На башнѣ Адмиралтейства стрѣлка часовъ подошла къ одиннадцати.

— Парадъ на пле-е-чо!.. По полкамъ шай на кра-а-улъ!., командуетъ Великій Князь.

Рыкачевъ оборачивается къ намъ и командуетъ: —

— Полкъ!.. Шай на кра-улъ!..

Конвойцы вынули шашки изъ ножонъ и рѣзкіе звуки гвардейскаго похода слились съ рокотомъ барабановъ и армейскимъ походомъ, который заиграли у насъ на флангѣ.

Изъ за выступа высокаго подъѣзда показался Государь Императоръ и рядомъ съ нимъ коляска, запряженная четверкой бѣлыхъ съ розовыми вѣками и ноздрями лошадей, съ верховыми жокеями въ алыхъ короткихъ курточкахъ. Въ коляскѣ сидѣла Государыня Императрица съ Великой Княгиней Маріей Павловной. Великій Князь поскакалъ къ Государю съ рапортомъ.

Государь былъ въ плащѣ (пальто) со сшитыми сзади складками, и такъ-же, какъ и всѣ войска съ башлыкомъ за спиною, въ маленькой круглой барашковой шапкѣ, такъ же просто и неярко одѣтый. Онъ грузно сидѣлъ на рослой караковой лошади на сѣдлѣ съ барашковымъ пѣхотнымъ вальтрапомъ.

Конвойцы отвѣтили на привѣтствіе Государя. Государь поздоровался съ нами.

И только мы отвѣтили, какъ загорѣвшееся, обмороженное ухо перестало горѣть, ногамъ и рукамъ стало тепло. Кровь быстро потекла по жиламъ, мы провожали глазами Государя и неистово кричали ура! и нашъ крикъ сливался съ звуками народнаго гимна, который игралъ нашъ оркестръ.

Отвѣтъ за отвѣтомъ слѣдовали по мѣрѣ того, какъ Государь проѣзжалъ вдоль фронта полковъ. Ура становилось все громче и сильнѣе, звуки гимна, играемаго различными оркестрами, то сливались въ одинъ, то расходились и казалось, что это не люди играютъ гимнъ, но сама площадь поетъ могучими голосами. Когда Государь проѣхалъ къ артиллеріи, мы взяли «на плечо». Затекшія и замерзшія руки еле шевелились.

жалонеры побѣжали провѣшивать линію церемоніальнаго марша вдоль фасада дворца. Конвойцы на застоявшихся и тоже промерзшихъ, играющихъ лошадяхъ выѣхали впередъ и стали передъ нами. Они вынули винтовки изъ бурочныхъ чахловъ и уставили ихъ прикладами въ колѣни.

За конвойцами стали пажи въ каскахъ.

Съ середины площади раздается команда Великаго Князя: —

— Къ церемоніальчому маршу поротно, на двухъ взводныя дистанціи... Равненіе направо... Батальоны на плечо!..

Путь церемоніальнаго марша былъ посыпанъ пескомъ, но теперь прошла конница и песокъ перебился со снѣгомъ. Будетъ скользко и трудно идти.

Алый фронтъ конвойцевъ отдѣлился отъ насъ. Слышно, какъ трубятъ въ четыре трубы «походъ» конвойные трубачи. Ударили барабаны, засвистали флейточки. Рыкачевъ выѣхалъ впередъ, за нимъ Щегловитовъ. Рыкачевъ глазомъ мѣряетъ дистанцію отъ жалонеровъ. Никоновъ, поглядывая на него топочетъ ногами въ тактъ барабанному бою передъ серединой роты. Его лицо строго и серьезно.

— Лѣвой!.. Лѣвой! — подсчитываетъ онъ намъ. Но мы и такъ взяли ногу.

И разомъ, несказанно красиво и плавно музыка впереди заиграла Преображенскій маршъ. Рыкачевъ махнулъ шашкой.

— Первая рота пря-я-мо!..

Мы пошли. Нѣтъ подъ нами ни скользкаго снѣга, нѣтъ ни усталости, ни обмерзшихъ рукъ и ногъ. Невидимая сила несетъ насъ впередъ къ тому пустому пространству, гдѣ справа, куда повернуты наши головы, видна группа всадниковъ и коляска съ бѣлыми лошадьми. Все шире и свободнѣе становится шагъ, тверже нога на снѣгу. Ухо ловитъ удары большого барабана — «лѣвой»!.. «лѣвой»!.. «разъ»!.. «разъ!.. Тѣло подано впередъ, винтовка крѣпко прижата въ плечо, прикладъ подобранъ и мы не идемъ, а несемся подъ музыку. Съ юнымъ задоромъ лихости, молодечества, смотрятъ изъ подъ заиндевѣлыхъ рѣсницъ блестящіе восторгомъ глаза.

Никогда не повторится этотъ моментъ, никогда не будетъ такого шага — ибо юность никогда больше не вернется.

На мгновеніе увидѣли Государя и карьеромъ подъѣзжающаго къ нему съ шашкой «подвысь» Рыкачева, бѣлыхъ лошадей и Государыню въ мѣхахъ и вотъ уже пронеслись мимо въ нашемъ неудержимомъ маршѣ.

Откуда то сзади слышимъ: —

— Спасибо, господа!..

Выждали лѣвую ногу и разомъ такъ что сердце дрогнуло крикнули: —

— Р-рады стараться Ваше Императорское Величество.

Сзади и будто далеко играютъ музыканты. Передъ нами прутья кустовъ и деревьевъ Адмиралтейскаго бульвара, покрытыя серебрянымъ инеемъ, за ними черныя толпы народа.

Какъ сквозь сонъ слышимъ команду батальоннаго командира, отчетливо заходимъ «взводами лѣвыя плечи впередъ» и идемъ къ Невѣ. Музыка отражается эхомъ объ зданія Адмиралтейства и Дворца, двоитъ и троитъ, сбиваетъ съ ноги.

— Тверже ногу! — кричитъ батальонный и командуетъ: —

— Бат-тальонъ ружья воль-но!..

Обмерзшая правая рука съ удовольствіемъ машетъ въ тактъ шага. Мы стремительно приближаемся къ Невѣ. Подъ нашимъ твердымъ шагомъ гнутся и прыгаютъ доски спуска на ледъ. Когда батальонъ вытягивается на переѣздѣ, намъ командуютъ: —

— Бат-тальонъ! Стой!

Тутъ мы не выдерживаемъ и «по-гвардейски» срываемъ ружья къ ногѣ въ одинъ пріемъ. Наше начальство дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ нашей вольности.

— Оправиться!..

По Невѣ дуетъ рѣзкій холодный вѣтеръ, мететъ бѣлой поземкой по широкимъ просторамъ. Солнце ярко освѣщаетъ снѣгъ, слѣпитъ глаза. Съ площади Зимняго Дворца доносятся звуки маршей и дружные отвѣты на «ств-о-о» гвардейской пѣхоты.

«Пески» подходятъ къ намъ. Рыкачевъ

галопомъ скачетъ по снѣгу. Батальонъ безъ команды становится «смирно».

— Отлично прошли, господа!.. Государь отмѣнно былъ доволенъ вами. Лучше всѣхъ! По юнкерски!.. Спасибо, господа!..

Когда мы послѣ долгаго марша черезъ Петербургскую сторону вернулись въ училище и вошли въ роту, дали «отпотѣть» винтовкамъ и протерли ихъ, — фельдфебель объявилъ: — «желающіе въ отпускъ».

Шенкъ и я, конечно, желающіе.

Мы встали въ шесть часовъ утра, сломали маршъ къ Зимнему Дворцу, основательно тамъ промерзли, вернулись обратно и вотъ мы снова идемъ пѣшкомъ тѣмъ-же путемъ на площадь. Тамъ пусто. Проѣзжаютъ рѣдкія извощичьи сани, по разнымъ направленіямъ проходятъ пѣшеходы.

Тихо. Войска ушли. Толпа разошлась.

Намъ холодно ѣхать на «имперьялѣ» конки и мы идемъ дальше пѣшкомъ на Звенигородскую улицу. Мы старательно отдаемъ честь, становимся во фронтъ генераламъ и не чувствуемъ усталости. Передъ нами большая радость свиданія съ родными, готовый разсказъ о нашемъ первомъ Зимнемъ парадѣ.

Это счастье ни съ чѣмъ не сравнимое — быть молодымъ.

Молодость не знаетъ усталости. Молодость не испытываетъ страха. Все доступно молодости, все ей легко!

22. Великій постъ. Наше «довольствіе» въ батальонѣ

Незамѣтно приближалась весна. Дворники сгребали съ крышъ училища снѣгъ и онъ бухалъ тяжелыми пластами на дворъ. Съ подоконниковъ висѣли длинныя ледяныя сосульки. Днемъ на солнечномъ пригрѣвѣ весело журчали по водосточнымъ трубамъ ручьи воды, стекавшей въ подставленныя зеленыя деревянныя кадки.

Мы стали больше заниматься приготовительными къ стрѣльбѣ упражненіями и разъ въ недѣлю ходили на училищное стрѣльбище. Мы сами подъ руководствомъ офицеровъ пристрѣляли свои винтовки со станка на сто шаговъ, а потомъ стрѣляли въ круглыя «офицерскія» мишени на двѣсти шаговъ. Мы «затаивали дыханіе», «мягко обжимали спускъ», «снизу подводили винтовку», «сажали мишень на мушку» — насъ посвящали въ тайны мѣткой стрѣльбы, пріучали къ отдачѣ.

Мы чаще стали заниматься на плацу, гдѣ постепенно сходилъ снѣгъ и уже показались мѣстами коричневыя плѣшины земли, убитой кирпичемъ.

На шестой недѣлѣ Великаго поста батальонъ говѣлъ. Всѣ учебныя и строевыя занятія были прекращены. Роты утромъ ходили на «часы», а вечеромъ къ вечернѣ. Юнкера стояли тѣсными шеренгами въ колоннѣ. Стояли «вольно», но не шевелясь и не кашляя. Мы могли креститься и сгибать ногу.

— «Господи и Владыко живота моего»— раздавалось съ амвона и весь батальонъ съ шорохомъ опускался на колѣни, юнкера клали земной поклонъ и одновременно поднимались.

Въ церкви стояла торжественная, благоговѣйная, молитвенная тишина. Прекрасно пѣло юнкерское тріо «Господи воззвахъ Тебѣ». Юнкера проникались постепенно умиротвореннымъ и тихимъ настроеніемъ. Никто имъ не мѣшалъ. Въ промежуткахъ между церковными службами всѣ занимались подготовкой къ экзаменамъ.

Одно досаждало юнкерамъ — великопостная пища. Еще картофельныя котлеты съ грибнымъ соусомъ, или котлеты рисовыя или рыбныя, юнкерами принимались, но «супъ съ младенцами», какъ называли юнкера супъ изъ мороженыхъ Бѣлозерскихъ снѣтковъ, никто не желалъ ѣсть. Казалось противной мутная, липкая вода, пахнущая рыбой, гдѣ, какъ какія то инфузоріи плавали разваренные снѣтки. Вообще-же на пищу юнкера не могли жаловаться. Наше

довольствіе было поставлено совершенно такъ, какъ въ армейскомъ пѣхотномъ полку. Юнкера получали тѣ-же золотники мяса и крупы и тѣ-же фунты хлѣба и тотъ-же былъ у насъ «приварокъ» выражающійся въ копѣйкахъ съ четвертями. И у насъ, какъ въ полкахъ каждая рота выбирала на полъ года своего артельщика и ежедневно назначался дежурный по кухнѣ портупей юнкеръ, который слѣдилъ за вѣсомъ и доброкачественностью продуктовъ.

Нашимъ ротнымъ артельщикомъ былъ юнкеръ Савицкій — онъ-же былъ и жалонеромъ. Онъ былъ «маіоромъ», былъ близокъ и къ старшему и къ младшему курсамъ. Темно-лицый брюнетъ, въ прошломъ кадетъ Петровскаго Полтавскаго корпуса, малороссъ, любитель поѣсть, онъ съ удовольствіемъ несъ свои обязанности. Съ артельной подводой и служителемъ, по утрамъ, когда мы были въ классахъ, онъ ѣздилъ на рынокъ, забиралъ провизію, выдумывалъ всегда что нибудь, чтобы разнообразить нашъ столъ, а потомъ цѣлый вечеръ щелкалъ на счетахъ, высчитывая нашу экономію, шедшую въ артельныя суммы. Экономія эта образовывалась, главнымъ образомъ, за счетъ отпускныхъ. Училище получало денежное довольствіе на полный штатъ юнкеровъ на круглый годъ — между тѣмъ по средамъ и субботамъ около половины юнкеровъ не ужинало, а по воскресеньямъ и вовсе ничего не получало, а въ недѣли каникулъ въ училищѣ оставалось не болѣе четверти штатнаго состава юнкеровъ. За счетъ этой-то экономіи юнкера, оставаясь формально на солдатскомъ пайкѣ — получали утромъ и вечеромъ великолѣпныя французскія булки, а по воскресеньямъ и праздникамъ большія, посыпанныя крупнымъ сахаромъ «плюшки» и къ завтраку — шоколадъ. За счетъ этой-же экономіи — у насъ бывали не только солдатскіе щи съ гречневой кашей, но и супы съ макаронами, манными клецками или прекрасною лапшою, а на второе блюдо давали рубленыя мясныя котлеты, капустные голубцы или еще что-нибудь въ этомъ родѣ, на третье давали кисели, миндальное «блан-манже», ватрушки съ творогомъ или варенъемъ. Черный хлѣбъ подавался въ лоткахъ и въ такомъ изобиліи, что юнкера никогда его не съѣдали. На столахъ стояли стеклянные графины съ темнымъ хлѣбнымъ, очень вкуснымъ квасомъ, приготовлявшимся въ самомъ училищѣ. Такимъ образомъ жаловаться на довольствіе не приходилось, но вотъ супа «съ младенцами» юнкера опредѣленно не переносили и въ дни, когда его давали постились на совѣсть.

Фельдфебелю полагалось, какъ и въ полкахъ двойная порція всего. Но гдѣ-же было нашему стройному — талія, какъ у дѣвушки, — «помпону» Ивану Ѳедоровичу съѣдать по двѣ огромныхъ булки и брать себѣ всего вдвойнѣ? Онъ и одну то порцію едва одолѣвалъ. И было въ обычаѣ, что фельдфебель отдаваль свою вторую порцію правофлангозымъ роты. Такимъ гигантамъ, какъ Шмеллингъ, Повало-Швейковскій, Дюбоа — одной юнкерской порціи было маловато. Наши молодые аппетиты были такъ велики, что, бывало, юнкеръ съ усердіемъ пообѣдаетъ въ двѣнадцать часовъ дня въ субботу въ ротѣ, а въ шесть часовъ дома въ отпуску садится съ родителями за столъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, ѣстъ и супъ, и жаркое и сладкое и всего помногу.

Говѣли юнкера великимъ постомъ серьезно и усердно, но къ исповѣди готовились не слишкомъ тщательно. Юнкерскіе грѣхи были не Богъ вѣсть, какъ велики. Въ Бога мы вѣрили твердо и непоколебимо, «кумировъ» у насъ не было, а, если у кого и былъ какой кумиръ въ институтской пелеринкѣ, или съ русыми толстыми косами на вышитой малороссійской рубашкѣ — то это за грѣхъ не почиталось, родителей чтили и тосковали по нимъ, не крали, не убивали, ну, а если кто и согрѣшилъ противъ седьмой заповѣди съ феями Петербургскихъ проспектовъ, то зналъ тотъ юнкеръ, что батюшка отецъ Димитрій Рождественскій сокрушенно вздохнетъ въ отвѣтъ на нескромное признаніе и замнетъ деликатный и щекотливый юнкерскій грѣхъ: — «Богъ

проститъ!.. Богъ проститъ», торопливо зашепчетъ онъ.

Въ день причастія утромъ ничего не ѣли и не пили, а послѣ имѣли чай съ горячими плюшками, и желающіе могли идти въ отпускъ.

До настоящей весны было еще далеко, но уже прошелъ на Невѣ основной ледъ, снѣгъ былъ снятъ съ улицъ и весело стучали колесами по булыжнымъ мостовымъ извощичьи дрожки.

Дворцовый мостъ былъ разведенъ, идти нужно было черезъ Александровскій паркъ на Троицкій мостъ, мимо Зоологическаго сада, по аллеямъ и шоссе, мимо голыхъ, но по весеннему набухающихъ соками деревьевъ и кустовъ. Въ Лѣтнемъ саду, на свѣже раскопанныхъ цвѣточныхъ грядкахъ пахло землею. Деревянные мостки были сняты съ аллей. Было легко и радостно на сердцѣ. Пасха приближалась. У Крафта на Малой Садовой были выставлены громадныя шоколадныя яйца и на Караванной въ магазинѣ Уральскихъ камней Верфеля были грудами наложены удивительно красивыя пестрыя, большія и маленькія каменныя яички.

Страстная и Пасха въ училищѣ проходили блѣдно. Большинство юнкеровъ было въ отъѣздѣ, въ отпуску, оставшіеся скучали и томились. Начальство послѣ заутрени христосовалось съ юнкерами и въ полупустой столовой были розговѣны съ куличами, сырными пасхами, бабами, и ветчинными окороками.

23. Экзамены. Выступленіе въ лагерь

Экзамены были очень серьезные. Начинались они въ девять часовъ утра и продолжались до тѣхъ поръ, пока не будутъ спрошены всѣ юнкера отдѣленія. По такимъ предметамъ, какъ фортификація, артиллерія и механика, гдѣ много времени уходило на вычерчиваніе заданнаго на классной доскѣ или на рѣшеніе задачи — послѣдніе юнкера возвращались изъ классной комнаты иногда послѣ вечерней переклички.

Лично для меня экзамены проходили легко. Благодаря помощи брата и моимъ «семинарамъ» — химія и механика были мною основательно проштудированы, военныя же науки мнѣ вообще давались легко. Моей первой серьезной книгой для чтенія — а мнѣ тогда было всего шесть лѣтъ — была «справочная книга для Россійскаго офицера», составленная генералъ-лейтенантомъ Леонтьевымъ и подаренная мнѣ отцомъ. Всѣ военные термины, чертежи ружей (тогда курковыхъ) и орудій, основы тактики и артиллеріи, строи родовъ войскъ, полевая служба были мною еще тогда усвоены и въ училищѣ пришлось только въ дѣтскую память ввести небольшія поправки, потому что съ тѣхъ поръ такъ мало, что измѣнилось въ военномъ дѣлѣ.

Съ экзаменами, наконецъ, пришла къ намъ робкая Петербургская весна. На Невскомъ дѣвочки продавали букетики блѣдныхъ душистыхъ фіалокъ и бѣлыхъ подснѣжниковъ. Въ цвѣточныхъ магазинахъ стояли гіацинты, тюльпаны и громадные кусты азалій. У насъ въ помѣщеніи настежь были раскрыты окна. Въ свободное время мы выходили на плацъ и играли въ лапту или мячъ.

Намъ роздали «трынчики» — маленькіе ремешки, которыми связывается скатанная шинель, старшій курсъ насъ научилъ, какъ скатывать шинель, чтобы она не была ни круглой кишкой, ни лежала слишкомъ плоско, показалъ, какъ заправлять ея концы въ мѣдные котелки, чтобы тѣ на бѣгу не звенѣли, выдали намъ вещевые мѣшки, палаточную принадлежность, лопаты, а портупей юнкерамъ топоры и... портянки, которыя мы теперь должны были обувать вмѣсто носковъ.

Это была цѣлая сложная наука такъ об-

мотать ногу холщевымъ бинтомъ, чтобы сапогъ ее не натиралъ.

Въ первыхъ числахъ мая батальонъ въ бушлатахъ со скатанными шинелями черезъ плечо, съ подсумками, съ вещевыми мѣшками, построился раннимъ утромъ на плацу. Вынесли знамя, отслужили напутственный молебенъ и съ музыкой и барабаннымъ боемъ пошли черезъ весь городъ на Балтійскій вокзалъ. На вокзальномъ дворѣ насъ разсчитали по вагонамъ и погрузили въ составъ вагоновъ третьяго класса.

Черезъ сорокъ минутъ пути мы разгружались на Военной платформѣ Красносельскаго лагеря.

Зимнее ученье кончилось — начиналась наша лагерная служба.

Часть вторая
Красносельскій лагерь

1. Лагерь I-го военнаго Павловскаго училища

Лагерь военныхъ училищъ былъ расположенъ на лѣвомъ флангѣ Авангарднаго лагеря Краснаго Села.

Въ Красномъ Селѣ ежегодно отбывали лагери части двухъ корпусовъ — Гвардейскаго и 1-го Армейскаго. Кромѣ того, по очереди, приходили изъ Финляндіи Финскіе стрѣлковые батальоны. Вся эта масса, около пятидесяти тысячъ человѣкъ, располагалась въ двухъ лагеряхъ. Гвардейская пѣхота и гвардейская пѣшая артиллерія въ Большомъ лагерѣ въ интендантскихъ четырехъ-скатныхъ палаткахъ. Большой лагерь тянулся на три версты вдоль края оврага съ пологимъ скатомъ, отъ Никулинскихъ высотъ на сѣверѣ до деревни Горской на югѣ. На правомъ флангѣ, въ красивыхъ березовыхъ рощахъ стояли полки Преображенскій и Семеновскій. За Семеновскимъ полкомъ линія лагеря перерывалась Царскосельскимъ шоссе. Здѣсь стояла церковь 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Дальше слѣдовали лагери Измайловскаго и Егерскаго полковъ, за ними стояли палатки и деревянныя конюшни батарей 1-й гвардейской Артиллерійской бригады, дальше слѣдовали лагери полковъ 2-й дивизіи — Л. Гв. Московскаго, Л. Гв. Гренадерскаго, Л Гв. Павловскаго и Л. Гв. Финляндскаго и 2-й Гвардейской Артиллерійской бригады — за ними былъ небольшой лагерь очередного финскаго стрѣлковаго батальона, дальше баракъ строевой роты Пажескаго Его Величества корпуса, потомъ шла полевая дорога къ деревнѣ Пелгола на Кирхгофѣ и за нею большія постройки корпусной хлѣбопекарни.

Передъ лагеремъ, примѣрно на полъ версты, было пустое пространство слегка спускающееся въ оврагъ — Малое военное поле. По низу оврага протекала рѣчка Лиговка, разливавшаяся здѣсь въ рядъ озеръ: Большое Фабрикантское, на берегу котораго стояла бумажная фабрика Печаткина, Театральное, за которымъ былъ тѣнистый дворцовый паркъ, деревянный Красносельскій дворецъ и театръ и Большое Дудергофское озеро. Противоположный скатъ оврага былъ крутой. За нимъ находился Авангардный лагерь Краснаго села, передъ которымъ разстилалось на нѣсколько верстъ широкое, незасѣянное, къ серединѣ лѣта совершенно голое, вытоптанное войсками учебное военное поле. Оно примыкало на сѣверѣ къ Бартошинской и Коломенской слободамъ Краснаго Села, на югѣ къ невысокой грядѣ Кавелахтскихъ холмовъ.

Сколько на этомъ полѣ было и трагическихъ и комическихъ приключеній! При Петрѣ Великомъ здѣсь у Дудеровской мызы были не маневренные, но настоящіе бои. Нижегородскіе драгуны атаковали шведовъ. На завоеванной отъ шведовъ землѣ на

склонахъ Дудеровой горы Петромъ Великимъ были насажены дубы и липы и построенъ деревянный дворецъ.

На полѣ отъ несчастныхъ случаевъ были убитые и раненые солдаты. На немъ одни начальники составили себѣ блестящую карьеру, другіе потеряли репутацію строевого начальника. Сколько разъ восторженнымъ ура! привѣтствовали войска своихъ Императоровъ и Императрицъ, сколько иностранныхъ монарховъ проѣзжало по этому полю гостями Русскихъ Государей! Это поле было орошено солдатскимъ потомъ и истоптано копытами многихъ тысячъ коней.

Въ глубинѣ его, верстахъ въ двухъ отъ Авангарднаго лагеря, зеленымъ островомъ стояла березово-ольховая роща, въ которой помѣщалась артиллерійская снаряжательная лабораторія — это былъ единственный на полѣ оріентировочный предметъ. Поле казалось гладкимъ и ровнымъ, какъ столъ, а на немъ были такія складки, гдѣ цѣлые полки совершенно укрывались.

На правомъ флангѣ Авангарднаго лагеря, въ такихъ же березовыхъ рощахъ, какъ и въ главномъ лагерѣ стоялъ въ палаткахъ Л. Гв. Резервный пѣхотный полкъ, за нимъ тянулся рядъ невысокихъ деревянныхъ бараковъ Инженернаго Вѣдомства. Въ нихъ по очереди стояли полки 37-й и 23-й пѣхотныхъ дивизій. Изъ за того, что тутъ не было постояннаго хозяина, бараки эти имѣли нѣсколько запущенный видъ. За бараками полковъ были бараки Санктъ Петербургскаго Окружного пѣхотнаго училища, пренебрежительно называемаго «Сморгонской Академіей»... Тутъ были молодые люди «съ воли» и про нихъ говорили, что ихъ обучали, какъ въ Сморгони мужики обучали медвѣдей. Дальше, въ палаткахъ былъ лагерь батальоновъ Гвардейской стрѣлковой бригады и за нимъ, отдѣленный грунтовой дорогой помѣщался лагерь военныхъ училищъ.

Павловское и Константиновское училища имѣли одинаковые деревянные бараки. Въ первой линіи стояло два барака и за ними два другихъ барака. Бараки были покрашены бѣлой краской и имѣли канты — Павловскаго училища — красные и Константиновскаго — синіе. За лагеремъ Константиновскаго училища была глубокая балка, въ ней били ключи необычайно прозрачной и вкусной «Дудергофской» воды. За балкой, въ коричневыхъ баракахъ помѣщалось Михайловское Артиллерійское училище, имѣвшее впереди на полѣ орудійный паркъ. За нимъ былъ привѣтливый баракъ эскадрона Николаевскаго Кавалерійскаго училища и бокомъ къ нему небольшіе бараки Офицерской кавалерійской Школы.

Кавалерія и полевая пѣшая артиллерія располагались по квартирамъ въ Красномъ селѣ и окружающихъ его деревняхъ.

Широкая дорога, шедшая позади второй линіи бараковъ отдѣляла солдатскій и юнкерскій лагери отъ офицерскихъ бараковъ и хозяйственныхъ построекъ. За этой дорогой въ густой заросли кустовъ сирени, жимолости, желтой акаціи, кротегуса, въ садахъ молодыхъ березъ, кленовъ и сѣверныхъ кудрявыхъ тополей, за высокими заборами стояли маленькіе бревенчатые бараки училищныхъ офицеровъ, баракъ побольше батальоннаго командира и дача Начальника Училища.

Для юнкеровъ это было т а б у. Юнкера тамъ никогда не бывали и даже по дорожкамъ, шедшимъ мимо этихъ садовъ не рекомендовалось ходить безъ особой надобности.

Съ праваго фланга бараковъ по крутому, глинистому, въ дожди грязному и скользкому скату была проложена къ задней линейкѣ юнкерская дорога. Она вела къ столовымъ, уборной, зданію лазарета, пороховому погребу и на берегъ Дудергофскаго озера, гдѣ стояла большая деревянная купальня, а къ мосткамъ, ведущимъ въ нее былъ причаленъ училищный восьмивесельный катеръ, бѣлый съ краснымъ кантомъ по борту.

Столовая — простой навѣсъ, ничѣмъ не забранный съ боковъ, подъ нимъ стояли простые столы и скамейки. Въ вѣтеръ и дождь — вода хлестала по крайнимъ столамъ и юнкера сидѣли, укрываясь отъ во-

ды своими жидкими шинельками. Въ лагерѣ къ столу не полагалось тарелокъ, но на четверыхъ подавались мѣдныя миски, изъ которыхъ и ѣли деревянными ложками.

Въ каждомъ баракѣ помѣщалась рота. Передъ ротами были чисто раздѣланныя, усыпанныя пескомъ и окаймленныя дерномъ «линейки», на ихъ флангахъ стояли деревянные «грибы» для вѣшанія подъ ними шинелей дневальныхъ. Между бараками 1-й и 2-й ротъ былъ деревянный «наметъ» — караульное помѣщеніе; передъ нимъ была платформа, гдѣ стояло въ стойкѣ знамя и подлѣ былъ денежный ящикъ. Караулъ занимался юнкерами. Онъ выставлялъ три поста: — у знамени и денежнаго ящика, у фронта и у порохового погреба. Высшимъ шикомъ считалось, заступивъ на постъ у знамени, всѣ два часа простоять, не шелохнувшись.

Въ баракахъ полы были деревянные, некрашенные, съ обѣихъ сторонъ барака были ряды оконъ, на которыхъ на ночь не вѣшалось занавѣсей. Тѣ-же простыя желѣзныя койки и соломенные матрацы и тѣ же жидкія одѣяла были и въ лагерныхъ бараках. Когда мы, сдавъ знамя, расходились по баракамъ — зимняя сырость еще не ушла изъ нихъ — было холодно и непріютно въ нихъ въ свѣжее майское утро.

2. Полуинструментальная съемка

Первыя пять-шесть недѣль лагеря юнкера проводили на съемкахъ.

Младшій курсъ производилъ полуинструментальную съемку въ масштабѣ 100 саженей въ дюймѣ, старшій дѣлалъ глазомѣрныя съемки въ разныхъ масштабахъ и рѣшалъ простыя тактическія задачи на мѣстности: постановка бивака, сторожевое охраненіе, выборъ позиціи для обороны для батальона и пѣхотнаго полка, наступленіе и атака такой позиціи и т. д.

Младшій курсъ былъ распредѣленъ на группы по двѣнадцати человѣкъ. Въ группы назначали по алфавиту и въ нихъ два рядомъ по списку стоящихъ юнкера дѣлали одну съемку. Я попалъ въ группу, руководимую ротнымъ командиромъ Семеномъ Мизюличемъ Никоновымъ, а товарищемъ моимъ оказался мой однокашникъ по Александровскому корпусу, юнкеръ Кругликовъ. Это было для меня очень пріятно. Выдали намъ тяжелые, неуклюжіе красные деревянные ящики съ алидадой — высотомѣромъ подполковника Максимовича — нашего «помпона», по юнкерскому наименованію — «шарманки», мензулы на треногахъ, компасы, линейки, карандаши, резины, колья, цѣпи, колышки и вѣхи и сопровождаемые солдатами, несшими вѣхи съ вѣниками и пучками соломы, раннимъ утромъ, мы пошли на нашъ участокъ.

Намъ досталось снимать отъ деревни Горской до вершины Дудергофа, до дачи Горна, и отъ Дудергофскаго озера до дороги, шедшей отъ Горской на Пикколово.

Не безъ нѣкоторой торжественности выбралъ косоглазый Семенъ б а з и с ъ, обозначилъ его двумя вѣхами, мы тщательно промѣрили его цѣпью и нанесли на своихъ планшетахъ. Потомъ солдаты по указанію Никонова разнесли и разставили по участку вѣхи, мы ихъ, тщательно вымѣривая углы и размѣряя разстоянія цѣпью, нанесли точками на бумагу, создавая т р і а н г у л я ц і ю. Такъ началась наша съемка.

Работали мы самостоятельно. Вставали мы въ пять часовъ утра и къ семи были на участкѣ. Кругликовъ таскалъ шарманку и колья, я стоялъ надъ мензулой, смотрѣлъ въ прорѣзъ алидады, отмѣчалъ по волоску углы возвышенія, дѣлалъ отсчеты, намѣчалъ горизонтали, наносилъ мѣстные предметы.

Къ двѣнадцати мы возвращались къ обѣду, а послѣ обѣда снова шли на участокъ.

Въ ясные солнечные дни было удовольствіе видѣть, какъ на наклеенномъ на мензулу листѣ толстой Ватманской бумаги по-

степенно оживала и воскресала мѣстность, отражаясь на немъ условными знаками, какъ въ зеркалѣ. Работали мы вольготно, не торопясь. Кругомъ, по полямъ вездѣ были видны такіе-же съемщики, юнкера нашего и другихъ училищъ, пажи, Николаевцы-кавалеристы. Мы работали въ бѣлыхъ рубашкахъ безъ погонъ, подпоясанныхъ алыми крученными «кутасами», въ непогоду въ старыхъ шинеляхъ то въ накидку, то въ рукава. Не слишкомъ нарядный мы имѣли въ нихъ видъ и особенно терялись передъ кавалеристами въ ихъ щегольскихъ сине-сѣрыхъ рейтузахъ съ алымъ кантомъ, въ чистенькихъ, въ обтяжку, короткихъ «собственныхъ» рубашкахъ бѣлоснѣжнаго полотна, съ погонами съ золотымъ галуномъ и въ нарядныхъ алыхъ съ черною широкою полосою кушакахъ.

Увидавъ такого щеголя-юнкера, крикнетъ бѣдный, неладно одѣтый Павлонъ:

— Моншеръ... воткни шпоры въ ...!

Сорветъ мигъ зависти.

— У-уу!... М-м...!

Слѣдовало непечатное слово, прозвище пѣхоты.

— Пѣхота не пыли!

Все это безъ всякой злобы.

Подойдетъ нарочно вихляющей походкой такой «моншеръ» къ пѣхотному юнкеру и особенно вѣжливо и учтиво спроситъ:

— Скаж-ж-жите, пожалуйста, господинъ юнкеръ, не видали вы моей горизонтали?... Я, знаете, такое имѣлъ несчастіе, потерялъ ее гдѣ то въ этихъ мѣстахъ. Предметъ, между прочимъ, казенный...

И оба разсмѣются.

А то подойдутъ юнкера кавалеристы съ планшетами на холщевой тесьмѣ черезъ плечо къ съемщикамъ и скажутъ:

— Вы снимаете этотъ участокъ? Разрѣшите содрать съ васъ.

Юнкеръ любезно отвинтитъ мензулу отъ треноги и дастъ «сдирать» сдѣланную съемку.

Осторожно, озираясь по сторонамъ, по топкимъ полямъ, спѣшитъ, согнувъ ноги, Ярославскій мужикъ-торговецъ съ большимъ лоткомъ, укрученнымъ розовымъ ситцемъ на головѣ — «шакалъ».

— А вотъ — лимонадъ, зельтерска, бутерброды, сыръ, колбаса, шеколадъ, апельсины, не пожелаете-ли чего, господа юнкаря? — распѣвно говоритъ онъ, приподнимая лотокъ надъ головой.

Въ завѣтномъ уголку просторнаго его лотка есть у него припрятанная водочка и коньячокъ... Все это, впрочемъ, преимущественно для пажей и кавалеристовъ. Намъ, Павлонамъ, живущимъ на копѣйки, не по карману лакомиться у «шакаловъ»... Развѣ кто нибудь получилъ изъ дома на поддержку зелененькій билетъ и угощаетъ товарищей Ланинской водой съ коньякомъ и апельсинами. Кутитъ во всю...

Бѣда, когда налетятъ холодные весенніе дожди. Приходилось торопливо накрывать планшетъ кожаной покрышкой и прятаться куда-нибудь подъ дерево или подъ кусты. А когда зарядитъ обложной дождь — мы оставались въ баракахъ, не шли на участокъ и вычерчивали планы.

Пожухла и пожелтѣла отъ солнца и влаги бумага, по краямъ появились желтыя пятна, слѣды дождей и чернымъ чернѣютъ толстые жирные штрихи, изображающіе крутизны Дудергофа у дачи Горна. Какъ карабкались мы туда съ Кругликовымъ, густо накладывая горизонтали. Теперь въ полутемномъ баракѣ, сидя на койкѣ, подъ монотонный шумъ дождя я накладываю частые штрихи, а Кругликовъ смотритъ мнѣ черезъ плечо.

— На двѣнадцать, вытянемъ? — спрашиваетъ онъ.

— Должны вытянуть, — бодро отвѣчаю я. — У Гренделя еще лучше выходитъ.

— У него участокъ легче. Чуть не треть планшета озеромъ занята и такихъ горъ нѣтъ.

3. Скандалъ на старшемъ курсѣ

Наши съемки ознаменовались непріятнымъ происшествіемъ на старшемъ курсѣ. Оно показало намъ, какъ строги и осторожны должны быть даже въ своей частной жизни офицеры и особенно старшіе начальники, да еще такихъ чуткихъ частей, какъ военныя училища.

Весной нашъ начальникъ училища, генералъ-лейтенантъ Рыкачевъ, женился вторымъ бракомъ. Ему было подъ шестьдесятъ, невѣстѣ около двадцати. Насъ это никакъ не касалось. Мы даже не знали-бы этого, если бы не сказалъ про свадьбу отца своимъ пріятелямъ его сынъ, нашъ портупей юнкеръ. Конечно, никто изъ юнкеровъ на свадьбѣ не былъ и мы даже не знали, когда именно состоялась свадьба. Я повторяю, мы были такъ обособлены и далеки отъ своихъ офицеровъ, что не знали, кто изъ нихъ женатъ и кто холостъ.

Лѣтомъ молодая жена Рыкачева поселилась въ баракѣ Начальника Училища. Но опять таки это юнкеровъ не касалось. Тамъ было «табу», юнкера никогда не ходили мимо бараковъ офицеровъ и потому никто и не подозрѣвалъ о присутствіи молодой генеральши въ лагерѣ.

Во время глазомѣрной съемки два юнкера старшаго класса (съ планшетами) оказались въ Орѣховой долинѣ Дудергофа. Долина въ нѣжной зелени садовъ, пропитанная солнечнымъ весеннимъ свѣтомъ, была очаровательна.

По долинѣ, вдоль палисадниковъ, шли двѣ молоденькія, хорошенькія женщины. Нѣчто розовое, свѣтлое, бѣлое, кружевное, прозрачное — однимъ словомъ — прелестное. Развернутые зонтики тихо вращались въ рукахъ. Счастливыя улыбки горѣли на устахъ.

Подмигнули-ли эти дамы молодцамъ юнкерамъ, или, можетъ быть, и сами юнкера, принявъ ихъ за прелестныхъ созданій, которыя лѣтомъ селились на Дудергофѣ, въ Горской и Вилози, сами имъ подмигнули, но юнкера осмѣлѣли и заговорили... Разговоръ былъ кратокъ — дамы бѣжали отъ съемщиковъ.

Ну, кончилось и кончилось — значитъ — ошиблись, не на таковскихъ напали. Съиграли «отбой» и принялись за съемку.

Вечеромъ, когда всѣ юнкера вернулись съ работъ и надо было строиться на ужинъ — взволнованный Иванъ Ѳедоровичъ объявилъ, что юнкерамъ старшаго курса приказано построиться отдѣльно отъ младшаго на передней линейкѣ. Собраны были юнкера всѣхъ четырехъ ротъ, пришли ротные командиры и произвели самую тщательную перекличку. Никто ничего не понималъ и самыя невѣроятныя предположенія строились юнкерами. Но пришелъ батальонный командиръ, полковникъ Щегловитовъ и съ крайнимъ возмущеніемъ сказалъ:

— Сегодня два юнкера старшаго курса во время семокъ въ Орѣховой Долинѣ позволили себѣ пристать къ двумъ приличнымъ дамамъ, гулявшимъ по Дудергофу. Одна изъ нихъ — жена нашего Начальника Училища, другая — ея подруга. Господа — это недопустимое безобразіе, позоръ для Училища, не можетъ быть, чтобы у насъ могли быть такіе шалопаи! Я предлагаю этимъ юнкерамъ немедленно выйдти изъ строя и назвать себя.

Къ нашему общему стыду и огорченію — бѣдный Иванъ Ѳедоровичъ былъ малиново-красный и слезы были у него на глазахъ — никто не вышелъ. Очень всѣ боялись Рыкачева.

— Хорошо-съ — какъ-то зловѣще и вмѣстѣ съ тѣмъ печально сказалъ батальонный, — тогда будутъ приняты иныя мѣры. Фельдфебеля, ведите на ужинъ.

На другой день юнкера старшаго курса не были отправлены на съемки, но снова были собраны на линейкѣ и по провѣркѣ имъ было приказано по одному проходить по запретной дорожкѣ мимо барака Начальника Училища, останавливаться противъ него, постоять полъ минуты, и потомъ уходить. Въ баракѣ за занавѣской сидѣли возмущен-

ная жена Рыкачева и ея подруга. Онѣ сказали, что непремѣнно узнаютъ оскорбившихъ ихъ юнкеровъ.

Удалось ли виновнымъ какъ то ускользнуть отъ этого смотра, или въ массѣ одинаково одѣтыхъ и потому казавшихся «на одно лицо» юнкеровъ — дамы не признали своихъ вчерашнихъ кавалеровъ, или въ послѣднюю минуту хватило у нихъ такта не признать виновныхъ, но юнкера-«ухажеры» найдены и открыты не были. Весь старшій курсъ батальона былъ оставленъ распоряженіемъ начальника училища на мѣсяцъ безъ отпуска.

Юнкера были возмущены этимъ смотромъ. Они прозвали его: — «б... смотръ».

Генералъ Рыкачевъ потерялъ свой ореолъ героя-солдата — остался только суровымъ, строгимъ начальникомъ — но съ людскими слабостями, а герои въ понятіи молодежи — не люди — они выше людей и людскихъ слабостей имѣть имъ не полагается.

4. Стрѣльба, Факторъ Бергеръ

Послѣ съемокъ началось прохожденіе курса стрѣльбы и ротныя ученья.

Училище стрѣляло на примитивно оборудованномъ стрѣльбищѣ у Кавелахтскихъ высотъ. Мишени ставились у края высотъ, по бокамъ были устроены земляныя закрытія для махальныхъ. По сигналу, послѣ каждаго выстрѣла, махальные выбѣгали съ указками, долго шарили по большимъ темнымъ мишенямъ, отыскивая попаданіе и забивали отверстія спеціальными колышками. Все это требовало много времени. Мишени были фигурныя, въ ростъ, поясныя и головныя изображали онѣ Русскаго солдата въ черномъ мундирѣ въ безкозыркѣ съ алымъ околышемъ и краснымъ ружейнымъ ремнемъ. Вслѣдствіе такой показки, съ выбѣганіемъ послѣ каждаго выстрѣла махальныхъ, стрѣльба тянулась томительно долго. Мы начинали ее въ пять часовъ утра. Насъ будили въ четыре часа и, наскоро напившись сбитня, мы шли всею ротою на стрѣльбище. Возвращались повзводно, а иногда и по одиночкѣ и, вернувшись, чистили винтовки и отдыхали до обѣда.

На стрѣльбѣ — священнодѣйствовали. Мѣткая стрѣльба считалась обязательной для пѣхоты. Мы «затаивали дыханіе», мягко обжимали спускъ и послѣ выстрѣла юнкеръ долженъ былъ сказать, какія ошибки были имъ сдѣланы въ прикладкѣ.

Надъ юнкеромъ всегда стоялъ «дрючила» и смущалъ своими подсказками.

— Э — батенька мой, свалили винтовку... Ну, куда вы цѣлите? И винтовка ходитъ у васъ въ рукахъ. Да, подводите же снизу!... Снизу, снизу! — шипѣлъ онъ за плечомъ стрѣляющаго.

Пока стрѣльба была на малыя дистанціи — 200, 400 шаговъ, ротный Никоновъ радовался на меня — все кресты, да кресты, попалъ, да попалъ, но, когда стали стрѣлять на 600, 800, а потомъ на 1200 и 1400 шаговъ, пошли у меня промахи. Я не былъ дальнозорокъ и почти не видѣлъ мишени — туманное пятно было передъ глазами и въ него я наводилъ винтовку. Очки? Но надѣть очки — это погубить репутацію, а по тому, какъ приглядывался ко мнѣ Никоновъ, я уже чувствовалъ, что могу попасть въ портупей юнкера и даже, можетъ быть, во взводные. Надѣть очки — означало бы полный провалъ. Не совсѣмъ мѣткая стрѣльба дѣлу не вредила.

Мы возвращались со стрѣльбы. Я со второгодникомъ «маіоромъ» барономъ Икскюлемъ входилъ въ баракъ съ задняго крыльца, чтобы сразу протереть винтовку. На крыльцѣ стояла довольно странная для училища штатская фигура. Это былъ высокій, очень худощавый человѣкъ, несомнѣнно, еврейскаго происхожденія. Онъ былъ въ помятомъ котелкѣ, и старомъ черномъ, длинномъ сюртукѣ. Передъ нимъ на табу-

ретѣ была большая кордонка. Длинная рыже-черная борода была въ мелкихъ кольчикахъ, сухія темныя, жилистыя руки вылѣзали изъ рукавовъ съ неопрятными рукавчиками. Человѣкъ этотъ печальными глазами посмотрѣлъ на насъ и приподнялъ надъ головою котелокъ.

— Бергеръ, — быстро, насмѣшливо, сказалъ баронъ Икскюль, — похабныя карточки есть?

Бергеръ состроилъ оскорбленное лицо и обиженнымъ голосомъ сказалъ:

— Ну, что вы, господинъ Икскюль, позволяете себѣ говорить? Ну, развѣ я себѣ когда нибудь что нибудь подобное позволю? Вы же сами понимаете, чѣмъ рискуетъ бѣдный, честный еврей при такой торговлѣ?

Это былъ училищный факторъ. Нужно-ли было юнкеру починить часы, пріобрѣсти себѣ заблаговременно предметы офицерскаго обмундированія, эполеты, погоны, портупею, шарфъ — Бергеръ былъ посредникомъ между юнкерами и Апраксинымъ рынкомъ и магазинами Скосырева, Волкова и Фокина. У Бергера можно было подъ маленькій процентъ перехватить до производства десятку другую рублей. Когда то въ отдаленномъ прошломъ у Бергера была исторія. Онъ и точно принесъ въ училище неприличныя карточки и книги слишкомъ веселаго содержанія. Съ ними онъ попался, имѣлъ крупныя непріятности и съ трудомъ выкрутился. По профессіи онъ былъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ. Съ той поры кое кто изъ юнкеровъ старался напомнить ему эти тяжелые дни и подразнить его:

— Бергеръ?... Есть похабныя карточки?

5. Ротныя ученья

Послѣ обѣда мы имѣли двухъ-часовой отдыхъ и могли спать. Въ четыре часа мы строились на ротное ученье. Ротныя ученья были строевыя и тактическія съ обозначеннымъ противникомъ — «петрушкой».

На строевыхъ ученьяхъ были тѣ же что и зимой — ружейные пріемы, тщательно отбиваемая «нога», «печатаніе съ носка» такъ, чтобы военное поле гудѣло отъ топота сотни паръ ногъ.

На тактическія ученья — «петрушки» — юнкера съ шестами, на которыхъ были прикрѣплены квадраты, зашитые кусками полотна — бѣлыми — пѣхотныя цѣпи, алые — орудія — желтые — кавалерія — уходили версты на три отъ бараковъ — къ Лабораторной роще, къ деревнѣ Арапаккози, или за Кавелахтскій хребетъ къ деревнямъ Гаргина и Раскино. Рота получала задачу, иногда выдавали и холостые патроны — патроновъ по шести на человѣка и начиналось наступленіе. Высылались дозоры, устанавливалась связь, полурота разсыпалась цѣпью, другая оставалась въ подержкѣ. Шли сначала шагомъ, потомъ перебѣжками, раздавались свистки и команды:

— Появились пѣхотныя поддержки!

Взводные заливались свистками и командовали «огонь чаще»...и

— Поддержки скрылись...

— Огонь рѣдкій.

Вдругъ появлялась противъ насъ кавалерія и мы смыкались въ карре и обстрѣливали залпами показавшуюся желтую указку. Постепенно мы сближались съ «противникомъ» и, наконецъ, атаковали съ бѣшеннымъ крикомъ «ура».

Государева рота атаковала Арапаккози, сзади и справа слышенъ дикій ревъ «ура» — это «извощики» атакуютъ Лабораторную рощу, слѣва далеко, у Кавелахтъ и, точно, дѣвчонки визгливо кричатъ атакующія третья и четвертая роты — то «дѣвочки» и «малина» пошли въ атаку на Кавелахты.

Горнистъ играетъ:

— «Данъ сигналъ для гренадеръ!» И «сборъ».

Государева рота сбѣгается къ своему жалонерному флачку.

— Вольно! Оправиться!

Послѣ перебѣжекъ и атаки — жарко. Припотѣли загорѣвшіе лбы. Юнкера лежатъ на чахлой травѣ среди мелкихъ кустовъ можжевельника и голубики. Лѣтнее солнце только только начинаетъ склоняться къ западу, къ Высоцкому. Длиннѣе становятся тѣни отъ сѣрыхъ, бѣдныхъ чухонскихъ избушекъ. Кое кто разстарался молокомъ и пьетъ его изъ жестяныхъ прохладныхъ кружекъ. Тихо. Дремотно... Лѣнь говорить. За долгій, долгій день устало тѣло. Отъ скатки горитъ плечо. Безкозырки сползли на затылокъ и обнажили бѣлыя полосы незагорѣвшаго верха головы. Въ сторонѣ отъ юнкеровъ сидятъ ротный и наши взводные Третесскій и Герцыкъ. Они тоже устали и молчатъ. Никоновъ смотритъ на часы. Пора по домамъ.

— Рота встать! Въ ружье! Пѣсельники передъ роту!

Рота идетъ по пыльному полю. Впереди пѣсельники хорошо, по нотному поютъ:

— Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать —
То-ли дѣло подъ шатрами
Въ полѣ лагеремъ стоять...

Сколько сколько лѣтъ раздается и звучитъ надъ этимъ полемъ эта самая пѣсня. Когда и какъ зародилась она, кто ее пѣвалъ до насъ?

— Тамъ бѣлъ-городъ полотняный
Моремъ улицы шумятъ,
Позолотою румяной
Мѣдны маковки горятъ...

Съ возвышенности у Царскаго валика вдругъ открывается широкій видъ на Главный лагерь, на безконечные ряды бѣлыхъ палатокъ. Подлинно тамъ стоитъ бѣлъ-городъ полотняный. Искорками горятъ на солнцѣ мѣдныя шишечки палаточныхъ верховъ.

— Тамъ — едва заря настанетъ —
Строй пѣхотный закипитъ,
Барабаномъ къ небу грянетъ
И штыками заблеститъ...

Блестятъ, звѣздочками играютъ штыки ружей пѣсельниковъ. «Лѣвой... лѣвой» все крѣпче и крѣпче бьетъ нога, шире, размашистѣе шагъ.

Герцыкъ звонко сбоку кричитъ:

— Подтяните прикладъ. Деконскій! какъ вы ружье несете. Россомаха какая то, а не юнкеръ!

Мы и «вольно» идемъ въ полномъ порядкѣ.

«Лѣвой! лѣвой! лѣвой!», — отдается въ мозгу. Бездумна голова, тѣло безъ желаній Строй, пѣсня поглотила его.

Государева рота возвращается съ ученья

Недалеко отъ оврага, гдѣ кегельбанъ, Никоновъ командуетъ:

— По баракамъ — ура!

Вся рота стремительно скатывается въ крутой оврагъ, перебѣгаетъ его и выносится единымъ махомъ изъ него и скрывается въ бѣломъ баракѣ.

6. Глазомѣрное опредѣленіе разстояній. Саперныя работы

Однимъ изъ скучнѣйшихъ и по нашимъ понятіямъ нелѣпѣйшихъ занятій было опредѣленіе разстояній до предметовъ по глазомѣру. Тогда еще не было приборовъ, «линеекъ» и прочаго для облегченія опредѣленія разстояній. но на все требовался навыкъ. Часть юнкеровъ, одѣтая въ самое разнообразное обмундированіе, кто въ рубашкѣ, кто въ шинели, кто въ мундирѣ разводилась версты на двѣ отъ училища и становилась группами по два, по три человѣка въ разныхъ разстояніяхъ, остальныхъ юнкеровъ заставляли приглядываться къ этимъ группамъ и опредѣлить въ шагахъ, сколько до какой группы. Показанія записывались и потомъ сами мы провѣряли себя, измѣряя шагами разстоянія до группъ.

Разъ въ недѣлю, въ утренніе часы, являлись въ училище саперные унтеръ-офицеры, на подводахъ привозили колья, хворостъ, жерди, и мы въ училищномъ оврагѣ, сначала лежа окапывались малыми нашими «Линемановскими» лопатами, потомъ ставили изъ жердей «профили», вырывали рвы, насыпали

бруствера, утрамбовывали бермы и банкеты. Другіе въ это время плели плетни для одежды крутостей, устраивали туры, третьи рыли волчьи ямы, вбивали въ нихъ колья, дѣлали «засѣки». Работа кипѣла. Съ непривычки къ лопатѣ юнкера натирали пузыри на ладоняхъ, пачкались въ землѣ, но были очень горды, когда вдругъ въ оврагѣ вырисовывался какой нибудь люнетъ, или даже небольшой редутъ, совсѣмъ такой, какой мы чертили зимой въ тетрадяхъ.

Это было творчество и оно насъ увлекало.

По мѣрѣ того, какъ кончался курсъ стрѣльбы — все болѣе становилось у насъ свободнаго времени. Развлеченій было мало. У оврага стоялъ старый кегельбанъ, но онъ былъ одинъ, а юнкеровъ четыреста и потому имъ пользовались немногіе. Былъ еще катеръ, но на катерѣ было разрѣшено кататься только съ офицеромъ и это отнимало главную прелесть катанья — чувство свободы отъ надзора. Намъ завидно было смотрѣть, что у юнкеровъ Михайловскаго Артиллерійскаго и Николаевскаго кавалерійскаго училищъ по озеру ходили цѣлыя флотиліи гичекъ, двоекъ, байдарокъ и даже маленькихъ парусныхъ «финокъ» съ выдвижнымъ килемъ, а мы греби, какъ каторжные, тяжелыми распашными веслами на неуклюжемъ катерѣ. Правда, когда садились въ него такіе любители, какъ Грендаль, Лихачевъ и я, да еще пятеро такихъ же привычныхъ гребцовъ — то уже — мое почтеніе-съ! — гнулись четырехъ аршинныя весла, пѣна шипѣла подъ бѣлымъ килемъ... Берегись, артиллерія! Павлоны плывутъ!... Алый училищный кормовой флагъ гордо рѣялъ, и широкой улыбкой улыбался русый штабсъ-капитанъ Де Лонгъ — тоже любитель.

У кого водились деньжонки — сидѣли въ свободное время внизу, въ зарослп цвѣтущаго жасмина за столиками юнкерской чайной. Большинство же усаживалось по краю оврага и часами смотрѣло на военное поле, гдѣ, какъ стекла калейдоскопа, непрерывно мѣняясь, пестрѣя то густыми колоннами, то рѣдкими строями, появлялись и исчезали войска. Тамъ гремѣла музыка, раздавались пѣсни и мѣрно, непрерывно, за Лабораторной рощей, на Артиллерійскомъ полигонѣ бухали пушки.

Юнкера часами сидѣли по краю оврага, слушали и смотрѣли и было что посмотрѣть.

7. Военное поле днемъ

Я любилъ дневалить на передней линейкѣ.

Заступишь въ двѣнадцать часовъ, послѣ смѣны, въ рубашкѣ, подтянутой ремнемъ съ лопатой, въ безкозыркѣ, повѣсишь шинель подъ грибъ, станешь на флангѣ линейки и смотришь на военное поле.

Сейчасъ оно пусто. Лагерь обѣдаетъ. Слышно, какъ отъ сосѣдей стрѣлковъ, съ задней линейки доносится грубое, въ унисонъ, солдатское пѣніе:

— Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ...

Имъ вторитъ нотное пѣніе юнкерскаго батальона:

— И Ты даеши намъ пищу во благовременіи...

Снова перебиваетъ мужской, немного угрюмый хоръ стрѣлковъ:

— Отверзаеши Ты щедрую руку свою и исполняеши всякое животное благоволеніе.

Загудѣли сзади, снизу солдатскіе голоса — а на военномъ полѣ — тихо.

Звонкій іюльскій вѣтеръ завѣваетъ пыльные смерчи по вытоптанной землѣ. Отъ Лабораторной рощи отдѣлился какой то предметъ, точно тамъ по полю ползетъ большая букашка. Постепенно становится видно, что это зарядный ящикъ, опредѣлились два уноса, ѣздовые на нихъ, впереди фейерверкеръ гарцуетъ на гнѣдомъ конѣ. Легкая пыль вьется отъ него. Ее относитъ въ сторону. Ящикъ свернулъ къ Красному селу и исчезъ въ балкѣ

По сѣрому Гатчинскому шоссе, спускаясь съ Кавелахтскихъ высотъ, у самой «батареи», несется тройка. Въ коляскѣ сидятъ офицеры въ бѣлыхъ фуражкахъ — кирасиры спѣшатъ на ученье. Тройка проносится совсѣмъ недалеко отъ нашей линейки. Легкая сѣрая пыль курится за нею. Уже и тройки не видно, она скрылась въ садахъ Краснаго Села, а пыль все стоитъ длинной полосой надъ шоссе.

Лѣвѣе меня, подъ грибомъ, сладко зѣваетъ дневальный второй роты, дальше стоятъ дневальные Константиновскаго Училища, еще дальше за оврагомъ виденъ орудійный паркъ Михайловскаго училища и вдоль него тихо шагаетъ часовой юнкеръ съ обнаженной шашкой. Передъ лагеремъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, какъ скелетъ какого то допотопнаго животнаго высится продолговатое, яйцевидное хитрое сплетеніе тонкихъ деревянныхъ балочекъ, металлическихъ скрѣпленій — это строится и никакъ не можетъ достроиться — денегъ нѣтъ — воздушный корабль инженера Костевича — прообразъ грядущихъ нѣмецкихъ «Цеппелиновъ».

Второй часъ дня. Изъ за Гаргина вьется легкая прозрачная пыль; показались всадники и длинными колоннами «по три», синѣя сосновыми крашенными пиками, блистая ихъ копьями, на военное поле эскадронъ за эскадрономъ выходитъ Л. Гв. Атаманскій полкъ — м о й п о л к ъ.

Еще годъ!.. Тогда годъ — цѣлая вѣчность, гдѣ столько личныхъ происшествій и переживаній! Теперь, на склонѣ жизни, въ стремительномъ бѣгѣ къ неизбѣжной могилѣ — въ изгнаніи, годы несутся, какъ миги — міровыя событія чередуются съ необычайною быстротою, не успѣешь слѣдить за ними — а личная жизнь застыла и уже не сулитъ ничего новаго. Тогда, напротивъ — Россійская жизнь застыла въ величавомъ спокойствіи мира, почила на лаврахъ побѣдной славной войны — личная жизнь была полна волнующихъ перемѣнъ и мучительно сладко было ихъ ожиданіе.

«Мой полкъ» вытянулся длинной кишкой, построилъ взводную колонну, прошелъ вдоль шоссе и у 2-й версты заѣхалъ и сталъ тыломъ къ лагерю четырьмя линейками развернутыхъ эскадроновъ. На правомъ флангѣ стали на сѣрыхъ коняхъ трубачи и заблистали на солнцѣ золотыя трубы. Голубыя фуражки, темносиніе мундиры, съ бѣлыми ремнями амуниціи — слились въ однообразно красивую линію. Вѣтромъ донесло веселые звуки бодраго марша и видно, какъ скачетъ къ полку командиръ на соловомъ жеребцѣ. Вихремъ разлетѣлись по мѣстамъ трубачи, зазвучали, запѣли трубы сигналы, имъ завторили команды командировъ — началось полковое ученье.

Далеко къ лабораторіи ушелъ полкъ, зашелъ плечомъ и было видно, какъ слались по землѣ на карьерѣ лошади заходящаго эскадрона, когда ось заѣзда стояла неподвижно. Полкъ скрылся въ складкѣ поля и совсѣмъ неожиданно показался у Краснаго Села. Тамъ онъ повернулъ кругомъ и вдругъ разсыпался жидкою «лавой». Поскакали по всему полю казаки, снимая на скаку винтовки. «Тахъ... тахъ» постукивали выстрѣлы, протяжный гикъ несся по полю. Бѣлые дымки выстрѣловъ таяли въ воздухѣ. Лава захватила нашъ оврагъ. Голубыя фуражки скатывались клубками въ оврагъ, проносились мимо нашихъ редутовъ и люнетовъ и вылетали, минуя кегельбанъ, на нашу площадку передъ бараками. Въ двухъ шагахъ отъ меня проскакалъ красавецъ, черноусый казакъ на буромъ, сытомъ конѣ. Голубой вальтрапъ развѣвался на скаку, колыхалась заброшенная за плечо пика, казакъ скинулъ винтовку съ плеча, приложился назадъ въ воображаемаго противника и выстрѣлилъ на скаку.

Какая это была — красота, какая удаль и молодечество!

«Неужели — еще годъ — и я буду въ этомъ полку и это будутъ мои люди — мои казаки»?

Годъ!.. Цѣлый годъ ожиданія... Вѣчность!

Гдѣ то далеко, въ двѣ трубы протрубили «сборъ» и полкъ собрался въ тѣсную резервную колонну и спѣшился...

Вправо, у Краснаго Села изъ длинной взводной колонны, алѣя шапками и пиками, развернулись четыре эскадрона Лейбъ-Гвардіи Казачьяго Его Величества полка, тамъ

величественно и гордо затрубили трубачи «походъ», сверкнули выхваченныя изъ ноженъ шашки, пики склонились долу, все шире и машистѣе становится рысь и вотъ сорвались, понеслись карьеромъ... Кто устоитъ передъ этимъ мощнымъ скокомъ коней, передъ молчащимъ грознымъ строемъ?!.

Воспоминанія уроковъ тактики и военной исторіи, страницы прочтенныхъ описаній сраженій встаютъ въ памяти. Вотъ онъ — какой былъ нашъ казачій Лейпцигъ!.. Вотъ она масса, помноженная на квардатъ скорости — с и л а!.

Сильно, сильно бьется сердце.

Свалилъ полуденный зной. Время — къ четыремъ часамъ. Наши роты строятся на ученье. Меня подмѣнилъ очередной дневальный, но я не ушелъ съ линейки. Я сижу на скамеечкѣ на лицевомъ крыльцѣ барака и смотрю на военное поле, кипящее войсками. Дежурный по ротѣ портупей юнкеръ Абхази далъ мнѣ бинокль и я вижу въ него, какъ изъ Краснаго Села на военное поле выходятъ кирасирскіе полки въ бѣлыхъ фуражкахъ. На гнѣдыхъ лошадяхъ — Кавалергарды, на вороныхъ — Конная Гвардія, на караковыхъ Кирасиры Его Величества и на рыжихъ Кирасиры Ея Величества. Тамъ сверкаютъ трубы, скачутъ на сѣрыхъ коняхъ трубачи за своими полковыми и эскадронными командирами и полки то сожмутся въ тѣсную колонну, то станутъ строгими линіями эскадроновъ. Шагъ, рысь, немного тихаго галопа и опять шагъ... шагъ... шагъ...

Кавалерія доживала свой вѣкъ. Ждала встряски.

Мимо училища, спускаясь къ озеру, направляясь къ Кавелахтамъ, въ свои стоянки въ Мурьела, Варикселева и Пикколова тянутся эскадроны Лейбъ-казаковъ.

Впереди, широкимъ строемъ на жмущихся другъ къ другу лошадяхъ ѣдутъ пѣсельники. Бунчукъ, увѣшанный мохрами и лентами, звенитъ колокольцами и бубенцами, гудитъ бубенъ и звонокъ голосъ запѣвалы. Тонкой флейтой вторитъ ему подголосокъ:

— Ахъ ты садъ-ли мой садъ,
Садъ — зеленый виноградъ...

Заглушая пѣніе, гремитъ навстрѣчу пѣхотный оркестръ. Гулко бьетъ турецкій барабанъ, бодро поютъ трубы и волторны — Лейбъ-Гвардіи Финляндскій полкъ, рота за ротой, всѣми шестнадцатью ротами вытягивается въ отдѣленной колоннѣ на поле.

Какъ подобраны круто у нихъ винтовки!.. Такъ-ли носимъ ихъ мы?

Загорѣлые, черноусые молодцы широкимъ машистымъ шагомъ идутъ мимо нашей линейки. Темныя фуражки съ чернымъ околышемъ лихо сдвинуты на бекрень, рѣютъ зеленые флачки жалонеровъ, за каждой ротой идутъ фельдфебеля съ рукавами, расшитыми золотыми и серебряными шевронами. На груди георгіевскіе кресты за Горный Дубнякъ, за Плевну, за переходъ черезъ Балканы — они знаютъ то, чего мы еще не знаемъ. И за каждой ротой съ дѣловымъ видомъ идетъ собака. Эти солдатскіе «Шарики», «Барбосы», «Кабыздохи» удивляли всѣхъ своею вѣрностью ротѣ и исполнительностью выхода на ученья.

Пахнетъ дегтярной смазкой сапогъ, пахнетъ кожей, махоркой, хотя никто и не куритъ, крѣпко пахнетъ солдатомъ. Не знаю — «военная-ли косточка» во мнѣ, какъ однажды сказалъ про меня преподаватель естественной исторіи въ корпусѣ, статскій совѣтникъ Кирпотенко, но мнѣ этотъ крѣпкій солдатскій духъ не противенъ, но пріятенъ.

Полкъ идетъ такъ легко, будто невидимая сила несетъ эти двѣ тысячи человѣкъ на опустѣвшее военное поле.

Полкъ прошелъ оврагъ, построилъ резервный порядокъ — передніе батальоны стали поротно въ двѣ линіи и широко раскинулись цѣпи...

Подъ вечеръ я снова подъ грибомъ на передней линейкѣ. Потянуло вечерней прохладой. Финляндцы проходятъ обратно съ пѣснями и звучитъ, звучитъ въ ушахъ то: —

— Гремитъ слава трубой
Мы дрались турокъ, съ тобой,
По горамъ твоимъ Балканскимъ
Раздалась слава про насъ...

Эту пѣсню смѣняетъ такая же о Турецкой войнѣ:

— Балканскія вершины
Увижу-ль я васъ вновь,
Софійскія долины —
Кладбище удальцовъ...

Въ третьемъ батальонѣ пѣли свою Финляндскую:

— Мы помнимъ дядю Коренного —
Онъ въ нашей памяти живетъ...

А четвертый пѣлъ полковую пѣсню:

— Финляндцы, вы стяжали славу
Повсюду, гдѣ ходили въ бой...
Въ сраженьяхъ видѣли забаву,
Тамъ — каждый былъ изъ васъ герой...

И пока не улеглась поднятая полкомъ пыль, все слышалъ я торжественный напѣвъ и величавыя слова полковой пѣсни.

Уже кричатъ по линейкамъ дневальные отъ дежурнаго по Авангардному лагерю:

— Деж-журнымъ, дневальнымъ, кар-раульнымъ одѣть шинели въ рукавы-ы-ы...

И я кричу, надрываюсь отъ крика, хотя вотъ онъ шагахъ въ ста стоитъ, мой сосѣдъ, дневальный второй роты.

На караульной площадкѣ горнистъ играетъ повѣстку къ зарѣ. Съ шумнымъ говоромъ выстраиваются на линейкѣ наша и вторая роты. Юнкера въ шинеляхъ безъ ремней.

Иванъ Федоровичъ выходитъ съ длиннымъ бѣлымъ свиткомъ «переклички». Взводные стоятъ противъ своихъ взводовъ.

— Рота равняйсь!.. Рота смир-рно!

Въ вечерней тишинѣ отчетливо слышно, какъ вызываетъ по фамиліямъ фельдфебель и какъ ему отвѣчаютъ юнкера.

— Икскюль.

— Я, — мрачнымъ басомъ отвѣчаетъ «маіоръ» баронъ Икскюль.

— Козьминъ.

— Я-ппъ.

— Красновъ.

— Дневалитъ на передней линейкѣ, — отвѣчаетъ за меня старшій портупей юнкеръ Кѣвнарскій.

— Кругликовъ.

— Я.

Запѣли пѣвучую, красивую кавалерійскую зорю трубачи въ артиллеріи и кавалеріи и, перебивая ее, затрубилъ горнистъ трескучую пѣхотную зорю: — «та-та — таратата... та-ти... та-та... та-та-ра-та-та...».

— На молитву! Шапки долой!

День конченъ. Свѣжая сѣверная ночь спускается надъ Красносельскимъ лагеремъ.

8. Военное поле ночью

Еще долго горитъ алымъ полымемъ румяная заря за Лабораторной рощей. Вытягивается въ узкую полосу, становится краснѣе и погасаетъ, задвигаемая лиловыми длинными тучами.

Становится совсѣмъ темно. Въ баракахъ затихли, уснули юнкера. Неподвижно стоитъ часовой у знамени — не шелохнется. Гдѣ то далеко ѣдетъ возъ и долго слышно, какъ скрипятъ плохо смазанныя колеса и вѣетъ оттуда запахомъ свѣжаго душистаго сѣна.

Сильно вызвѣздило. Широкимъ котломъ раскинулись семь звѣздъ Большой Медвѣдицы и надъ самымъ Краснымъ Селомъ ярко блеститъ наша родная Полярная звѣзда. Алмазами играютъ, пучкомъ собравшіяся веселыя звѣздочки Плеядъ... Глазъ ищетъ Марса и Венеру. Венера уже ушла за горизонтъ. Марсъ горитъ алымъ пламенемъ.

На военномъ полѣ ночная тишина. Низкій туманъ ползетъ изъ оврага. Бѣлесыми волнами онъ постепенно заливаетъ военное поле. Вправо чуть мигаютъ рѣдкіе желтые огни фонарей у полковыхъ гауптвахтъ. Впереди сумракъ и сѣрыя волны тумана.

Въ эти ночные часы призраки двухъ-вѣковой солдатской службы наполняютъ военное поле. Нижегородскіе драгуны Петра Великаго встаютъ изъ забытыхъ, осыпавшихся, безкрестныхъ могилъ и галопомъ скачутъ по военному полю.

Рейтары и карабинеры Елизаветы, Екатерининскіе кирасиры «Наслѣдника Павла» съ

Панинымъ во главѣ, гусары Александра I, несутся бѣлыми видѣніями по полю. И мѣрно шагаетъ съ Семеновскою ротою маленькій Суворовъ...

Ходятъ волны тумана. Рѣютъ въ нихъ призрачныя знамена съ Императорскими орлами. Ночною таинственною жизнью призраковъ живетъ военное поле...

Меня подмѣнили и, отдохнувъ въ баракѣ, я снова заступилъ на линейку.

Все поле было въ бѣломъ туманѣ. Оно было точно уснувшее подъ утро спокойное море. Еще было темно, но ночь уже прошла. Въ темнотѣ стучали колеса, тяжелыя подводы ѣхали въ туманъ — артиллерія везла на полигонъ мишени. За подводами шли солдаты. Они хриплыми — «утренними» голосами говорили о чемъ то. Попыхивали въ туманѣ папиросы крученки.

Потомъ еще въ темнотѣ, долго двигалась, погромыхивая металлическимъ стукомъ, батарея и, когда стало свѣтать, гулко и громко, будя день, ударила пушка на полигонѣ.

И пошла, перекатываясь эхомъ, отражаясь о скаты Дудергофа, артиллерійская учебная стрѣльба.

Горнистъ на гауптвахтѣ игралъ повѣстку.

Иванъ Ѳедоровичъ въ высокихъ сапогахъ и штанахъ, въ нижней рубашкѣ, вышелъ на крыльцо и сладко щурился.

Все больше и слышнѣе становились голоса въ баракѣ. Въ кавалерійскомъ училищѣ красиво играла труба утреннюю зорю. Ей отвѣчали изъ конюшенъ лошади дружнымъ ржаніемъ.

Отъ барака потянулась длинная, еще не яркая тѣнь. Солнце взошло.

Лагерный день наступилъ.

9. Разборка ваканцій

21-го мая, въ день святыхъ Константина и Елены, училище праздновало свой батальонный праздникъ. Утромъ на училищномъ плацу, впереди бараковъ былъ отслуженъ молебенъ, потомъ былъ церковный парадъ. Батальонъ проходилъ мимо генерала Рыкачева и пріѣхавшихъ гостей, бывшихъ юнкеровъ училища, церемоніальнымъ маршемъ по полуротно. Послѣ парада и возглашенія здравицъ, мы спустились въ разубранную зелеными гирляндами и флагами столовую, гдѣ былъ улучшенный обѣдъ — супъ съ мясомъ и пирогами съ рисомъ, телячьи отбивныя котлеты и мороженое. Послѣ обѣда всѣ были уволены въ отпускъ до 11-ти часовъ вечера. Съ юнкеровъ старшаго курса было снято наказаніе.

Около этого времени пришли въ училище изъ Главнаго Штаба столь давно жданныя и страстно желанныя «ваканціи». Это былъ длинный списокъ полковъ, куда могли поступить въ этомъ году офицерами юнкера 1-го военнаго Павловскаго Училища. Списокъ этотъ спѣшно и потому довольно грязно отлитографировали въ училищной канцеляріи и роздали выпускнымъ юнкерамъ.

Началось гаданіе, куда выходить, гдѣ служить, съ кѣмъ дальше и гдѣ жить? Для нѣкоторыхъ юнкеровъ мѣсто служенія было заранѣе предрѣшено. Россійская армія была тогда невелика — она немногимъ превышала полъ-милліона штыковъ и сабель. Она еще была крѣпко спаяна своими кастовыми традиціями. Въ ней были полки, гдѣ изъ вѣка въ вѣкъ служили однѣ и тѣ-же фамиліи. И потому разрѣшалось еще до разборки ваканцій подавать прошенія о совмѣстномъ служеніи съ отцомъ или братомъ и отвѣтомъ на такое прошеніе бывала присылка «именной» ваканціи. Кавказцы подбирались къ Кавказцамъ, Туркестанцы къ Туркестанцамъ и Сибиряки къ Сибирякамъ. Задолго до полученія списка ваканцій, юнкера по товарищески полюбовно сговаривались между собою, чтобы не перебивать другъ у друга ваканцій. Лотереей разборка ваканцій была лишь для тѣхъ, кто не имѣлъ глубокихъ корней въ армейской средѣ или почему нибудь не хотѣлъ ими воспользо-

ваться. Каждый зналъ свое мѣсто въ спискѣ, — «ранжиръ» по балламъ юнкеровъ былъ извѣстенъ и можно было приблизительно угадать, что кого ожидаетъ.

Выше всего стояла — гвардія, съ ея блестящими стоянками — Петербургъ, Царское Село и Варшава. За нею слѣдовалъ Гренадерскій корпусъ — Москва, Тифлисъ и окрестности этихъ городовъ. Потомъ полки, имѣвшіе стоянку въ большихъ городахъ — Кіевѣ, Воронежѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Севастополѣ, или въ окрестностяхъ Петербурга. Конечно, очень привлекалъ своей романтикой и поэтической дымкой воспоминаній о покореніи его — Кавказъ. Стихи Лермонтова, повѣсти и разсказы гр. Л. Н. Толстого, Лермонтовскій «Герой нашего времени», вся сказочная красота природы Кавказа, туземные обычаи — все это намъ — юнкерамъ рисовалось заманчивымъ, и Кавказскія ваканціи стояли высоко. Недавніе подвиги Скобелева въ Средней Азіи, повѣсти и романы Н. Н. Каразина, — отчасти — и это имѣло значеніе — малиновые кожаные чембары*), которые носили тогда Туркестанскіе Линейные батальоны, экзотика близости — хотя все еще далекой Индіи, разсказы о плѣнительныхъ охотахъ на тигра, о приключеніяхъ пустыни привлекали юнкерскія сердца къ Туркестану, и не пугала дальность разстоянія отъ подлинной Россіи. Очень высоко цѣнилась возможность выйти въ артиллерію (ну, какъ же лошадь, шпоры! все это было такъ заманчиво и служба казалась болѣе легкой) и потому юнкера охотно добирали тѣ артиллерійскія ваканціи, которыя не были разобраны въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Иногда выпадало — очень, правда, рѣдкое счастье, получить ваканцію въ драгунскій полкъ, куда нибудь въ далекое захолустье, куда никто не пошелъ изъ кавалерійскихъ училищъ. Въ хвостѣ стояли ваканціи гарнизоновъ Польскаго захолустья — Кутузовскіе Штабы, Замостья, Грубешовы и пр. Не любили идти и въ резервные полки, несмотря на заманчивость стоянки на Волгѣ — «резерва» казалась чѣмъ то обиднымъ. И неохотно шли на Дальній Востокъ — мало о немъ тогда знали.

Въ день разборки ваканцій занятія были отмѣнены. Къ 10 часамъ утра старшій курсъ былъ собранъ въ столовой, мы засѣли по канавамъ и въ кустахъ подлѣ столоваго навѣса — интересно было послушать, кто куда попадетъ? Все начальство, во главѣ съ начальникомъ училища, явилось въ столовую и сразу создалась торжественная, волнующая обстановка.

Училищный адъютантъ вызываетъ юнкеровъ по старшинству балловъ. Каждый вызванный вставалъ и громко, ломающимся отъ волненія голосомъ, называлъ тотъ полкъ, куда онъ хотѣлъ-бы попасть. Всѣ остальные сейчасъ же вычеркивали названный полкъ изъ своихъ списковъ. Иногда слышались тяжелые вздохи. Уплывала на мѣченная ваканція.

Иванъ Ѳедоровичъ взялъ Лейбъ-Гвардіи Литовскій полкъ. Его братъ былъ тяжело раненъ въ этомъ полку въ славномъ дѣлѣ подъ Карагачемъ, 5-го февраля 1878-го года. Бурмейстера тамъ ожидали.

Смущенный, румяный отъ волненія и счастливый «Софронъ» шелъ мимо насъ. Юнкера Государевой роты вставали при его проходѣ и поздравляли:

— Иванъ Ѳедоровичъ, удалось?

— Иванъ Ѳедоровичъ, поздравляемъ васъ!

Нашъ портупей юнкеръ Рыкачевъ, сынъ начальника училища, выходилъ Лейбъ-Гвардіи въ Финляндскій полкъ. Въ немъ служилъ его отецъ. Рыкачевы были всегда Финляндцами. Воронову удалось выйти Лейбъ-Гвардіи въ Измайловскій полкъ, а мой сосѣдъ фонъ Мензенкампфъ шелъ сіяющій, какъ мѣдный грошъ — ему удалось выйти въ драгуны! — онъ будетъ «корнетомъ», а не подпоручикомъ, ему отецъ устроилъ «именную» ваканцію.

Обѣдъ былъ задержанъ. Кончали разборку ваканцій. Оставались: — Кутузовскіе

*) Чембары — кожаные, бараньей кожи шаровары, крашеные краснымъ сандаломъ; ихъ носили туркестанскія войска для предохраненія отъ укусовъ тарантуловъ.

Штабы, Замостья, Джаркенты, Камень-рыболовы, Хунчуны и иныя мѣста, куда, по пословицѣ, «Макаръ телятъ не гонялъ», «куда воронъ костей не заносилъ». Взявшіе ваканціи въ эти благословенныя мѣста шли мимо насъ, заломивъ фуражки на затылокъ, съ отчаяннымъ видомъ новобранцевъ, которымъ только что забрили лбы.

Послѣ разборки ваканцій юнкера старшаго курса были отпущены въ отпускъ. Они помчались, кто домой, сказать родителямъ, куда удалось выйти, кто къ портнымъ, шапочникамъ, въ магазины офицерскихъ вещей, указать какія петлицы нашивать, какіе погоны дѣлать, какого цвѣта долженъ быть околышъ на фуражкѣ.

Въ баракѣ, гдѣ поспѣшно и шумно одѣвались по городскому юнкера раздавались веселые крики.

— Здор-р-рово Р-ростовскіе гр-рен-надеры!

— Здорово Финляндцы!

— Здорово молодцы Усю-Устюжсцы... О, что-бъ васъ! и не выговоришь, зашепелявишь поневолѣ!

Еще утромъ безъимянные, безличные юнкера теперь стали принадлежащими каждый къ опредѣленному полку съ его прошлою славою, блестящей исторіей, красивой, хотя и скромной формой, своими традиціями и свободной офицерской жизнью...

Тѣ, кто почему нибудь не могъ поѣхать въ этотъ-же день въ Петербургъ, толпились подлѣ Бергера и диктовали ему заказы.

— Бергеръ, голубчикъ, не забудьте — вензель шитый, а не штампованный, пуговицы съ гранатой...

— Бергеръ двѣ пары сюртучныхъ и одну пару шинельныхъ — синій просвѣтъ. Двѣ звѣздочки вышитыя...

— Бергеръ — желтый просвѣтъ — въ гренадеры выходитъ лихой портупей! Въ гр-ренадер-ры!... Желтый просвѣтъ и гранаты на пуговицахъ...

Икскюль проходилъ мимо. Съ философическимъ видомъ онъ остановился противъ Бергера и спросилъ его серьезно:

— Бергеръ, голубчикъ... Не забудьте!... Похабныя карточки есть?

Бергеръ сдѣлалъ отчаянное лицо и взмолился:

— Ахъ, господинъ баронъ, ну, ей-же Богу и безъ васъ голова, какъ мой котелокъ стала... Развѣ же я могу что нибудь перепутать?...

Въ углу барака стройно гремѣла передѣланная кавалерійская «Звѣріада»:

— Прощайте иксы, плюсы, зеты,
Научныхъ формулъ легіонъ,
Банкеты, траверсы, барбеты,
Ходьба въ манежѣ подъ ружьемъ...

10. Батальонныя ученья

15-го іюля, въ день Святого Равноапостольнаго Князя Владиміра, въ Тезоименитство Главнокомандующаго, Великаго Князя Владиміра Александровича, юнкерскій хоръ, по традиціи, пѣлъ обѣдню и молебенъ въ Красносельской церкви. На обѣднѣ присутствовали Великій Князь съ Супругой и Дѣтьми и все лагерное начальство.

Къ этому времени кончились ротныя, начались батальонныя ученья. По субботамъ, когда разрѣшалось ѣхать въ отпускъ до обѣда съ 11-ти часовымъ поѣздомъ съ Военной платформы эти ученья дѣлались строевыми. Всѣмъ батальономъ дѣлали ружейные пріемы и маршировали. Милѣйшій и добрѣйшій нашъ батальонный Щегловитовъ всегда старался отпустить насъ пораньше, чтобы мы успѣли помыться и, не торопясь, собраться въ отпускъ.

Ночью пролилъ холодный обложной Петербургскій дождь, а утромъ проглянуло солнце. Въ предвидѣніи скораго отпуска батальонъ оживленно строился на ученье на военномъ полѣ противъ Кавалерійской Школы. Подъ ногами была вязкая глина, лужи дымились на черной землѣ.

Отъ училища показался ѣдущій шагомъ батальонный. Но это не былъ Щегловитовъ, а «косоглазый» Семенъ. Онъ ѣхалъ за батальоннаго въ сопровожденіи штабъ горни-

ста и барабанщика. Щегловитовъ былъ боленъ, вмѣсто него батальонное ученье будетъ дѣлать Никоновъ, старшій изъ ротныхъ командировъ.

Ружейные пріемы прошли благополучно. Роты вытянулись повзводно и построили резервную колонну.

— Бат-тальонъ ружья воль-но! Бат-тальонъ шаг-гомъ — маршъ!

Пошли... По мягкой скользкой глинѣ не слышно юнкерскаго шага.

— Ноги нѣтъ!... Барабанщикъ, ударь!...

Барабанщикъ забилъ «козу».

Неслышно ползетъ по глинѣ батальонъ.

— Го-онять бу-уду-у!... Ноги нѣтъ!... Ударьте ногу!... Бат-тальонъ кругомъ — ар-р-ршъ!

Неувѣренно повернулись роты кругомъ. Чуть не упалъ на меня, поскользнувшись, Оболенскій. Мы пошли въ обратномъ направленіи.

— Барабанщикъ, ударь!

Бьетъ барабанъ — «ѣхала деревня мимо мужика...»

Какъ будто стала тверже нога, но какъ только барабанщикъ замолчалъ, опять неслышно идетъ батальонъ по мягкой землѣ.

— Ноги нѣтъ!... Го-о-онять бу-уду!... До седьмого пота гонять буду... Бат-тальонъ кругомъ — ар-р-ршъ!...

Константиновцы кончили ученье. Съ пѣснями мимо насъ прошла «Сморгонская академія», насъ все гоняютъ по мокрому полю.

— Барабанщикъ, ударь!...

Никоновъ думалъ, что мы нарочно, чтобы извести его не давали настоящаго удара, не «печатали отъ сердца», чтобы досадить ему, а мы просто не могли дать ногу на скользкой и мокрой почвѣ. Мы ходили почти безъ остановокъ часа три, пока солнце не подсушило землю и тогда вдругъ появилась «нога», настоящая «Павлонская» нога и Никоновъ положилъ гнѣвъ на милость.

— Спасибо, господа!...

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе....

Мы съ пѣснями пошли къ баракамъ.

Но въ отпускъ попали мы только на часовой поѣздъ, а, такъ какъ были записаны съ одиннадцати часовъ — обѣда на насъ не готовили, и мы поѣхали усталые и голодные.

Такъ въ юнкерскихъ радостяхъ и горестяхъ проходило лѣто.

11. Малые отрядные маневры

Въ серединѣ іюля въ лагерь пріѣхалъ Государь Императоръ. Былъ объѣздъ лагеря и заря съ церемоніей. Мы стояли выстроенные на своей передней линейкѣ и Государь проѣхалъ мимо насъ, окруженный громадной блестящей свитой. Мы его видѣли мелькомъ и осталось впечатлѣніе величія и мощи.

Зари мы не слышали — знали о ней только по пущеннымъ ракетамъ и по вдругъ прогремѣвшимъ артиллерійскимъ залпамъ всѣхъ батарей, грозно прокатившимся и отраженнымъ эхомъ Дудергофомъ и Кирхгофомъ. Фельдфебель и училищный адъютантъ ходили на зорю рапортовать Государю о благополучіи въ Его ротѣ. Караулъ у Ставки на зарѣ занимало въ этотъ годъ Константиновское училище.

Потомъ Великій Князь Главнокомандующій дѣлалъ смотръ Военно-Учебнымъ заведеніямъ и послѣ — училища смотрѣлъ Государь Императоръ.

Веселѣе, но и безпокойнѣе и тяжелѣе стала наша лагерная служба. Начались отрядные маневры.

Мы уже осознали, что мы «особенный» батальонъ. Мы не солдаты — мы выше солдатъ, мы сверхъ солдаты — мы — юнкера!

Отрядный маневръ... Сѣверный отрядъ — полкъ военныхъ училищъ съ батареей. Южный — бригада 2-й Кавалерійской дивизіи. Оба отряда построены къ четыремъ часамъ дня. Училищный отрядъ на военномъ полѣ у своихъ бараковъ, отрядъ кавалеріи гдѣ то подъ Царскимъ Селомъ. Училищнымъ отрядомъ командуетъ начальникъ Константиновскаго училища Генералъ-Лейтенантъ Водаръ. При отрядѣ посредники офицеры

Генеральнаго Штаба, они въ сюртукахъ, при шарфахъ, всѣ съ бѣлыми повязками на лѣвомъ рукавѣ.

Намъ объясняютъ задачу. Мы стоимъ отъ вершины Кирхгофа въ равномъ разстояніи: — кавалерія — южнѣе, мы сѣвернѣе. Кирхгофъ — это ключъ позиціи. Кто займетъ его раньше — тотъ побѣдитъ.

Щегловитовъ — онъ какъ то особенно торжественъ сегодня — говоритъ намъ:

— Понимаете, господа — тамъ кавалерія. У насъ — мы — пѣхота... Всѣ преимущества за ними... Всѣ — кромѣ нашего духа! Понимаете, господа!

— Понимаемъ, господинъ полковникъ, будьте совершенно покойны.

Старшій посредникъ вынулъ часы. Онъ подъѣхалъ къ Щегловитову и говоритъ:

— Можно начинать!

Мы вытянулись въ колонну по отдѣленіямъ. На каждомъ изъ насъ полуторапудовая ноша. Вещевой мѣшокъ съ полной укладкой, скатка съ палаточной принадлежностью, два подсумка съ холостыми патронами, лопата, винтовка. День жаркій. Солнце еще очень высоко.

Батальонъ сразу взялъ свой юнкерскій широкій шагъ и быстро взобрались мы къ Кавелахтамъ и выбрались на полевую дорогу, идущую черезъ Мурьела на Кирхгофъ.

— Бат-тальонъ! Бѣг-гомъ!... Мар-ршъ!...

Легко бѣжитъ батальонъ. Чуть побрякиваютъ мѣдные котелки, бьютъ по бедрамъ тяжелые мѣшки. Мы бѣжимъ, огибая Дудергофъ, поднимаемся къ Мурьела, бѣжимъ уже не одну версту...

— Бат-тальонъ шаг-гомъ! ар-ршъ!...

Сразу твердо ударили ногой и, не переводя дыханія, идемъ своимъ широкимъ полутора-аршиннымъ шагомъ, и по пыльному скату отъ Мурьела спускаемся къ подножію Кирхгофа.

Вся Кирхгофская гора передъ нами. Далеко убѣжавшіе впередъ дозоры подходятъ къ ея подошвѣ. Съ Мурьельскихъ высотъ вправо видна широкая равнина, покрытая лѣсами. Бѣлѣетъ мыза Таицы, съ дорогой изъ лиственницъ и елей, видна зеленая веселая Орловская роща и надъ лѣсными красивыми купами серебромъ блистаютъ бѣлые купола Гатчинскаго Собора. Красота! Но мы не видимъ этой красоты. Горячій потъ застилаетъ намъ глаза, дыханіе прерывисто и мы напряженно смотримъ на вершину Кирхгофа, на Пасторскій домъ и кирку съ двумя башнями Дозоры бѣгомъ поднимаются къ садамъ у пасторскаго дома. Они машутъ намъ фуражками: — «скорѣе, скорѣе»!...

— Бат-тальонъ бѣгомъ!... Ар-ршъ!...

Мѣрный частый топотъ. Мы бѣжимъ «въ ногу». Наше дыханіе легко, мы спускаемся въ лощину и съ налета взбѣгаемъ на Кирхгофскую гору.

Вотъ и вершина. Безъ команды — мы знаемъ свою задачу — Государева рота разсыпается цѣпью, охватываетъ съ обѣихъ сторонъ кирку и кладбище и залегаетъ по скату. Мы напряженно смотримъ, что передъ нами?...

Крутой обрывъ горы. По нему копны скошеннаго сѣна, ниже болотистые луга, по нимъ поросъ мелкій кустарникъ, вдали ольховая роща, дальше Таицкій водопроводъ. Изъ ольховой рощи черезъ луга идетъ полевая дорога — вѣроятный путь наступленія противника. На ней — никого!

Часто дышутъ взволнованныя бѣгомъ груди. Мы въ бѣлыхъ рубашкахъ — «защитнаго» цвѣта тогда и въ поминѣ не было — но мы хорошо укрылись за кладбищенской низкой каменной оградой, въ кустахъ, за копнами сѣна. Тихо, жарко, пусто. Сзади слышенъ мѣрный топотъ ногъ, наша вторая рота занимаетъ гребень у деревни Пелгола. Въ разнобой, не въ ногу, подходитъ батальонъ Константиновцевъ, ихъ батальонный, полковникъ Богаевскій, по прозвищу «корабликъ» — онъ носилъ такъ фуражку, примятую съ боковъ — точно лодка — командуетъ густымъ басомъ, нарушая тишину.

— Батальонъ по ротно въ двѣ линіи стройся.

На взлобкѣ горы за киркой онъ даетъ направленіе ротамъ на гребень холмовъ у деревни Пеккоземяки.

А что-же въ самомъ дѣлѣ — кавалерія?

Кавалерія посмотрѣла на карту: 8 верстъ:

значитъ — пѣхота будетъ идти, считая съ привалами, по четыре версты въ часъ — два часа. Торопиться некуда. Шагомъ и въ поводу... Не знали они, что противъ нихъ юнкера... Эти восемь верстъ училища проскочили менѣе, чѣмъ въ часъ!

Изъ ольховыхъ рощъ показались дозоры. Видны вороные кони. Конногренадеры спустились на лугъ. Намъ видно, какъ вязнутъ въ болотѣ ихъ лошади. Какъ хочется открыть огонь, но еще далеко; до нихъ около двухъ верстъ. Показалась голова колонны, медленно вытягивается изъ лѣса; она вся видна на ровномъ зеленомъ просторѣ луговъ.

— Прямо, по кавалеріи!... Прицѣлъ 1800!... Пальба ротою!...

Щелкаютъ затворы винтовокъ, быстро вложены холостые патроны въ коробку затвора.

— Р-рот-та! Пли!...

Какой отчетливый сухой трескъ никѣмъ не сорваннаго залпа! Это — юнкерскій залпъ!

Лѣвѣе насъ командуетъ Язвинъ:

— Вторая р-р-ота! — пли!...

Гребень Кирхгофской горы покрывается бѣлыми дымами залповъ. Конногренадеры скрываются въ лѣсу. Они тамъ спѣшиваются и бѣгутъ по болотистымъ лугамъ ихъ стрѣлковыя цѣпи. Мы встрѣчаемъ частымъ огнемъ нашихъ бердянокъ.

Звонко по полямъ раздается сигналъ старшаго посредника — «отбой» — потомъ «сборъ начальниковъ»....

Мы «побѣдили»....

12. Большіе маневры

Съ первыми числами августа наступила холодная, дождливая, ненастная погода. Такъ полагалось. Когда маневры, почти всегда дули дожди и дули холодные вѣтры. Глинистая почва окрестностей Краснаго Села растворилась и поплыла, дороги стали непролазными, болота набухли водой.

Къ нашему полку Военныхъ училищъ прибыла рота юнкеровъ Николаевскаго Инженернаго училища, отбывавшая лагери въ Усть Ижорѣ вмѣстѣ съ другими инженерными войсками. Нашъ полкъ выступилъ раннимъ августовскимъ утромъ на большіе маневры и растворился въ морѣ Гвардейской пѣхоты.

Мы ничего не знали о цѣли и смыслѣ маневровъ. У насъ не было картъ. Намъ некому и некогда было объяснить наши задачи и всѣ большіе маневры свились въ длинный свитокъ безконечныхъ и очень тяжелыхъ маршей и ночлеговъ въ мокрыхъ палаткахъ на мокромъ полѣ бивака.

Сначала насъ разводили, чтобы дать сторонамъ нужное удаленіе другъ отъ друга, потомъ мы сходились съ частными авангардными боями, чтобы завершить все генеральнымъ сраженіемъ вблизи военнаго поля.

Мы не знали, когда кончатся маневры, но знали, что кончатся они подлѣ военнаго поля и что послѣ маневровъ на полѣ будетъ Высочайшій смотръ всѣмъ войскамъ Красносельскаго лагеря и послѣ смотра производство юнкеровъ въ офицеры. Блуждая по полямъ и лѣсамъ мы все ожидали, когда увидимъ гдѣ нибудь вдали темныя шапки Дудергофа и Кирхгофа и станемъ выходить на военное поле.

Мы вставали со свѣтомъ,, въ четыре часа утра. Бивачное поле курилось сырыми дождевыми туманами. Мы вылѣзали изъ низкихъ палатокъ, гдѣ за ночь угрѣлись животнымъ тепломъ и разбирали ихъ. Мы стаскивали солому, на которой спали, зажигали ее и сходились у этихъ костровъ и грѣли подлѣ нихъ застывшее за ночь тѣло, сушили не просохшія рубашки и шинели. Съ края бивака у рѣчки дымили кухонные костры. Училищная прислуга кипятила въ чайникахъ воду для сбитня, мы стояли подлѣ и пили изъ кружекъ сбитень и жадно ѣли булки, а чаще ломти чернаго хлѣба съ кускомъ холоднаго варенаго мяса. Потомъ мы начищали котелки пескомъ и катали шинели, заправляли палаточное полотнище, полустойку и колья, укручивали палаточной веревкой и строились.

Надъ нами низкое сѣрое небо, сумрачно и

кисло, по осеннему непріютно въ поляхъ. Холодный частый дождь сыплетъ косыми струями. Намокшая скатка тяжело давитъ плечо, растираетъ въ кровь. Набухшіе, у многихъ сбитые сапоги черезъ мокрую портянку мнутъ ногу и больно ступить первые шаги.

Мы вытягиваемся въ колонну. Если шли по грунтовой раскисшей дорогѣ, то разрѣшалось идти не въ ногу, но какъ только выходили на шоссе, сейчасъ же подтягивали приклады, кто нибудь изъ офицеровъ «подсчитаетъ» ногу и мы шли въ ногу широкимъ юнкерскимъ шагомъ. Тогда «на ремень» не носили: ружейный ремень былъ только для украшенія, а не для носки, мы несли ружье на плечѣ и «по командѣ» перекладывали иногда ружья на «правое плечо»...

Какъ то разъ мы вошли въ колонну авангарда вмѣстѣ съ Атаманскимъ полкомъ. Его велъ генералъ маіоръ Грековъ. Кавалерія должна была идти на версту впереди насъ. Взялъ полкъ рысью удаленіе и пошелъ шагомъ. Оглянулся командиръ полка — нашъ батальонъ «на хвостѣ» полка, полкъ пошелъ рысью. Прошелъ версты двѣ и снова пошелъ шагомъ. Мы шли по шоссе къ Царскому Селу. Опять командиръ полка оглянулся и видитъ батальонъ снова у него на хвостѣ. Тогда генералъ Грековъ подъѣхалъ къ командиру батальона и спросилъ:

— Сколько верстъ вы дѣлаете въ часъ? Я перемѣнными аллюрами не могу уйти отъ васъ.

— Когда юнкера идутъ по шоссе — то дѣлаютъ не менѣе семи верстъ въ часъ...

— Однако, — сказалъ Грековъ, — тогда мнѣ придется идти почти все время рысью, чтобы уйти отъ васъ.

Но онъ такъ и не ушелъ. Когда подходили къ биваку у Царскаго Села, нашъ батальонъ входилъ на бивакъ почти одновременно съ полкомъ.

Мы шли часами, дѣлая положенные привалы. Переходы иногда были очень большими. Мы дѣлали по 35-40 верстъ въ день. Мы не выспались, намокли, устали до послѣдней степени, мы были голодны. Мы доходили до полнаго одуренія. Пригрѣетъ вдругъ прорвавшееся между тучъ солнце, идешь въ рядахъ и спишь, съ открытыми глазами, спишь по настоящему, даже и сны видишь. Толкнетъ кто нибудь изъ сосѣдей, или самъ споткнешься о камень и съ удивленіемъ не узнаешь, гдѣ же идешь? Когда засыпалъ — шли полями — теперь сосновый лѣсъ кругомъ. Какъ море шумятъ вѣковыя сосны. Въ лѣсу чухонская бѣдная деревушка.

— Стой! Составь! Вольно оправиться!

Всѣ сейчасъ же ложатся на мокрый мохъ, на мокрые кусты черники, подъ пахнущія смолою сосновыя вѣтви и засыпаютъ мгновеннымъ сномъ, чтобы черезъ десять минутъ внезапно по командѣ — «встать» проснуться и стать за ружейными козлами. И не соображаешь — «кто мы?.. Гдѣ мы?.. Когда все это кончится»?

— Въ ружье!.. Равняйсь!.. Ружья вольно!.. Шагомъ маршъ!..

Я бодрился, сколько могъ. Я билъ на портупей юнкера. Въ ногу — такъ «съ носка». Не въ ногу, такъ съ поднятой головой и круто подобранной винтовкой. Отсталыхъ у насъ не было. Это было «не принято». Считалось позоромъ. Свои же товарищи засмѣяли бы того, кто отстанетъ.

— Баба! Нюни распустилъ!.. Маменькинъ сынокъ! Такихъ въ дѣтской колясочкѣ нянѣ возить! Павловская институтка! Роту позорите!..

Ну и тянулись.

Жаль было смотрѣть на юнкеровъ Инженернаго училища. Мы были втянуты въ ходьбу — имъ такіе переходы были не подъ силу. Все больше ихъ наполняло свою и нашу лазаретныя линейки, и много тянулось за ихъ ротою чухонскихъ нанятыхъ таратаекъ съ ослабѣвшими юнкерами.

Но тяжелѣе всего были ночлеги.

Часамъ къ шести мы становились на бивакъ. Сейчасъ же съ математическою точностью — за этимъ слѣдили портупей юнкера — разбивали бивакъ, въ струнку провѣшивали стойки палатокъ, натягивали полотнища. Намъ подвозили по снопу соломы для подстилки, мы разувались, раздѣвались

и если не было дождя развѣшивали рубашки на просушку.

Теперь бы поѣсть горячаго.

Походныхъ кухонь тогда еще не знали, онѣ появились два года спустя и за нами на обывательскихъ крестьянскихъ подводахъ возили тяжелые мѣдные котлы. Подводы съ котлами почти всегда застрѣвали гдѣнибудь въ дорогѣ, артельщикъ — все тотъ же нашъ Савицкій — не могъ во время получить мяса, въ сырую ненастную погоду прислуга долго не могла развести костры и очень часто обѣдъ поспѣвалъ лишь часамъ къ двумъ ночи, когда юнкера, угрѣвшись другъ подлѣ друга, закутавшись съ головою въ мокрую шинель спали крѣпкимъ сномъ.

Тщетно дежурный по ротѣ ходилъ въ ночной темнотѣ по биваку, открывалъ полы палатокъ и кричалъ:

— Господа, пожалуйте на обѣдъ!

Ему злобно отвѣчали:

— Ступайте къ чорту съ вашимъ обѣдомъ! Только холодъ въ палатку напускаете.

Рѣдко кто возьметъ котелокъ и ложку и, накинувъ шинель, босой въ одномъ бѣльѣ, выйдетъ на сырость и холодъ августовской ночи, чтобы у ротнаго котла въ полуснѣ до отвала наѣсться пахнущими дымомъ щами.

Какая была радость, когда бивакъ оказывался подлѣ богатой, большой деревни.

Какъ то мы стали на ночлегъ подлѣ богатой нѣмецкой колоніи Кипень. Нѣмки колонистки принесли въ большихъ корзинахъ сдобныя, пухлыя, на молокѣ замѣшанныя, булки съ рыжевато-красной тонкой хрустящей корочкой сверху, съ приставшими снизу соломинками. Такихъ булокъ я уже никогда въ жизни не ѣлъ.

А на утро мы прошли Старые Скворицы, потомъ показалось Русское Капорское, гдѣ стояли гусары, Мухолово, Овраги и вдругъ, выхдя изъ деревни, увидали широкое поле и за нимъ знакомую, черную, будто родную шапку Дудергофа.

Пушечная канонада разгоралась съ обѣихъ сторонъ. Сраженіе начиналось. Мы вышли на поле и построились поротно въ двѣ линіи.

Послѣдній день маневровъ насталъ.

14. Меня производятъ въ младшіе портупей-юнкера

Послѣ «отбоя» батальонъ съ музыкой и пѣснями вернулся въ бараки и сталъ въ палаткахъ на полѣ подлѣ кегельбана Свои бараки и постели мы уступили гостямъ — юнкерамъ Инженернаго Училища.

На другой день была дневка. Вечеромъ мы репетировали церемоніальный маршъ къ завтрашнему Высочайшему смотру.

Сегодня, на вечерней зарѣ, Иванъ Ѳедоровичъ будетъ дѣлать перекличку послѣдній разъ. Кто то будетъ дѣлать ее завтра?

Передъ вечеромъ пришелъ ко мнѣ изъ второй роты Владиміръ Грендаль и подъ большимъ секретомъ сообщилъ, что его вызывалъ Язвинъ и сказалъ, что на училищномъ совѣтѣ рѣшено назначить Грендаля фельдфебелемъ въ четвертую роту, гдѣ не нашлось подходящаго юнкера и гдѣ слабый капитанъ Пясецкій не справлялся съ буйной «малиной».

— Что-же ты радъ? — спросилъ я.

— И — да, и — нѣтъ... Жаль разставаться съ товарищами. Славный народъ Я съ ними сжился. Но въ чужой ротѣ, гдѣ меня не знаютъ, легче будетъ держать порядокъ. А кто у васъ будетъ фельдфебелемъ?

Вопросъ былъ естественный, но почему то въ училищѣ, всегда эти назначенія держались до послѣдней минуты въ тайнѣ.

— Ты не думаешь, что назначатъ тебя? У тебя полные двѣнадцать!

— Скажу откровенно, не думаю. На баллы, ты самъ знаешь, у насъ не смотрятъ. Иванъ Ѳедоровичъ даже не въ первомъ десяткѣ, а былъ у насъ фельдфебелемъ. У насъ на фельдфебеля бьетъ Дворжицкій. Онъ ловкій, красивый юнкеръ, вкрадчиво ласковый и самоувѣренный въ то же время. Онъ, какъ и Бурмейстеръ, не въ первомъ десяткѣ, да это не важно, притомъ-же у не-

го протекція — онъ сынъ того Дворжицкаго, который былъ Петербургскимъ полиціймейстеромъ въ ужасный день 1-го марта, когда убили Государя Александра II. Его отецъ занимаетъ видное мѣсто въ Варшавѣ и, кажется, знакомъ съ начальникомъ училища. Дворжицкій послѣднее время все подмазывается къ Ивану Ѳедоровичу. Онъ человѣкъ честолюбивый и занозистый. Вѣроятно, онъ и будетъ.

— Ну, а еще кто у васъ выдѣляется?

— Да кто? Въ первомъ взводѣ Буколовъ, славный парень, вершка на три выше меня ростомъ, но оправдываетъ свою фамилію — «бука», очень сдержанъ, на глаза начальству лѣзть не любитъ, замкнутъ въ себѣ. Никоновъ такого никогда не назначитъ фельдфебелемъ. Фельдфебель нашей роты сколько разъ долженъ являться Государю съ рапортомъ. «Бука» Буколовъ для этого не годится.

— Еще кто?

— Нашъ Шенкъ... Ротштейнъ, Ломиковскій, Глотовъ, Винклеръ..

— Этотъ Винклеръ — маленькій, въ очкахъ, тотъ, кто единственный получилъ значекъ за отличную стрѣльбу?

— Да.

— Знаю его. Отличный юнкеръ... Но.., Очки?.. Ты знаешь.. И нѣмецкая фамилія.... Нѣтъ — помяни мое слово — ты и будешь фельдфебелемъ.

— Помилуй, — сказалъ я, — во-первыхъ — я казакъ, значитъ, отрѣзанный отъ пѣхоты ломоть, во-вторыхъ, не можетъ того быть, чтобы два «хабата» стали фельдфебелями и, наконецъ, какъ же Дворжицкій.

— Ты будешь фельдфебелемъ, — съ финскимъ упрямствомъ повторилъ Грендаль.

На перекличку на переднюю линейку къ намъ пришелъ капитанъ Никоновъ. Когда рота была распущена по палаткамъ, онъ подозвалъ меня къ себѣ.

— Петръ Николаевичъ, — сказалъ онъ, самымъ этимъ обращеніемъ по имени и отчеству показывая, что назначеніе мое уже состоялось, — на Училищномъ Совѣтѣ я представилъ васъ къ исполненію обязанностей фельдфебеля роты Его Величества. Совѣтъ единогласно со мною согласился и Начальникъ Училища утвердилъ это назначеніе. Завтра будетъ отданъ приказъ о производствѣ васъ въ младшіе портупей-юнкера. Я надѣюсь, что вы будете служить такъ же исправно, какъ служилъ Иванъ Ѳедоровичъ Бурмейстеръ Примите отъ него сегодня перекличку, ротную книгу и листы нарядовъ. Такъ какъ вы просились въ отпускъ и изъ намѣченныхъ на взводы юнкеровъ не уѣзжаетъ только Буколовъ, то въ ваше отсутствіе онъ и будетъ васъ замѣщать. Поздравляю васъ, Петръ Николаевичъ.

14. Производство въ офицеры

Какъ все это было давно — пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ — а стоитъ передо мною, какъ живое, и какъ будто сейчасъ я все это вижу передъ глазами.

Ясный, привѣтливый, осенній день. Блѣдно-голубое небо, чистое, безъ облаковъ и поутру легкій холодокъ. Серебрится роса на травѣ, поросшей на военномъ полѣ и покрытой осенними желтыми цвѣтами одуванчиковъ. Мы промерзли въ палаткахъ. «Цыганскій потъ» прошибаетъ насъ сквозь тонкіе суконные парадные мундиры съ галуномъ. Мы по лагерному — въ безкозыркахъ, въ скаткахъ, при шанцевомъ инструментѣ, съ ярко начищенными когелками на концахъ скатокъ.

Только что прошли мы церемоніальнымъ маршемъ развернутымъ фронтомъ ротъ, держа ружья «на плечо», мимо Государя и еще звучитъ въ ушахъ звонкій отвѣтъ на Государево:

— Спасибо, господа!

— Рады стараться, Ваше Императорское Величество!

Гулко бьетъ турецкій барабанъ и веселый скорый маршъ «Радецкаго» несется вслѣдъ за нами. Кто то другой, должно быть, «Констаперы» громко кричитъ подъ музыку. Мы

прошли хорошо. Мы сами это чувствуемъ. Широкъ былъ вымаханный за маневры шагъ. Лѣвый флангъ не завалилъ Мы чувствовали, что «нога» была «одна»...

Мы вытянулись во взводную колонну, взяли «ружья вольно», но вмѣсто того, чтобы заходить правымъ плечомъ мимо Кавелахтскаго стрѣльбища, мы зашли лѣвымъ плечомъ къ Лабораторной рощѣ, построили резервную колонну, остановились и составили ружья. Изъ рощи появились артельныя подводы и служителя со щетками, сапожной смазкой и тряпками.

— Господа юнкера старшаго курса, пожалуйте впередъ.

Юнкера старшаго курса сняли скатки, повѣсили ихъ на козлы и стали обчищать другъ друга, оправлять складки мундировъ. Фельдфебель Бурмейстеръ еще туже затянулъ красный кушакъ.

Изъ за Царскаго Валика гремитъ, гремитъ и гремитъ музыка. То вдругъ забьютъ барабаны, засвистятъ тоненькія барабанныя флейточки, разомъ оборвутъ, и ворвутся мощные, плавные звуки маршей большихъ гвардейскихъ оркестровъ. Слышны лихіе отвѣты на «ство-о-о» пѣхоты, потомъ поютъ трубы и доносится мѣрное позвякиваніе идущихъ развернутымъ строемъ восьми орудійныхъ пѣшихъ батарей.

Кавалерія, которая стояла подлѣ насъ у рощи, повернула направо и ушла спорою рысью.

Нашихъ «подпоручиковъ» повели къ Царскому Валику. Къ намъ, какъ бѣшеный прискакалъ эскадронъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. Полковникъ Кардашевскій, кумиръ юнкеровъ за лихую ѣзду, за громкій голосъ и умѣнье карьеромъ летать вокругъ эскадрона, громко командуетъ:

— Эскадронъ! Сто-ой! равняйсь! Господа корнеты впередъ.

Юнкера старшаго курса быстро слѣзаютъ съ лошадей, бросаютъ поводья прислугѣ, такъ называемымъ «штатскимъ изъ манежа» и бѣгутъ туда, куда за нашими «подпоручиками» прошли только что артиллеристы. За валикомъ мимо Государя лихо проносятся Конныя батареи и по традиціи Лейбъ Гвардіи, Шестая Донская Его Величества батарея летитъ карьеромъ. Намъ слышенъ топотъ конскихъ ногъ и грохотъ несущихся орудій.

У насъ напряженно тихо. Позволено сидѣть, но никто не садится.

Намъ издали видна длинная шеренга юнкеровъ, ожидающихъ Государя, сбоку Царскаго Валика. Ее отчасти заслоняютъ фургоны и платформы Гофмаршальской части, привезшіе къ Царскому Валику завтракъ.

Государевъ кучеръ въ голубой шелковой рубахѣ и бархатной поддевкѣ, по ямщицки въ круглой шапкѣ съ павлиньими перьями проминаетъ Царскую сѣрую тройку.

Какое, должно быть, у нашихъ старшихъ товарищей волненіе! И у насъ оно не малое. Какой то жизненный рубежъ перейденъ, на цѣлый годъ мы приблизились къ тому завѣтному, къ чему такъ стремились, о чемъ такъ много и долго мечтали — къ офицерскому чину... Передъ нами три недѣли отпуска — домъ, родители, семья — свобода. Мы считаемъ минуты, ждемъ не дождемся того сладкаго, очаровательнаго момента, когда, наконецъ, надѣвъ шинели въ накидку, покинемъ казарменныя стѣны и поѣдемъ, кто куда, доканчивать лѣтніе дни на волѣ. Будемъ гулять, собирать грибы, купаться, охотиться, танцовать, ухаживать и непрерывно чувствовать на себѣ восторженный любящій взглядъ матери.

Мы стоимъ, никто не присядетъ, никто не ляжетъ, хотя это намъ позволено, мы прислушиваемся и ждемъ.

И вдругъ — вотъ оно — раздалось, полетѣло все громче, праздничнѣе, ликующее, радостное ура! Свершилось!... Бабочка пробила коконъ, бабочка вылетѣла на свѣтъ. Нѣтъ больше юнкеровъ — есть «господа офицеры»....

Николаевскіе корнеты и артиллерійскіе подпоручики бѣгутъ къ лошадямъ, вскакиваютъ на нихъ и съ оглушительнымъ ура! скачутъ безпорядочной группой къ своимъ баракамъ.

Оживленной толпой, весело разговаривая, возвращаются наши «подпоручики». Начальникъ училища ожидаетъ ихъ подлѣ батальо-

на. Кто то изъ только что произведенныхъ не смѣло и неувѣренно командуетъ:

— Господа офицеры!

Молодые подпоручики въ юнкерской формѣ останавливаются и берутъ подъ козырекъ.

Рыкачевъ подходитъ къ нимъ.

— Господа, — говоритъ онъ, — поздравляю васъ съ Монаршею милостью. Служите честно Государю и Родинѣ. Никогда не забывайте, что вы окончили наше 1-е Военное Павловское училище — и всегда гордитесь этимъ... А теперь... Попрошу по мѣстамъ и въ полномъ порядкѣ, какъ и подобаетъ Павловскому училищу, отнести знамя въ училище.

Подпоручики молча кланяются и расходятся по ротамъ.

— Батальонъ! Въ ружье!

«Пески» играютъ маршъ и мы идемъ скорымъ, бодрымъ шагомъ въ бараки. Мы пообѣдали въ столовой послѣдній разъ со своими старшими товарищами. На Военную платформу былъ поданъ составъ вагоновъ третьяго класса, и батальонъ погрузился въ него. Когда тронулись, загремѣло неудержимое ура! Въ дикомъ и радостномъ крикѣ выливалось напряженіе послѣднихъ часовъ. И вплоть до Лигова, то тутъ, то тамъ стрѣляли въ окна припасенными съ маневровъ холостыми патронами. По вагонамъ звучали пѣсни — преобладала радостная веселая полная разнообразныхъ куплетовъ-воспоминаній юнкерской жизни «Звѣріада».

Но, когда пріѣхали въ Петербургъ и построились на дворѣ Балтійскаго вокзала, опять это былъ строгій и чинный юнкерскій батальонъ, съ солдатской строгой выправкой.

Молодые офицеры собрали между собою сто рублей и дали «пескамъ», чтобы тѣ всю дорогу до училища непрерывно играли самые скорые марши и батальонъ не шелъ, а мчался по улицамъ Петербурга.

Подлѣ училища построились, взяли «на караулъ» и Верцинскій со знаменщикомъ понесли знамя въ церковь.

И только, когда были распущены по ротамъ и вошли на прохладную лѣстницу, тогда закричали ура! и бросились бѣгомъ черезъ три, четыре ступени, торопясь къ своимъ койкамъ, гдѣ служителями уже было разложено готовое обмундированіе.

И прошло еще полчаса шума, гама, суеты, движенія въ казармѣ и казарма наполнилась молодыми офицерами. Кто сразу надѣлъ парадную форму и въ золотыхъ эполетахъ съ алымъ или синимъ подбоемъ съ вышитымъ номеромъ дивизіи или вензелемъ Шефа, красовался передъ зеркаломъ, кто ходилъ въ длинномъ сюртукѣ, гдѣ еще свѣжи были всѣ складочки. Гигантъ Шмеллингъ стоялъ въ алыхъ кожаныхъ чембарахъ и бѣломъ кителѣ, точно сорвался съ картины Каразина. А потомъ всѣ устремились дружными группами по разнымъ мѣстамъ, кто къ родителямъ, кто кутить въ ресторанъ, кто въ «Зоологію», кто въ Аркадію, кто въ Ливадію, кто въ садъ Неметти слушать оперетку, а болѣе того, красоваться въ офицерской формѣ и радоваться свободѣ, тому, что, то, что было раньше запрещено, теперь позволено...

Когда господа офицеры разошлись, намъ, юнкерамъ, было разрѣшено идти въ отпускъ.

Уже подъ вечеръ я вышелъ изъ училища. На погонахъ шинели были нашиты двѣ скромныя бѣлыя армейскія нашивки младшаго унтеръ-офицера. Но онѣ мнѣ тогда доставили такую большую, большую радость, почти такую, какую доставили мнѣ потомъ офицерскіе эполеты, меньшую, чѣмъ георгіевскій крестъ и куда большую, чѣмъ тяжелый Атаманскій перначъ.

«Дома» на дачѣ, въ Лѣсномъ, куда я пріѣхалъ уже въ сумерки, мать моя съ радостью и гордостью обняла своего сына — младшаго унтеръ-офицера армейской пѣхоты, исполняющаго должность фельдфебеля роты Его Величества. Она понимала всю важность моего поста и радовалась за меня...

Въ жизни всегда такъ — маленькія радости бываютъ куда больше большихъ...

Часть третья

Фельдфебель Государевой роты

1. Занятія на старшемъ курсѣ

30-го августа, къ одиннадцати часамъ вечера, я вернулся изъ отпуска и, какъ годъ тому назадъ Бурмейстеръ съ Кѣвнарскимъ, такъ теперь я съ Буколовымъ составилъ алфавитный списокъ роты для переклички. Завтра я его тщательно перепишу и передамъ ротному командиру и мнѣ его вернуть напечатаннымъ на плотной бумагѣ съ клѣточками для отмѣтки не бывшихъ на перекличкѣ.

Жизнь юнкера старшаго курса мало отличалась отъ жизни нашей въ прошломъ году. Тѣ-же лекціи, тѣ-же строевыя занятія и то-же распредѣленіе всей жизни по календарю, съ участіемъ въ тѣхъ же смотрахъ и парадахъ и въ томъ же Красносельскомъ лагерѣ.

Я теперь спалъ на правомъ флангѣ роты и моя табличка сначала была окаймлена золотомъ, потомъ, когда меня къ ротному празднику, 8-го ноября, произвели въ старшіе портупей-юнкера, моя фамилія была написана золотыми буквами, а когда 6-го декабря я былъ произведенъ въ фельдфебеля вся дощечка бла покрыта золотою краской и на ней бѣлыми буквами былъ изображенъ все тотъ же мой № — 77 и моя фамилія. Смѣшно вспомнить, но эти мелочи тогда радовали и тѣшили.

Тактику намъ продолжалъ преподавать капитанъ Язвинъ. Мы теперь рѣшали тактическія задачи на планахъ и много учили примѣровъ изъ военной исторіи.

Военную исторію намъ вдохновенно читалъ капитанъ генеральнаго штаба Н. П. Михневичъ. Онъ какъ то принесъ намъ на лекцію прекрасныя фото-гравюры съ картинъ Детайля, Мессонье и Невилля, изображающія сцены изъ Франко-Прусской войны и мы съ восторгомъ слушали о томъ, какъ обороняли французы ферму и дострѣливали послѣдніе патроны, какъ протекало сраженіе подъ Вертомъ, происходила сдача у Седана. Я съ особеннымъ удовольствіемъ разсматривалъ эти гравюры. Я въ это время занимался переводомъ военныхъ разсказовъ Мопассана на русскій языкъ.

По артиллеріи у капитана Колѣнкина, вмѣсто скучной баллистики, мы изучали матерьяльную часть, чертили Обуховскія и Крупповскія пушки и ихъ замки и разъ въ недѣлю ходили къ орудію, гдѣ занимались пріемами при орудіи. Заряжали учебнымъ снарядомъ, клали мѣшечекъ съ опилками, изображавшими порохъ, протыкали его иглой, вставляли ударную трубку и тянули шнуръ, а потомъ банникомъ пробанивали орудіе. Мы изучали ручное оружіе и спорили между собою, доказывая, что магазинныя ружья вздоръ и что изъ Берданки можно такъ же скоро стрѣлять, какъ изъ магазиннаго скорострѣльнаго ружья.

На лекціяхъ **фортификаціи** почтенный генералъ Кублицкій преподавалъ намъ полевую фортификацію и дорожное дѣло. Мы чертили теперь не только окопы, но и ла-

герныя постройки, бараки, полевыя хлѣбопекарни, кухни и т. п. Мрачнымъ басомъ холодно и равнодушно, стоя надъ исчерченной доской говорилъ намъ генералъ:

— Дадимъ заложеніе фута три, ну, можно и четыре, и даже пять-шесть.

И мы съ недоумѣніемъ спрашивали сами себя, да сколько же въ самомъ-то дѣлѣ футовъ должно имѣть заложеніе того или другого окопа?

Румяный «помпонъ» Максимовичъ на **топографіи** морилъ насъ простымъ и вязанымъ штрихомъ и посвящалъ въ тайны прелести иллюминаціи плановъ акварельными красками, мы изучали иностранныя карты и планы и совершенствовались въ угадываніи масштаба.

Къ нашимъ предметамъ прибавилась еще и **военная администрація.** Мы изучали устройство русской и иностранныхъ армій, заучивали всевозможныя цифровыя данныя довольствія и жалованья.

По механикѣ вычисляли кривыя второго порядка, параболы, гиперболы, локсодроміи и иныя туманныя премудрости.

По химіи занимались взрывчатыми веществами и иногда работали въ лабораторіи надъ разными опытами. Веселый полковникъ Хмоловскій, кажется, самъ не очень то былъ увѣренъ, что пѣхотному офицеру нужно знать всѣ эти вещи

Давалось мнѣ все это по-прежнему легко и на репетиціяхъ у меня, ровно съ Грендалемъ было двѣнадцать. Мы шли съ Грендалемъ опредѣленно на мраморную доску...

На строевыхъ ученьяхъ теперь намъ было поручено обученіе младшаго курса. Штабсъ капитанъ Третесскій былъ назначенъ завѣдующимъ оружіемъ, и на его мѣстѣ для руководства младшимъ курсомъ былъ поручикъ Михайловъ. Герцыкъ продолжалъ завѣдывать нами. Мнѣ часто приходилось замѣщать поручика Михайлова и заниматься со всѣмъ младшимъ курсомъ гимнастикой или приготовительными къ стрѣльбѣ упражненіями.

Прибавилось у насъ **фехтованіе на ружьяхъ и смѣна городского караула,** производившаяся въ большомъ экзерциргаузѣ съ торжественностью и аккуратною педантичностью. Тутъ каждое движеніе часового, разводящаго, было разсчитано и изучено, какъ на старинныхъ разводахъ въ Михайловскомъ манежѣ. Мы занимались еще **шашечными пріемами и рубкой** пѣшкомъ лозы и глины На шашечныхъ пріемахъ больше всего обращалось вниманія на правильную салютовку на мѣстѣ и на ходу. Учились мы и **командованію** на такъ называемыхъ «восьми рядныхъ ученьяхъ», гдѣ два юнкера съ длинной палкой изображали взводъ. Тогда уставъ былъ полонъ сложныхъ командъ. Командовали всѣ и ротный и взводные и требовалось согласованіе и громкость командъ. Тишины строя тогда еще не понимали. Стрѣляли мы теперь не только изъ винтовокъ, но еще и изъ тяжелыхъ четырехъ линейныхъ револьверовъ. Смита и Вессона. Разъ въ недѣлю мы **ѣздили верхомъ** въ манежѣ.

Ѣзда смѣною въ манежѣ называлась у насъ «Верховкой» и какъ смѣялись надъ этимъ нашимъ названіемъ въ кавалеріи.

Для этихъ занятій въ училищѣ имѣлось всего двадцать четыре лошади на двѣсти юнкеровъ старшаго курса. Училъ насъ ѣздить верхомъ ротмистръ Симашко Манежъ былъ небольшой и не очень свѣтлый. Еще недавно я помнилъ всѣхъ лошадей училища. Потомъ та масса лошадей, что прошла черезъ мою жизнь и заполнила ее, заслонила въ памяти этихъ первыхъ четвероногихъ друзей моей юности и остались въ ней только правофланговый смѣны рослый четырехъ вершковый вороной конь Гренадеръ, сѣрая кобыла Нахалка и небольшая, очень нарядная и совкая, шустрая бурая кобыла, носившая странное имя — Джеманея. Она была любимицей всѣхъ тѣхъ, кто не боялся лошадей и любилъ ѣзду. У ней была легкая, «воздушная» рысь, и она отлично и гораздо выше, чѣмъ то нужно было, брала барьеръ — бревно, обмотанное соломой.

Мы добивались у вахмистра училища, что обозначаетъ заинтриговавшее насъ странное имя — Джеманея, аккуратно выписанное на конюшенной дощечкѣ.

— Ну, шо вы, господа, пристали. Джеманея и есть Джеманея. Одно слово, имя такое

— кобылье, женское имя. Мабуть богиня такая у Хреціи была, а теперь въ командѣ рѣзвѣйшая лошадь.

Долго мы не рѣшались спросить о томъ у ротмистра Симашко Но, такъ какъ по справкѣ въ «Элладѣ» и «Римѣ» Вегнера, такой богини Джеманеи на древнемъ Олимпѣ не оказалось и не было такой и музы, мы, осмѣлѣвъ, обратились къ самому неприступному ротмистру.

— Джеманея?, — сказалъ, поднимая удивленно брови, усатый ротмистръ. — Да съ чего вы взяли, что она Джеманея? По описи Уланскаго Ея Величества полка, она — Жомини!

Но, почему знаменитый стратегъ и создатель Русской Военной Академіи, баронъ Жомини, о комъ Денисъ Давыдовъ сказалъ: — «Жомини, да Жомини, а о водкѣ ни полъ слова», — оказался женскаго рода, и его славное имя получила наша бурая любимица, такъ и осталось для насъ тайной.

2. Фельдфебель

Фельдфебель въ солдатской ротѣ — «барабанная шкура», «наемная собака». Не любилъ нашъ народъ дисциплины.

Въ солдатской ротѣ фельдфебель накладывалъ часто наказанія и въ тѣ отдаленныя времена, случалось, что не выдержитъ фельдфебельская рука и залѣзетъ по уху или въ зубы. Суровая была тогда въ полкахъ дисциплина

Въ училищѣ фельдфебель былъ и оставался товарищемъ юнкеровъ. Ни до меня, ни я самъ, ни послѣ меня никто изъ фельдфебелей никогда не наушничалъ, не доносилъ ротному командиру на юнкеровъ. Это было по самому существу юнкерскихъ понятій невозможно. Само начальство этого никогда не допустило-бы.

Но ротный командиръ всегда зналъ всѣ событія въ ротѣ и всѣ тайные проступки юнкеровъ. Юнкера знали, черезъ кого онъ зналъ все это. Наши служителя — Захары, Иваны, Ѳедоры, тѣ, кто убиралъ помѣщеніе, носилъ дрова, топилъ печи, мылъ полы, чинилъ намъ порванные штаны и бушлаты, набивалъ подметки на сапоги — были обязаны обо всемъ докладывать ротному командиру. Они рисковали самимъ мѣстомъ, если скроютъ что нибудь.

Но были юнкера, которые все таки и, зная это, кидали тѣнь на фельдфебеля. Тотъ часто и по долгу бесѣдовалъ съ ротнымъ командиромъ. О чемъ? Фельдфебель ходилъ иногда на квартиру ротнаго командира, переступалъ запретное «табу», которое никто изъ юнкеровъ не могъ переходить. Зачѣмъ? Черезъ фельдфебеля накладывались на юнкеровъ взысканія и это онъ на перекличкѣ объявлялъ, кому и за что назначенъ арестъ, или лишнія дежурства и дневальства, кто оставленъ безъ отпуска. Отсюда обидная кличка — **«фараонъ».**

На фельдфебелѣ лежала обязанность слѣдить за порядкомъ въ ротѣ. Онъ обходилъ днемъ и ночью всѣ взводы и будилъ тѣхъ юнкеровъ, у кого замѣчалъ не по формѣ сложенное бѣлье и платье и заставлялъ при себѣ сложить правильно. Онъ утромъ понукалъ заспавшихся и во время осмотра дѣлалъ замѣчанія за порванную одежду, нечищенные сапоги, не ярко начищенныя пуговицы — и иногда налагалъ взысканія — дневальства, оставлялъ безъ отпуска.

Конечно — фараонъ!

Фельфебель не могъ поступать иначе.

Какъ то зимою, въ классъ прибѣжалъ за мною дневальный.

— Господинъ фельдфебель. Начальникъ училища въ ротѣ и требуетъ васъ

Бѣгомъ черезъ все училище я прибѣжалъ въ роту. Генералъ Рыкачевъ стоялъ въ умывалкѣ и кричалъ на блѣднаго, растерянаго дежурнаго по ротѣ. Сзади стоялъ дежурный по училищу офицеръ и смотрѣлъ на дежурнаго по ротѣ съ такимъ видомъ, будто произошло нѣчто ужасное, и ему и жаль дежурнаго и въ то-же время онъ понимаетъ, что

тотъ кругомъ виноватъ и долженъ отвѣтить. Въ рукахъ у Рыкачева былъ окурокъ.

— Фельдфебель, — закричалъ Рыкачевъ мнѣ, — я нашелъ при обходѣ роты на подоконникѣ второго взвода этотъ окурокъ. У васъ въ ротѣ юнкера курятъ! Распустили роту-съ!.. Я васъ разжалую.. Нашивки сорву... Доложите ротному командиру и скажите, чтобы дежурнаго по ротѣ послѣ смѣны отправить на пять сутокъ подъ арестъ. И узнать, кто это курилъ въ ротѣ?

На перекличкѣ я передалъ юнкерамъ, что произошло. Никто въ ротѣ не курилъ. Окурокъ могъ попасть случайно, по разсѣянности былъ положенъ юнкеромъ послѣ выхода изъ курилки, наконецъ, могъ быть положенъ служителемъ при уборкѣ. На счастье, Рыкачевъ — онъ былъ отходчивъ — не настаивалъ на томъ, чтобы отыскали несчастнаго юнкера, ротный командиръ вполнѣ понималъ мое положеніе, дежурный по ротѣ тоже, но всѣмъ намъ приходилось быть постоянно на чеку и слѣдить, чтобы кто нибудь случайно, по небрежности, по неряшеству не подвелъ бы меня и дежурство.

Въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ былъ **«цукъ»** юнкеровъ старшаго курса. «Господа корнеты» слѣдили за порядкомъ и дисциплиной въ эскадронѣ, они оберегали своего эскадроннаго вахмистра отъ такихъ непріятностей — у насъ въ училищѣ все лежало на фельдфебелѣ и лишь отчасти ему, болѣе морально, помогали взводные портупей-юнкера.

Взводные: перваго взвода Буколовъ, 3-го взвода Глотовъ и 4-го взвода Винклеръ были надежные мнѣ помощники. Взводный 2-го взвода — Дворжицкій держался по отношенію ко мнѣ корректно, но сухо и довѣрять ему я не могъ. Во взводѣ у него образовалась, такъ сказать, «оппозиція» мнѣ. Въ нее вошли человѣкъ пять-шесть юнкеровъ, вольнодумныхъ, недовольныхъ училищными порядками, тѣхъ, кто называлъ училище дисциплинарнымъ батальономъ. Они разсказывали о томъ, что въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ юнкера никогда не позволили бы штабсъ-капитану Герцыку кричать на нихъ и говорить: — «я васъ вздрючу-съ»... Тамъ такого офицера «обкашляли-бы» .. И фельдфебелю тамъ спуска не дали-бы. Во главѣ этой оппозиціи **сталъ** юнкеръ Бардскій, очень способный, но все критикующій юнкеръ, съ умомъ острымъ, озлобленный на то, что, несмотря на высокіе баллы, не попалъ въ портупей-юнкера. Къ нему примкнулъ черкесъ Гардабхадзе, буйный кавказскій человѣкъ, плохо мирившійся со строгой дисциплиной и порядками училища и еще нѣсколько человѣкъ. Взводный Дворжицкій не только не сдерживалъ оппозиціи, но иногда какъ бы поддерживалъ ее и становился на ея сторону. Эти юнкера искали случая досадить фельдфебелю, сдѣлать ему непріятность. Все это было очень для меня тяжело и непріятно.

На мнѣ какъ на фельдфебелѣ лежала обязанность вести листъ нарядовъ на дежурства и дневальства, какъ въ ротѣ, такъ и по лазарету и по кухнѣ. Лѣтомъ вести нарядъ въ караулъ. Обязанность не сложная, если бы юнкерамъ не было предоставлено право обмѣниваться нарядами. Если нарядъ для юнкера, постоянно ходящаго въ отпускъ, выпадалъ на отпускной день — юнкеръ искалъ замѣстителя, не заинтересованнаго отпускомъ и обмѣнивался съ нимъ. Отказать я не имѣлъ права, но это, естественно, запутывало нарядъ «Оппозиція» искала — не мирволитъ-ли кому нибудь фельдфебель, нѣтъ-ли у него любимцевъ, не покрываетъ ли онъ своихъ «хабатовъ»? Во второмъ взводѣ вели свой частный листъ нарядовъ, вывѣряли по нему мой листъ и если что нибудь у нихъ не сходилось, они подсылали ко мнѣ портупей-юнкера Дворжицкаго съ объясненіями.

При нашей большой занятости, при напряженности училищной жизни эти ненужныя объясненія были скучными и отравляли мнѣ жизнь.

Въ дни ротныхъ ученій, какъ зимою, такъ и лѣтомъ требовалось, чтобы фельдфебель дѣлалъ ротный разсчетъ, уравнивалъ ряды во взводахъ, указывалъ, гдѣ быть глухимъ рядамъ. Кромѣ того, капитанъ Никоновъ требовалъ, чтобы разсчетъ до прихода офи-

церовъ въ роту былъ провѣренъ, то есть, мнѣ нужно было построить роту на нѣсколько минутъ раньше, провѣрить вздваиваніе рядовъ, захожденіе по отдѣленіямъ. Въ другихъ ротахъ батальона этого не дѣлали и оппозиція ворчала, считая это моими выдумками.

Тогда она подговаривала «извести» фельдфебеля. Обычно дѣлалось это на вечерней перекличкѣ. Кое-кто начиналъ отвѣчать необычно дикими голосами, или отвѣчать съ выдержкой по второму или третьему вызову. Это возбуждало смѣхъ въ ротѣ и производило безпорядокъ.

— Господа, — попрошу отвѣчать, какъ слѣдуетъ, безъ шалостей, — говорю я, — Икскюль!..

Мой пріятель, — да, увы, и мой пріятель, увлеченный духомъ оппозиціи — съ тяжкимъ вздохомъ, вызывая улыбки и смѣхъ, сокрушенно, густымъ басомъ скажетъ:

— Я-а-а-а.

— Козьминъ!...

Жалобный, нѣжный голосъ:

— Я-п-ппъ!

— Господа, я прекращу перекличку и оставлю васъ такъ стоять, пока не станете отвѣчать, какъ слѣдуетъ... Кругликовъ!.. Лескиненъ!... Ломиковскій!...

Это все мои друзья и перекличка налаживается, пока не осѣкнется снова на какомъ нибудь шалунѣ.

Вотъ въ этихъ случаяхъ мнѣ много помогали мои взводные и правофланговый гигантъ «маіоръ» Повало-Швейковскій. Они послѣ переклички обходили роту и вызывали тѣхъ юнкеровъ, кто шалилъ на перекличкѣ, въ «занимательную» комнату. Тамъ милѣйшій Винклеръ, блистая стеклами очковъ, держалъ къ нимъ рѣчь:

— Господа, то, что вы дѣлаете — недопустимо! Мы не студенты тамъ какіе нибудь — мы юнкера — Павлоны! Мы должны уважать фельдфебеля и строй для насъ всегда и вездѣ святое мѣсто. Мы должны всѣми силами поддерживать его. Неужели намъ нужно установить «цукъ», какъ въ Николаевскомъ училищѣ, неужели мы, будущіе офицеры, не можемъ сознательно держать дисциплину...

Винклеру ядовито возражалъ Бардскій. Съ ясною, отчетливою дикціей слегка въ носъ онъ говорилъ:

— Мы не мальчишки!.. Перекличка — пустая формальность. Всѣ на-лицо. Незачѣмъ перекликать всѣхъ. Фельдфебель всякій разъ священнодѣйствуетъ, онъ упивается своею властью. Пока онъ перечтетъ всю перекличку — ноги устаютъ стоять. Это игра въ солдатики. А мы скоро будемъ офицеры. Онъ желаетъ подслужиться косоглазому Семену..

Тогда выступалъ Повало-Швейковскій. Онъ сочно говорилъ:

— Ну, дорогой мой... Я третій годъ въ училищѣ и побольше вашего знаю. Я не могу позволить, чтобы такъ называли ротнаго командира... Онъ косоглазый, онъ Семенъ, да не вамъ это говорить!.. Я третьяго фельдфебеля вижу. Всѣ такъ дѣлали, потому что это ихъ обязанность. И я просто заявляю, что, если кому угодно изводить фельдфебеля, — милости просимъ, — тутъ Повало-Швейковскій засучивалъ рукава, показывая огромные бицепсы, — тотъ испытаетъ крѣпость моихъ кулаковъ... Не совѣтую. Пожалуйста!..

Страсти готовы были разгорѣться.

— Да, конечно.. Кулачное право!...

Тогда выступали портупей-юнкера Буковловъ и Ломиковскій. Оба серьезные, справедливые, къ ихъ голосамъ прислушивались. Послѣ ихъ умиротворяющихъ словъ, собраніе мирно расходилось.

Ночью Повало-Швейковскій говорилъ мнѣ:

— Потерпите немного, Петръ Николаевичъ. Народъ молодой, горячій... И дураковъ уже очень много на свѣтѣ развелось. Все утрясется.

На мое счастье — дуракъ въ ротѣ оказался одинъ и мнѣ-же пришлось укрывать его

3. Осмотръ столиковъ. Принесеніе поздравленій Государю Императору

Періодически, раза два въ годъ, и всегда внезапно, у насъ дѣлались «осмотры столиковъ». Офицеры осматривали все юнкерское «барахло». Больше смотрѣли, въ какомъ порядкѣ и чистотѣ юнкера хранили свое и казенное имущество, да нѣтъ ли «похабныхъ карточекъ» отъ Бергера.

Хотя осмотры эти дѣлались внезапно — юнкера всегда какимъ то чутьемъ угадывали о ихъ приближеніи.

Приходитъ ко мнѣ юнкеръ К., третьяго разряда по поведенію, и говоритъ:

— Петръ Николаевичъ, на-дняхъ будетъ у насъ осмотръ столиковъ. Будьте добры, спрячьте у себя въ конторкѣ, мнѣ братъ студентъ далъ Ей Богу, я даже не читалъ. Вы понимаете, если у меня найдутъ не миновать мнѣ дисциплинарнаго батальона.

И суетъ мнѣ гектографированную прокламацію.

Прокламацію я спряталъ. Пожалѣлъ К. Отчиталъ потомъ его, штудируя съ нимъ каждое слово дурацкаго листка. К. понялъ, какой опасности онъ меня подвергалъ и перешелъ изъ оппозиціи въ число моихъ защитниковъ.

Такъ протекала моя фельдфебельская жизнь — не скажу, чтобы пріятно и легко — скорѣе, по большей части, и непріятно и не легко, а все таки — шелъ я 6-го декабря, послѣ своего производства, въ отпускъ, первый разъ съ золотой нашивкой, безъ ремня на шинели съ башлыкомъ, заложеннымъ по офицерски — узломъ, при шашкѣ, проходилъ по Загородному проспекту мимо типографіи, въ окнахъ которой были выставлены визитныя карточки и думалъ: — «не заказать-ли сотню визитныхъ карточекъ· — «Петръ Николаевичъ Красновъ». Фельдфебель роты Его Величества 1-го Военнаго Павловскаго училища»?.. Очень мнѣ все это казалось красиво звучащимъ и многозначительнымъ. Но вспомнилъ, а кому-же я буду давать эти карточки?, къ кому пойду съ визитами? И вышло, что знакомыхъ-то у меня и десяти человѣкъ не наберется, да тѣмъ отъ того, что я фельдфебель, ни тепло ни холодно...

На Новый Годъ я вмѣстѣ съ другим фельдфебелями Шефскихъ ротъ приносил въ Зимнемъ Дворцѣ поздравленіе Государ Императору, на Крещенье былъ въ замк крещенскаго караула, а на Пасху ѣздил христосоваться съ Государемъ Императс ромъ и поздравлять Государыню Импера рицу.

Отъ военныхъ училищъ насъ явилось тр фельдфебеля: — Пажескаго Его Величеств корпуса, Цвѣцинскій, 1-го Военнаго Павлов скаго училища — я и 3-го Военнаго Алек сандровскаго училища, пріѣхавшій для этог спеціально изъ Москвы, фельдфебель рот Его Величества — не могу припомнить ег фамилію. Съ Цвѣцинскимъ въ ожиданіи, ко гда насъ поведутъ въ Николаевскій залъ мы быстро сошлись, Александровецъ держалс отчужденно. Сказывался антагонизмъ Моск вы и Петербурга.

Въ громадномъ залѣ было много генера ловъ и офицеровъ. Отдѣльно вдоль стѣн стояла длинная шеренга фельдфебелей, вах мистровъ, солдатъ, матросовъ и казаковъ Съ Государем христосовались не только вс фельдфебели и вахмистры Шефскихъ ротъ батарей и эскадроновъ, но и всѣ чины, за нимавшіе въ ночь подъ Свѣтло-Христов Воскресенье караулы и разъѣзды во Двор цѣ, и бывшіе на гребномъ катерѣ.

Я подходилъ къ Государю позади Цвѣ цинскаго. Государь стоялъ рядомъ съ Импе ратрицей. Позади Государыни конвойный ка закъ держалъ громадную корзину съ яйца ми.

— Христосъ Воскресе!...

— Воистину Воскресе, Ваше Император ское Величество, — быстро отвѣтилъ я

Государь нагнулся ко мнѣ и я ощутил троекратное прикосновеніе мягкихъ, души стыхъ усовъ и бороды къ моихъ щекамъ.

Государь повернулъ голову къ фельдфе

белю Александровцу, я сдѣлалъ шагъ влѣво и, низко нагнувшись, прикоснулся губами къ маленькой надушенной рукѣ Императрицы. Государыня посмотрѣла на меня своими изумительными глазами и подала мнѣ большое фарфоровое яйцо. Я принялъ его, поклонился, повернулся налѣво и пошелъ за Цвѣцинскимъ.

. . . . . .

Это большое желтое яйцо съ написанными на немъ фіалками, на широкой голубой лентѣ, съ тѣхъ поръ всегда висѣло у меня подъ образами, ниже лампадки. Висѣло до тѣхъ поръ, пока мнѣ не пришлось спѣшно и «безъ вещей» покинуть мою Петербургскую квартиру и оставить все, что было въ ней дорогого и прекраснаго по воспоминаніямъ. Съ тѣхъ поръ начались скитанія.. Я надѣялся вернуться — и не вернулся.

Но я не теряю надежды, что Государынино пожалованіе — желтое яйцо съ фіалками — еще вернется ко мнѣ и займетъ свое мѣсто подъ большимъ образомъ Донской Божіей Матери....

4. Ротный карнавалъ

Незадолго до масляницы какой то духъ безудержнаго веселья вдругъ охватилъ юнкеровъ.

Стояли морозные ясные дни. Косые лучи солнца прорѣзывали большія окна казармы и играли радугой въ столбахъ пылинокъ, освѣщали наши ряды въ скромныхъ бушлатахъ, сверкали на остріяхъ штыковъ, на бляхахъ поясовъ съ пылающей гранатой. Часто раздавался грозный голосъ Герцыка:

— Юнкеръ Кушковскій! Не улыбаться. Я васъ, батенька мой, вздрючу-съ. Фельдфебель запишите ему два дежурства не въ очередь. Юнкеръ Оболенскій, вы, батенька мой, совсѣмъ сдурѣли. Шевелитесь во фронтѣ. Фельдфебель! отмѣтьте на воскресенье безъ отпуска и доложите ротному командиру о наложенныхъ мною взысканіяхъ.

Послѣ вечерней переклички юнкера собирались въ курилкѣ, пѣли пѣсни-куплеты, не обычныя наши солдатскія или малороссійскія пѣсни, а какъ будто что то изъ оперетокъ. Хорошенькій темный шатенъ Кушковскій ходилъ съ блестящими глазами и безъ всякой причины смѣялся. Стоило мнѣ войти въ курилку, какъ всѣ замолкали. Это меня оскорбляло. Знали же они, что я не донесу.

Что то замышлялось. Изъ отпуска юнкера возвращались съ большими пакетами, которые проносили тайно, минуя комнату дежурнаго офицера. Этихъ юнкеровъ съ пакетами ожидали на лѣстницѣ не ходившіе въ отпускъ, перехватывали пакеты и уносили въ роту.

Я высказалъ свое негодованіе и возмущеніе на такое поведеніе юнкеровъ Повало-Швейковскому и спросилъ его, что же такое готовится въ ротѣ? А что готовилось что то особенное, «грандіозное», на весь батальонъ, я могъ судить по тому, что въ нашу, Государеву роту, стали часто жаловать «извощики», забѣгать «дѣвочки» и «малина» и съ оживленными лицами о чемъ то справляться.

— Увѣряю васъ, Петръ Николаевичъ, ничего страшнаго и преступнаго не будетъ. Да у насъ и рѣшено, чтобы ни васъ, ни дежурнаго по ротѣ не подводить. Тутъ нѣкоторые болваны, что противъ васъ зубъ имѣютъ, хотѣли непремѣнно теперь, вотъ сейчасъ и устраивать, не смотря на то, кто будетъ дежурнымъ по училищу, но мы съ Ломиковскимъ, Буколовымъ и Шенкомъ настояли, чтобы дождаться, когда будетъ дежурить Кардиналовскій или Линдестремъ и тогда только и дѣлать.

— Да что же вы будете дѣлать?

Но Повало-Швейковскій не сказалъ мнѣ, что именно собираются дѣлать и я понялъ, что мнѣ лучше этого просто «не знать».

Въ одинъ изъ первыхъ дней масляницы на вечерней перекличкѣ я прочелъ:

— На завтра дежурный по училищу штабсъ-капитанъ Кардиналовскій...

Значитъ — завтра.

Занятія, а потомъ и перекличка завтрашняго дня прошли въ необычайной гладкости и стараніи, строгости и сдержанности. Никто не получилъ взысканія, никто не попалъ на замѣчаніе.

Въ обычное время, въ десять часовъ вечера, лампы были приспущены и свѣчи погашены. Всѣ необычно быстро полегли спать. Въ одиннадцать часовъ ночи изъ второго взвода раздался негромкій свистъ, онъ повторился въ разныхъ мѣстахъ роты и сейчасъ же, какъ по командѣ, юнкера стали подниматься съ постелей. Какія то бѣлыя фигуры побѣжали въ курительную комнату и оттуда сталъ слышенъ сдержанный говоръ, шорохъ развертываемой бумаги, юнкера то выбѣгали оттуда, потомъ снова возвращались. Нѣсколько юнкеровъ побѣжали изъ роты по коридорамъ вѣроятно, чтобы дать знать въ другія роты, что «все готово».

Наша умывалка стала наполняться юнкерами другихъ ротъ. Въ бѣльѣ и шинеляхъ они стояли плотной стѣной противъ арокъ нашей роты.

Отъ курилки раздалось пѣніе. Я не помню, что именно пѣли. Ничего кощунственнаго не пѣли, пѣли тѣ неприличныя пѣсни, что пѣвались и въ корпусахъ и, конечно, нашу юнкерскую «Звѣріаду».

Медленно и торжественно въ коридоръ входило шествіе. Шли офицеры въ самыхъ невѣроятныхъ, фантастическихъ формахъ, гусары въ сплошь расшитыхъ шнурами доломанахъ, кирасиры въ картонныхъ кирасахъ, въ подштанникахъ вмѣсто лосинъ и высокихъ сапогахъ со шпорами, шли средневѣковые рыцари съ опущенными забралами и за ними окруженная фрейлинами — прелестная дама — юнкеръ Кушковскій въ женскомъ платьѣ, въ шиньонѣ съ локонами, съ подмазанными глазами и щеками, въ соблазнительномъ низкомъ декольте, съ обнаженными руками — и точно очаровательная дама — кругомъ шли такія же дѣвушки — въ сарафанахъ, въ малороссійскихъ расшитыхъ костюмахъ, съ толстыми косами за спиною, въ монисто на голыхъ плечахъ. Ихъ окружали юнкера вычурно и нелѣпо одѣтые. Они жгли бенгальскіе огни, пускали маленькія ракеты комнатнаго фейерверка и дудѣли на губныхъ гармоникахъ.

Вонь бенгальскихъ огней, пороховой дымъ окутывалъ процессію. Пѣніе, топотъ ногъ, крики, шипѣніе огней, все это въ полной тишинѣ уснувшаго училища должно было быть слышно не только внизу въ комнатѣ дежурнаго офицера, но должно было доноситься и въ офицерскія квартиры.

Игра была серьезная. Трещали мои фельдфебельскія и взводныхъ портупей юнкеровъ нашивки.

Процессія обошла кругомъ роты и остановилась въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ взводами, гдѣ было свободное мѣсто. «Дамы» стали полукругомъ, противъ нихъ стали кавалеры. Долженъ отмѣтить — и то, что «дамы» блистали красотой и то, что пѣли вокругъ нихъ было такъ невѣроятно неприлично, что поражало, какъ это можно «такое» пѣть при такихъ хорошенькихъ молоденькихъ дѣвушкахъ?

«Дѣвушки» ахали, закрывались вѣерами, смущались при особенно соленыхъ словахъ.

Пѣніе кончилось. Вышелъ оркестръ. Его изображалъ юнкеръ Головинъ, умѣвшій на губахъ играть, какъ военный оркестръ и два юнкера съ гребенками и съ проложенной между зубьями бумагой. Кавалеры разобрали «дамъ» и начались танцы.

Отплясали кадриль, законченную лихимъ канканомъ, потомъ танцовали польку, вальсъ и, наконецъ, пронеслись по всей ротѣ мазуркой съ громкимъ топотомъ, и со смѣхомъ скрылись въ курилкѣ.

Все это продолжалось часовъ до двухъ ночи. Потомъ открыли форточки, чтобы выпустить дымъ бенгальскихъ огней и пороховую вонь, подмели полы и попрятали костюмы. «Гости», юнкера другихъ ротъ, разошлись. Въ четыре часа утра рота окончательно утомонилась.

На другой день, рота еще только строилась на утренній осмотръ, какъ раздалась команда «смирно», дежурный пошелъ съ рапортомъ.

Въ роту пришелъ Никоновъ. Конечно, онъ все уже зналъ. Да и какъ было не догадаться, что что то было не обычно: въ помѣщеніи былъ собачій холодъ и все еще пахло порохомъ и бенгальскими огнями. Никоновъ сухо поздоровался со мною и въ упоръ строго спросилъ:

— Что это такое у васъ было ночью?

Я молчалъ. Сказать, что ничего не было — было глупо. Шумъ былъ слышенъ, и сейчасъ еще рота носила слѣды ночного кавардака, да кромѣ того, навѣрно служители или каптенармусъ Мохнинъ обо всемъ уже доложили ротному командиру.

— Скажите мнѣ, Петръ Николаевичъ, ничего **особеннаго,** — напирая на слово «особеннаго», сказалъ Никоновъ, — не было?

Я понялъ. **Особенное,** то, чего такъ боялось начальство — были либерализмъ и тѣ неестественныя отношенія между юношами, которыя часто по странной случайности сопутствуютъ этому либерализму.

— Нѣтъ, господинъ капитанъ, ничего особеннаго не было.

— Я вамъ вѣрю, Петръ Николаевичъ... Идите въ роту.

Рота уже выстроилась. Она стояла въ тревогѣ, ожидая суда и расправы. Въ полной тишинѣ раздались шаги, съ особеннымъ пристукиваніемъ высокихъ каблуковъ Никонова.

«Косоглазый» Семенъ остановился противъ середины роты и сталъ большою пухлою рукою «выдаивать» изъ длинныхъ рыжихъ бакенбардъ свою рѣчь.

— Господа, половинѣ изъ васъ, черезъ какіе нибудь пять, шесть мѣсяцевъ предстоитъ стать офицерами, — такъ началъ нашъ ротный командиръ, — вы должны — и это такъ естественно и понятно, бросить всяческое мальчишество, дѣтскія шалости и думать только о серьезномъ и строгомъ исполненіи своего воинскаго долга. Вмѣсто этого вы учиняете такой непозволительный въ вашемъ возрастѣ и положеніи — балаганъ... Не думайте, что можно, что нибудь скрыть отъ начальства и скрывать — позорно, трусливо и гадко... Не достойно юнкера Государевой роты! Фельдфебель, объявляю вамъ строгій выговоръ за допущеніе безпорядка въ ротѣ. Вы должны были сейчасъ же доложить мнѣ о происходящемъ... Дежурный по ротѣ, вы докладывали фельдфебелю о происходящемъ въ ротѣ?

Дежурный молчалъ. О чемъ было докладывать, когда фельдфебель самъ своими глазами все видѣлъ.

— Гммъ!.. Такъ не докладывали?.. Отлично-съ!... А еще старшій портупей-юнкеръ!... Фельдфебель, запишите — на всю масленицу безъ отпуска... А вамъ, господа, стыдно подводить своихъ старшихъ товарищей. Ведите роту!..

Рота проходила мимо капитана Никонова, держа руки «смирно», повернувъ головы. Ровно стучали сапоги, никто не отставалъ, рота не растягивалась. Серьезны были лица юнкеровъ, но было и радостное сознаніе: — «пронесло»!...

Наше начальство понимало, что надо иногда въ нашей суровой монастырской жизни дать выходъ накопившейся скукѣ и дать отвлечься отъ повседневнаго однообразія жизни, хотя-бы и глупымъ балаганомъ. Начальство знало, кромѣ того, что сами юнкера строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы между ними не было ничего «особеннаго». Въ такомъ случаѣ, расправа была-бы короткая и жестокая. Сами товарищи не терпѣли-бы такихъ въ своей средѣ...

5. Самоубійство юнкера Ставскаго. Происшествіе во второй ротѣ

Мы отбыли Царскій смотръ на площади Зимняго дворца. Наступилъ Великій постъ и съ нимъ усилились наши классныя и строевыя занятія. Въ эти дни въ ротѣ случилось тяжелое происшествіе, надолго потрясшее юнкеровъ.

Застрѣлился юнкеръ второго взвода Ставскій.

Это былъ юнкеръ угрюмаго и нелюдимаго характера — сибирякъ. Онъ былъ сирота. Никогда и никуда онъ не ходилъ въ отпускъ и ни съ кѣмъ, даже со своими това-

рищами по корпусу не сходился. Учился онъ неважно, — былъ въ хвостѣ по балламъ, на строевыхъ занятіяхъ былъ разсѣянъ и невнимателенъ и ему постоянно попадало отъ взводнаго портупей-юнкера, отъ меня и отъ офицеровъ.

На отдѣльной, тщательно хранимой бумажкѣ, онъ писалъ каждый день по одной толькой буквѣ и своимъ сосѣдямъ по койкѣ какъ то послѣ лагеря серьезно и угрюмо сказалъ:

— Вотъ допишу — и тогда покончу съ собою.

Сосѣди приняли слова Ставскаго за шутку и не обратили на нихъ вниманія.

Около середины Великаго поста, въ часы дневного отдыха, Ставскій взялъ изъ пирамиды свою винтовку. Это тоже не обратило никакого вниманія Юнкера постоянно брали ружья, чтобы почистить или попрактиковаться въ сборкѣ и разборкѣ винтовки. У насъ были такіе виртуозы, которые разбирали и собирали винтовку до послѣдняго винтика въ одну минуту...

Ставскій молча съ винтовкой пошелъ въ шинельную и минуту спустя тамъ раздался выстрѣлъ, паденіе чего то тяжелаго и въ помѣщеніи запахло порохомъ. Юнкера бросились въ шинельную. Ставскій лежалъ на полу между вѣшалокъ съ простреленной грудью. Стрѣлялся онъ по солдатски: — снялъ сапогъ и носокъ, наставилъ ружье стволомъ въ грудь и большимъ пальцемъ ноги надавилъ на спусковой крючокъ.

Ставскій былъ еще живъ. Грудь была разворочена выстрѣломъ, много вытекло крови. Сейчасъ же доложили мнѣ. Какъ умѣли, мы перенесли раненаго на койку, я послалъ къ дежурному по училищу, къ ротному командиру и въ лазаретъ доложить о происшествіи.

Явился нашъ старшій врачъ, статскій совѣтникъ Прозоровъ, фельдшера принесли носилки, уложили на нихъ Ставскаго и отнесли въ лазаретъ. Не приходя въ себя, черезъ часъ Ставскій скончался.

Дознаніе и осмотръ вещей Ставскаго показали, что онъ и точно писалъ стихотвореніе Никитина. «Вырыта заступомъ яма глубокая»... по буквѣ въ день, и въ день самоубійства дописалъ послѣднюю букву. Медицинская часть посвидѣтельствовала, что самоубійство совершено въ припадкѣ острой меланхоліи и отецъ Димитрій Рождественскій благословилъ на христіанскія похороны.

Гробъ съ самоубійцей стоялъ въ церкви. Отъ нашей роты днемъ и ночью стояли часовые. Хоронили Ставскаго съ музыкой, сзади гроба шелъ взводъ юнкеровъ въ караульной аммуниціи, все училище провожало покойнаго на Смоленское кладбище.

Дни, когда покойникъ стоялъ въ церкви въ ротѣ притихли. Все чудился терпкій запахъ крови и ѣдкая вонь порохового дыма, все мерещилась темная кровавая лужа въ шинельной и подлѣ койки — хотя давно все было замыто и протерто съ пескомъ и помѣщеніе провѣтрено. Смерть всегда тяжело воспринимается молодыми людьми, а смерть намѣренная, самоубійство и особенно была намъ тяжела. Многіе стали грустны и задумчивы. Стихотвореніе Никитина не сходило съ устъ юнкеровъ.

Самоубійства заразительны. Послѣ говѣнія ротный командиръ вызвалъ меня къ себѣ.

— Сообщаю вамъ для свѣдѣнія, — сказалъ онъ, — что юнкеръ А. собирается сдѣлать съ собою тоже самое, что сдѣлалъ Ставскій. Особыхъ причинъ нѣтъ. Примѣръ заразителенъ Одинъ мертвецъ тянетъ другого. Установите за А. постоянный надзоръ, но такъ, чтобы онъ этого не замѣтилъ. У А. есть сестра. Мы ее вызвали, вы же наблюдайте за нимъ.

Полный тревоги и заботы я вернулся въ роту. Я поговорилъ съ Повало-Швейковскимъ, потомъ мы оба поодиночкѣ и такъ, чтобы это было незамѣтно вызвали къ себѣ сосѣдей А. по койкѣ и его товарищей по корпусу и осторожно предупредили ихъ. А. и точно сталъ послѣднее время угрюмъ и задумчивъ. Товарищамъ его дѣтства, однако, удалось немного разсѣять его, а тамъ, будто совершенно случайно пріѣхала изъ провинціи его замужняя сестра и юнкеръ А, къ нашей общей радости, отошелъ и бро-

силъ свои тягостныя мысли. Онъ кончилъ училище, прекрасно служилъ и передъ Великой войной былъ генераломъ и занималъ большое мѣсто.

Годъ былъ трудный и тревожный. Только что улеглись тяжелыя впечатлѣнія самоубійства Ставскаго, какъ во второй ротѣ произошла исторія, отразившаяся и на мнѣ.

Приближались экзамены. Юнкера были особенно нервны.

Фельдфебель второй роты. Сергѣевъ, юноша грубый и своимъ грубымъ голосомъ и жесткими манерами подъ стать ротному командиру, капитану Язвину, всю зиму сильно тянулъ младшій курсъ, мирволя старшему. Весною, когда рота построилась на утренній осмотръ, Сергѣевъ обругалъ скверными словами юнкера младшаго курса. Тотъ не стерпѣлъ, размахнулся и ударилъ Сергѣева по лицу. Сергѣевъ, здоровый и сильный, кинулся на юнкера и сталъ избивать его. Товарищи съ трудомъ могли его оттащить. Замять и скрыть эту исторію отъ начальства было невозможно Избитый юнкеръ самъ подалъ о томъ докладную записку.

Юнкера мечтали о дуэли. Но какая-же дуэль можетъ быть между нижними чинами? Былъ училищный дисциплинарный судъ. Юнкера, нанесшаго ударъ фельдфебелю при исполненіи тѣмъ служебныхъ обязанностей и въ строю, перевели въ третій разрядъ (подобіе разряду штрафованныхъ) и послали выслуживаться рядовымъ въ полкъ, а Сергѣева разжаловали изъ фельдфебелей въ старшіе портупей-юнкера и перевели къ намъ въ роту. Положеніе его у насъ было незавидное. Юнкера считали Сергѣева главнымъ виновникомъ всей исторіи и отнеслись къ нему сдержанно и холодно. Онъ былъ взводнымъ безъ взвода — пятымъ колесомъ въ телѣгѣ. Какъ старшій послѣ меня. онъ въ мое отсутствіе замѣщалъ меня. Мнѣ стало отъ этого еще труднѣе поддерживать порядокъ въ ротѣ и успокаивать юнкеровъ, готовыхъ устроить непріятности Сергѣеву. Самъ же Сергѣевъ былъ мраченъ и смотрѣлъ волкомъ.

Но наступили экзамены и каждый сталъ думать о своихъ недочетахъ.

6. Грендаль сорвался на послѣднемъ экзаменѣ

У меня экзамены проходили гладко. На экзаменъ военной исторіи пріѣхала комиссія генераловъ генеральнаго штаба во главѣ съ Начальникомъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба генераломъ отъ инфантеріи Г. А. Лееромъ. Мнѣ достался билетъ: «сраженіе подъ Вертомъ Фрошвейлеромъ». На доскѣ висѣлъ большой иллюминованный акварелью планъ сраженія. Я, стоя у доски, разсказывалъ обстановку передъ сраженіемъ, описывалъ поле сраженія, расположеніе частей... Въ полной тишинѣ звучалъ мой голосъ. Я любилъ военную исторію и увлекался ею. Обычно такой отвѣтъ у юнкера длился пять-десять минутъ, я говорилъ уже болѣе двадцати минутъ — меня не прерывали. Наконецъ, Лееръ далъ знакъ, чтобы я кончилъ.

— Васъ можно слушать, — сказалъ онъ, — но экзаменовать васъ нельзя... Садитесь!..

Я получилъ двѣнадцать балловъ.

Мои экзамены были окончены. У меня было полное двѣнадцать по всѣмъ предметамъ. У Грендаля тоже было двѣнадцать, но у него оставался еще экзаменъ по военной администраціи.

Въ день этого экзамена, часовъ около пяти, пришелъ ко мнѣ юнкеръ четвертой роты и сказалъ, что фельдфебель Грендаль проситъ меня придти сейчасъ къ нему въ роту.

Я засталъ Грендаля у его конторки въ полномъ отчаяніи.

— Представь себѣ, — сказалъ онъ — десять балловъ!

— Не можетъ быть! Какъ же это случилось?

— И самъ не понимаю, какъ? Послѣдній

нашъ экзаменъ. Ты обогналъ меня.

— Этого не можетъ быть, — взволнованно сказалъ я. — Ты всегда былъ первымъ — ты такимъ и останешься. И въ корпусѣ и въ училищѣ. Это нужно поправить.

— Какъ теперь поправишь? — печально сказалъ Грендаль. — Дѣло кончено. Непоправимое теперь дѣло.

Нѣкоторое время мы сидѣли молча въ печальномъ раздумьи. Вся наша долгая, съ дѣтства, дружба встала передо мною. И наша гребля на Лихачевской «Фру-фру» и уроки управленія парусомъ, которые мнѣ давалъ на Финскомъ заливѣ Грендаль и общія купанья и состязанія въ плаваніи и нырянiи. Мы были подлинные, неразрывные друзья, такіе, какіе только и бываютъ въ ранней юности, друзья безъ корысти, безъ зависти, готовые всегда на самопожертвованіе. Я зналъ, что сорвись я — Грендаль на слѣдующемъ экзаменѣ точно такъ же умышленно сорвется. А теперь? Что-же, я буду на мраморной доскѣ — а онъ мой подлинный другъ, кого я всегда считалъ выше себя, не будетъ записанъ на доску изъ за какой то дурацкой военной администраціи.

— Постой, — воскликнулъ я. — Нѣтъ! Этого никогда не будетъ! А съемка?

— Что-же съемка? — тихо сказалъ Грендаль, пожимая мою руку. — Всѣ знаютъ, что ты прекрасно чертишь.

— Но я нарочно такъ наваляю планы, — горячо сказалъ я, — что они не будутъ стоить больше десяти.

— Легко сказать! Никто тому не повѣрить!...

Мы разстались задумчивые и озабоченные.

7. На съемкахъ

Точно — мнѣ не повѣрили.

Мы получили большіе планшеты въ клеенчатыхъ папкахъ, съ компасами, масштабныя линейки съ цѣликомъ и пошли шагать по окрестностямъ Краснаго Села, рѣшая задачи.

Я попалъ въ партію молодого сапернаго штабсъ-капитана Заіончковскаго, причисленнаго къ Генеральному Штабу. Высокій, стройный, рыжій, розовый, очень моложавый, постоянно краснѣющій Заіончковскій смущался насъ и точно робѣлъ передъ нами. Его синіе глаза сіяли счастьемъ. Онъ недавно женился и въ первый разъ руководилъ группой.

Я отвратительно навалялъ первую задачу. Самому совѣстно было подавать планшетъ.

— Я не могу принять отъ васъ такую работу, — застѣнчиво и смущаясь, сказалъ Заіончковскій. — Потрудитесь перечертить.

Я не слишкомъ старался перечерчивать. Тѣмъ не менѣе — двѣнадцать! Явно несправедливое, пристрастное — двѣнадцать! Золотая нашивка на погонѣ смущала юнаго штабсъ-капитана.

То же произошло со второю задачей. За плохую небрежную работу — двѣнадцать. Оставалась послѣдняя задача. Я подалъ нѣчто невообразимо грязное и безалаберное. Цѣпи лежали въ оврагѣ, артиллерія спряталась за горку, резервы выперли на гору, вязаный штрихъ походилъ на лохматую голову, рѣка текла въ гору — словомъ при самой снисходительной оцѣнкѣ — шесть балловъ.

Заіончковскій принялъ мой планшетъ и густо покраснѣлъ.

— Вы нарочно издѣваетесь надо мною! Что я могу поставить за такую работу? Самое большее шесть балловъ!

— Господинъ капитанъ, мнѣ шесть и надо.

Синіе глаза вопросительно уставились на меня.

— Двѣнадцать плюсъ двѣнадцать, плюсъ шесть — дадутъ тридцать, дѣленные на три будетъ десять. Мнѣ нужно во что бы то ни стало имѣть не больше и не меньше десяти.

— Позвольте? Я ничего не понимаю.

— Разрѣшите, господинъ капитанъ, все разсказать вамъ по совѣсти.

Мы пошли по пыльной дорогѣ отъ Кавелахтъ къ церкви Святой Ольги и я все разсказалъ. Какъ мы пять лѣтъ шли вмѣстѣ съ Грендалемъ, какъ я всегда уступалъ ему мѣсто, какъ мы были связаны тѣсной дружбой, какъ мы обѣщали никогда не обгонять одинъ другого и какъ вышло такое несчастье, что у меня полное двѣнадцать, а у Грендаля затесалась проклятая десятка.

Заіончковскій понялъ меня.

— Хорошо, — сказалъ онъ. — Но такого планшета отъ васъ я не приму. Я вообще возвращу вамъ всѣ ваши работы и потрудитесь въ оставшійся у васъ одинъ день всѣ работы перечертить, какъ слѣдуетъ — на двѣнадцать, а я даю вамъ слово, что я поставлю вамъ за каждую работу по десяти. Я буду строгъ, придирчивъ... и несправедливъ. Но я васъ понимаю.

Я проработалъ всю ночь, проработалъ весь слѣдующій день и еще ночь и съ опухшими отъ безъ сна проведенныхъ ночей глазами подалъ прекрасно вычерченныя задачи. Заіончковскій сдержалъ данное мнѣ слово. За съемки у меня стояло десять. Мы выравнялись и оба были счастливы.

Былъ только очень недоволенъ «косоглазый Семенъ». Онъ даже препирался съ Заіончковскимъ, но въ наше дѣло вступился бывшій ротный Грендаля Язвинъ, и дѣло было улажено. Никоновъ предпочелъ бы, что бы только е г о фельдфебель былъ занесенъ на мраморную доску училища.

На мраморной доскѣ послѣ Ивана Куликовскаго, окончившаго первымъ училище въ 1888-мъ году стали наши фамиліи — «Красновъ, Петръ — Грендаль, Владиміръ». окончившіе первыми въ 1889-мъ году.

Теперь?.. Нѣтъ ни этихъ досокъ. Нѣтъ и моего милаго, славнаго Грендаля и я, старый, доживаю свой вѣкъ въ чужой странѣ. И что тамъ, гдѣ было наше Павловское училище? Чему тамъ учатъ, въ какихъ традиціяхъ и вѣрованіяхъ воспитываютъ тамъ будущихъ «красныхъ» командировъ?.. Правъ былъ Суворовъ, когда, умирая, сказалъ: — «все суета суетъ. Покой души у Престола Всевышняго».

8. Убійство во второй ротѣ

Былъ ясный іюньскій день и время между стрѣльбой и ротнымъ ученьемъ. Дремотное тихое время. На передней линейкѣ никого, кромѣ дневальныхъ. Юнкера отдыхали по койкамъ. Вдругъ изъ 2-ой роты стремительно выбѣжалъ какой то юнкеръ, быстро пробѣжалъ черезъ оврагъ и дѣлая сумасшедшіе скачки, помчался по военному полю, пустому въ это время, къ Лабораторіи. И сейчасъ же за нимъ изъ барака 2-ой роты выбѣжало человѣкъ пятьдесятъ юнкеровъ, одѣтыхъ какъ попало и съ криками:

— Лови!... Держи его!... Онъ убилъ!... Лови, — побѣжали въ догонку за первымъ.

Крики и необычное происшествіе дошло и до нашего барака, кое-кто изъ юнкеровъ пошелъ узнать, что случилось. Первое, что бросилось въ глаза въ баракѣ 2-й роты — былъ лежащій на койкѣ юнкеръ М. съ разбитымъ черепомъ и залитымъ кровью лицомъ.

Мы столпились подлѣ убитаго и сюда черезъ нѣсколько минутъ привели пойманнаго на военномъ полѣ убійцу — портупей юнкера Костомарова. Понемногу изъ безпорядочныхъ распросовъ свидѣтелей того, что произошло, выяснились обстоятельства происшествія.

Портупей юнкеръ Костомаровъ былъ отличный юнкеръ, прекрасный, сердечный, отзывчивый товарищъ, строевикъ, мужественный, ловкій, одинъ изъ лучшихъ гимнастовъ въ ротѣ. Юнкеръ М., младшаго курса — былъ тѣмъ, кто назывался въ училищѣ «помпономъ», «мазочка» — хорошенькій мальчикъ, нѣжный, женственный, державшій себя манерно. Костомаровъ ухаживалъ за М., а М. принималъ милостиво эти ухаживанія. Ничего серьезнаго между ними не было и по обстановкѣ и по нравамъ тогдашнимъ училища и быть не могло.

Просто М. кокетничалъ передъ Костома-

ровымъ, какъ капризная, избалованная женщина, а Костомаровъ изводился.

Въ этотъ день послѣ обѣда М. подозвалъ Костомарова и сказалъ ему, ломаясь:

— Вы, Костомаровъ, хвастаете, что вы отличный стрѣлокъ и что такъ хорошо наводите и спускаете курокъ, что рука у васъ никогда не дрогнетъ. Дайте-ка я провѣрю, какъ вы наводите? Цѣльте мнѣ въ глазъ.

И съ этими словами М. подалъ свою винтовку Костомарову и сталъ противъ него.

Провѣрять наводку прицѣливаніемъ въ глазъ было строжайше запрещено. Для этого было зеркало и спеціальная мишенька съ дырочкой подъ яблокомъ. Но юнкера часто провѣряли другъ друга прицѣливаніемъ въ глазъ. Съ одной стороны, была тому причиной лѣнь идти къ зеркалу, доставать мишеньку, съ другой, извѣстное бахвальство, бравированіе, столь свойственное молодежи. Говорили — незаряженное ружье никогда не выстрѣлитъ. И забывали поговорку, что «на бѣду и палка выстрѣлитъ»...

Костомаровъ, ничего не подозрѣвая, навелъ винтовку и спустилъ курокъ. Раздался выстрѣлъ и М. упалъ на койку съ пробитой головой. Пуля вошла въ глазъ, разбила черепъ и вышла черезъ затылокъ. Смерть была мгновенная.

Костомарова предали военно-окружному суду. Его обвиняли въ убійствѣ. Дѣло грозило окончиться для Костомарова каторжными работами. Однако, на судѣ выяснилось, что это не могло быть умышленнымъ убійствомъ, это не походило и на простой несчастный случай или на убійство по невниманію, оно походило на самоубійство М. или на его дикую шутку, игру въ фатализмъ.

Костомарова разжаловали въ рядовые и послали солдатомъ въ пѣхотный полкъ на далекую окраину.

9. Царскій смотръ училища

Въ началѣ іюля въ Красное Село прибылъ Государь Императоръ и былъ назначенъ смотръ военнымъ училищамъ на военномъ полѣ.

Длинной линіей развернутаго фронта выстроились училища вдоль Гатчинскаго шоссе.

Государь пріѣхалъ верхомъ съ Государыней, которая была тоже верхомъ — амазонкой. Государя сопровождалъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ Великой Княгиней Маріей Павловной, военный министръ Ванновскій, начальникъ военно-учебныхъ заведеній генералъ Махотинъ и его помощникъ генералъ Зедделеръ. Съ ними была небольшая свита адъютантовъ Государева дежурства.

Объѣхавъ подъ звуки гимна и крики ура фронтъ и поздоровавшись съ юнкерами Государь вызвалъ впередъ нашъ батальонъ и приказалъ начать ученье.

Мы продѣлали — и какъ!.. ружейные пріемы всѣмъ батальономъ, потомъ Щегловитовъ произвелъ короткое ученье. Мы ходили, какъ никогда еще не ходили. Земля гудѣла подъ нашими ногами. Мы отчеканивали на ходу ружейные пріемы, заходили взводами и строили колонны съ математическою точностью. Можно было думать, что это не живые люди ходятъ, но сворачивается и разворачивается какая то машина. Душевный подъемъ у насъ былъ необычайный. Насъ смотрѣлъ Государь, на насъ глядѣла нами обожаемая Царица и сколько тонкихъ знатоковъ строя было въ ихъ свитѣ — тутъ нельзя было ошибиться ни въ одномъ движеніи ни въ одномъ пріемѣ.

Щегловитовъ началъ было разводить батальонъ поротно, чтобы показать стрѣлковое ученье, но Государь приказалъ остановить батальонъ и поблагодарилъ насъ. Послѣ этого онъ приказалъ, чтобы фельдфебель Его роты показалъ ему ротное ученье, а фельдфебель четвертой роты составилъ изъ третьей и четвертой ротъ роту военнаго времени и показалъ съ нею стрѣлковое ученье.

Офицеры вышли изъ строя. На ихъ мѣсто стали портупей юнкера. Я вышелъ передъ роту. Всякій, кто бывалъ въ строю, пойметъ мое волненіе. И при обыкновенномъ то начальствѣ показывать роту нелегко, на смотру и опытные командиры волнуются, что же на такомъ смотру, гдѣ и Государь и Государыня васъ смотрятъ и гдѣ столько генералитета?! Мнѣ было девятнадцать лѣтъ! Я стоялъ передъ такой прекрасной и такъ отлично обученной ротой. Я не чувствовалъ ногъ подъ собою. Онѣ сами носили меня туда, куда нужно было. Я понялъ, что я долженъ такъ показать роту, чтобы смотрящій не былъ принужденъ передвигаться съ мѣста, но чтобы рота ходила подлѣ него. Я помнилъ и то, что во времени я ограниченъ, что я долженъ показать роту въ какіе нибудь пять-семь минутъ.

— Рота ружья воль-но, — скомандовалъ я и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что голосъ не измѣняетъ мнѣ.

— Справа повзводно...

Я выждалъ пока всѣ, кому полагалось по тогдашнему уставу, подали нужныя команды и скомандовалъ:

— Шаг-гомъ — мар-ршъ.

Какъ пошла наша Государева рота! Какъ отчетливо заходили плечами взводы, какъ чистъ былъ затылокъ и какъ однообразно лежали ружья. Шорохъ одобренія пронесся въ Свитѣ.

— Р-рот-та кругомъ! — мар-ршъ!

Ни одинъ штыкъ не зацѣпилъ за другой, какъ игрушка повернулась рота и пошла назадъ. Я вытянулъ роту по отдѣленіямъ, завелъ плечомъ, построилъ фронтъ флангомъ къ Государю и сталъ заводить роту такъ, чтобы она стала противъ Государя. Заходили великолѣпно и, когда были противъ Государя, я скомандовалъ «прямо» и въ пятидесяти шагахъ отъ Государя остановилъ роту и **не равняя** ее, потому, что зналъ, что она была такъ выравнена, что не нужно было особо равнять, скомандовалъ «на плечо» и «на караулъ».

Государь подъѣхалъ къ ротѣ и поблагодарилъ юнкеровъ за блестящее ученье. Потомъ Государь обратился ко мнѣ:

— Спасибо, Красновъ!

Со своею изумительною памятью Государь помнилъ мою фамилію, съ Императорскимъ исключительнымъ вниманіемъ Государь назвалъ меня по фамиліи, зная, какъ это будетъ мнѣ дорого!

Я отсалютовалъ шашкой и отвѣтилъ по фельдфебельски:

— Радъ стараться, Ваше Императорское Величество.

— Гдѣ будете мнѣ служить?

— Желалъ-бы сразу Лейбъ-Гвардіи въ Атаманскомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича полку, Ваше Императорское Величество.

— Ну что-же такъ оно и будетъ, — сказалъ Государь и обратился съ чѣмъ то къ военному министру.

Еще разъ поблагодаривъ роту Государь поѣхалъ къ ожидавшей его нашей сводной ротѣ, впереди которой стоялъ Грендаль.

Насъ отвели назадъ и мы стоя «вольно» смотрѣли издали, какъ показывалъ свою громадную роту Грендаль.

Молодчикъ Грендаль и взводные портупей юнкера не растерялись и хотя въ первый разъ имъ приходилось командовать такими большими взводами, все шло гладко. Полурота быстро и снаровисто разсыпалась въ цѣпь, дозоры отскочили въ сторону. Грендаль повелъ наступленіе сразу перебѣжками, подтянулъ взводъ изъ резерва, чтобы отразить охватъ съ фланга и все дальше и дальше уходила блестящая галунами мундировъ цѣпь по военному полю, энергично шло наступленіе. Звонко раздавался по полю голосъ Грендаля, взводные подавали свистки, цѣпи ложились во мгновеніе ока, вскакивали еще быстрѣе и неслись ураганомъ впередъ... И вдругъ Грендаль поднялъ жалонерный значокъ, слѣдовавшій за нимъ горнистъ подалъ нашъ любимый сигналъ съ такими смѣшными словами: — «оторвали кошкѣ хвостъ»! и рота бѣгомъ сбѣжалась за Грендалемъ, онъ ее повелъ бѣгомъ къ Государю, на бѣгу построилъ развернутый фронтъ и остановилъ. Это вышло прелестно. И когда отвѣчали на двойную благодарность Государя, совсѣмъ

не замѣтно было, что эти люди сейчасъ только такъ стремительно бѣгали — никто не запыхался.

Государь поѣхалъ смотрѣть Константиновское училище, а мы остались у оврага и, стоя, молчаливо смотрѣли весь смотръ училищъ, продолжавшійся болѣе двухъ часовъ.

Послѣдними смотрѣли эскадронъ Николаевскаго училища. Кардашевскій превзошелъ самъ себя. Такъ лихо водилъ онъ эскадронъ за собою, такъ стремительно носился въ атаки, то въ сомкнутомъ строю, то, разсыпавъ первый полуэскадронъ въ двѣ шеренги, а потомъ сомкнулъ его, собралъ, построилъ на карьерѣ фронтъ и подлетѣлъ къ Государю...

Когда Государь, окончивъ смотръ, уѣхалъ съ поля, Начальникъ училища подъѣхалъ къ нашему батальону и поблагодаривъ юнкеровъ и сказавъ, что «Государь Императоръ отмѣнно остался доволенъ нашимъ училищемъ», вызвалъ меня и передалъ мнѣ, что Государь Императоръ въ изъятіе изъ правилъ приказалъ выпустить меня по Его Высочайшему повелѣнію прямо съ прикомандированіемъ къ Атаманскому полку.

По войсковымъ правиламъ я долженъ былъ выйти сначала въ комплектъ Донскихъ казачьихъ полковъ и, прослуживъ годъ на льготѣ, могъ быть прикомандированъ къ гвардейскому полку.

— Поздравляю васъ, — сказалъ Рыкачевъ, — съ Монаршею милостью — вы выходите прямо въ полкъ. Радъ и счастливъ за васъ.

10. Большіе маневры. «Разносъ» генерала Водара

На зарѣ съ церемоніей я рапортовалъ Государю Императору о благополучіи въ ротѣ и было у меня умиленное чувство глубочайшей благодарности къ Моему Государю.

Въ концѣ іюля былъ Высочайшій смотръ войскамъ Красносельскаго лагеря на военномъ полѣ, а на другой день мы выступили на большіе маневры.

Въ день смотра была ясная солнечная погода и было жарко, а въ день выступленія на маневры полилъ настоящій Красносельскій, маневренный дождь.

Маневры были особенно тяжелыми. Длинные переходы и все по глинистымъ, проселочнымъ, раскисшимъ, разбитымъ войсками дорогамъ, то неистовая духота и жара, парной воздухъ, нечѣмъ дышать, то поднимутся туманы и опять зарядитъ дождь и станетъ по осеннему холодно.

Одинъ переходъ былъ особенно тяжелъ. Я шелъ, какъ и полагается по уставу сзади роты. Вдругъ, сначала одинъ, потомъ другой юнкеръ младшаго курса вышли изъ строя и сѣли на землю.

— Что съ вами, господа?

— Не можемъ больше, господинъ фельдфебель. Силъ больше нѣтъ.

— Давайте ваши мѣшки, давайте ваши винтовки и живо въ строй, на свои мѣста. Не позорьте Царевой роты.

Я надѣлъ на себя ихъ мѣшки и взялъ ружья. Они на легкѣ пошли въ строй. Взводный Винклеръ увидѣвъ, что я несу два ружья и три мѣшка, подошелъ ко мнѣ. Мы раздѣлили съ нимъ ношу. Примѣръ подѣйствовалъ. Юнкера прошли на легкѣ около версты, отошли и вернулись за ружьями и мѣшками.

У меня, да почти что у всѣхъ, въ эти маневры плечи и грудь были растерты въ кровь, ноги были изранены отъ сбитыхъ постоянно сырыхъ сапогъ и сырой, закорузлой портянки. Маневры продолжались вторую недѣлю, съ одной всего дневкой, мы были измучены до послѣдней степени. Насъ влекъ впередъ долгъ, привычка къ повиновенію, насъ поднимало сознаніе, что эта солдатская ноша — на насъ послѣдній разъ... Покажется темно-зеленая шапка Дудергофа, его сквозной «татарскій» ресторанъ и будетъ всему этому конецъ навсегда: — будетъ производство.

9-го августа мы были верстахъ въ тридцати отъ Краснаго Села. Былъ хмурый осен-

ній день. Туманъ поднимался. Какъ то сразу стемнѣло и стало непріютно. Прямо съ похода, безъ обѣда — котлы наши еще не подошли — нашу роту поставили въ сторожевое охраненіе. Въ густомъ бѣломъ туманѣ и въ сумракѣ надвигающейся ночи, мнѣ, назначенному начальникомъ заставы № 3 показали какую то ригу и приказали поставить подлѣ нея охраненіе. Гдѣ мы? гдѣ и кто непріятель? мнѣ никто не сказалъ и спрашивать было нельзя, я видѣлъ, что ни капитанъ Никоновъ, ни штабсъ-капитанъ Герцыкъ этого и сами не знаютъ. Въ темнотѣ, въ мелкой капели тумана, въ сырости и мракѣ я поставилъ часового и подчаска, расположилъ заставу въ ригѣ и пробылъ всю ночь въ полуснѣ, полубодрствованіи, каждые два часа смѣняя часового и подчаска, посылая дозоры и взволнованно думая о завтрашнемъ днѣ. Казалось безконечна была ночь, никогда не настанетъ это — завтра.

Я прислушивался, не идетъ ли кто, не раздастся ли гдѣ нибурь выстрѣлъ?..

Тихая и темная протекала холодная ночь. Начало свѣтать и еще гуще сталъ туманъ.

Вдругъ одинъ изъ юнкеровъ заставы, выходившій изъ риги быстро вернулся и сказалъ мнѣ:

— Генералъ Водаръ ѣдетъ сзади заставы.

Генералъ Водаръ, генеральнаго штаба, начальникъ Константиновскаго училища на маневрахъ командовалъ отрядомъ военныхъ училищъ.

Я всталъ, оправилъ шинель и поясъ и пошелъ съ рапортомъ. Но не успѣлъ я сказать и первыхъ словъ рапорта, какъ Водаръ сталъ напирать на меня лошадью и кричать:

— Гдѣ у васъ часовой и подчасокъ?

Я показалъ рукою на едва видныя въ туманѣ фигуры юнкеровъ.

— Спиной къ непріятелю! И это фельдфебель! Сегодня офицеръ! Я буду требовать, чтобы васъ отставили отъ производства. Вы недостойны быть офицеромъ. Безобразіе!

Я молчалъ. Я могъ сказать, что не я выставлялъ линію охраненія, что мнѣ никто не указалъ, гдѣ именно непріятель, что вообще задача мнѣ неизвѣстна, но сказать это, значило подводить своихъ офицеровъ — капитана Никонова и штабсъ-капитана Герцыка, — а это было по воинской товарищеской морали недопустимо. Справедливъ или несправедливъ былъ обрушившійся на меня разносъ — мы выучены были никогда не оправдываться — виноватъ и виноватъ — взыскивай съ меня и кончено.

Въ основѣ нашего воспитанія было: — «утвердить въ насъ духъ воинской дисциплины и укоренить сознаніе чувства долга и необходимыя военно-служащему качества: — выносливость, точную исполнительность и безусловное повиновеніе»*).

Ни дисциплина, ни чувство долга, ни повиновеніе не допускали вступать въ пререканія съ начальникомъ и оправдываться, и я молча выслушивалъ долгій разносъ генерала Водара. Наконецъ, онъ приказалъ мнѣ переставить заставу и потомъ снять ее вовсе, и идти на бивакъ.

На бивакѣ я доложилъ о происшедшемъ ротному командиру. Капитанъ Никоновъ только рукой махнулъ:

— Идите переодѣваться и завтракать. Черезъ полчаса мы выступаемъ.

Въ шесть часовъ утра мы выступили съ бивака. Туманъ садился на землю. Уже тутъ-тамъ словно побѣлѣло небо и становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Потомъ появились на немъ голубые просвѣты, солнце брызнуло по землѣ золотыми лучами и все повеселѣло въ природѣ. Заблистали по осеннему длинныя дорожныя лужи, алмазами заиграла роса на мху и травѣ лѣсной опушки.

Былъ привалъ. Солнце стало пригрѣвать и меня послѣ безсонной ночи, послѣ огорченія разноса стало нестерпимо клонить ко сну. Въ сердцѣ таилась обида на несправедливый разносъ генерала Водара, иногда забѣгала тревожная мысль, а вдругъ и точно отставятъ меня отъ производства, и тогда сонъ убѣгалъ отъ меня. Но сейчасъ-же, я

---

*) Программа строевого образованія юнкеровъ Главнаго Управленія Военно-Учебныхъ Заведеній, утвержденная Военнымъ Министромъ въ 1883-мъ году.

прогонялъ эту мысль — Государь — добрый, милостивый Государь, который меня знаетъ, никогда не позволитъ этого сдѣлать со с в о и м ъ фельдфебелемъ!... И надъ всѣмъ этимъ преобладало желаніе спать, усталость, накопленная за всѣ дни маневровъ, боль въ груди и плечахъ, сильная боль въ растертыхъ ногахъ...

Мы снова шли. Безконечно шли. Мы спускались въ оврагъ, по тѣсной улицѣ чухонской деревни проходили къ деревянному мосту, переходили по нему черезъ тихую рѣчку съ желтоватой мутной водой, поднимались изъ оврага, вышли изъ деревни и вдругъ увидали еще очень, правда, далеко, — знакомый силуэтъ Лабораторной рощи и за нею шапку Дудергофа, сіяющую въ солнечномъ блескѣ на голубомъ небѣ.

Грязные, потные, загорѣлые, съ отросшими за недѣли маневровъ волосами, золотящимися у красныхъ околышей безкозырокъ незаконными завитками, мы выходили на артиллерійскій полигонъ.

Насъ остановили, колонна подтянулась и мы построили резервный порядокъ.

Какъ то весело и точно праздничнымъ салютомъ, а не маневреннымъ боемъ ударила гдѣ то по близости отъ насъ пушка, ей отвѣтила откуда-то издалека другая и вдругъ по всему полю загремѣла орудійная пальба. Должно быть увидали колонны противника. На насъ нанесло запахомъ порохового дыма и сѣрною гарью. Усталость и всѣ боли, какъ рукою сняло.

Маневренный, послѣдній бой начался.

Мы перебѣгали цѣпями, прыгая черезъ ямки отъ рвавшихся здѣсь когда то артиллерійскихъ снарядовъ, черезъ кусты голубики и можжевельника. Лежа въ цѣпи мы набивали рты сизой крупной ягодой и потомъ по свистку и командѣ вставали и бѣжали, забирая правѣе Лабораторіи, все сближаясь съ противникомъ. Все чаще и непрерывнѣе становилась ружейная трескотня, она сливалась уже какъ бы въ кипѣніе громаднаго котла, и бѣлые дымы постепенно затягивали обширное поле. Въ нихъ мутны и неясны стали дали. Въ этой пороховой гари мы увидали противника. Гвардейскіе стрѣлки въ бѣлыхъ рубашкахъ и черныхъ барашковыхъ шапкахъ, которыя они носили и лѣтомъ при рубашкахъ, рослые, крѣпкіе и, казалось намъ, особенно грозные и страшные, быстро сближались и намъ и радостно и страшно было вотъ-вотъ сейчасъ устремиться навстрѣчу имъ со своимъ лихимъ юнкерскимъ ура!

Сейчасъ будетъ сквозная атака...

Но вмѣсто сигнала «предвареніе атаки», слѣва отъ Царскаго валика раздался далекій, красивый, пѣвучій сигналъ, поданный на серебряныхъ трубахъ Государевыхъ трубачей:

— Слушайте всѣ!... — пропѣли трубы и затѣмъ отчетливо и такъ радостно, зовя къ отдыху и покою продолжили:

— Всадникъ, остановись и перестань!.. Отбой былъ данъ!

По всему громадному полю, на версты и версты трубы пѣли красивую фразу «отбоя» и имъ вторили пѣхотные горны грубыми басами повторяя:

— Да-да-а-а! Да-да-а-а!

Мы встали.

Въ облакахъ порохового дыма было видно, какъ остановилась нацѣлившаяся для атаки конница и слѣзла съ лошадей.

Трубы пѣли по полю:

— «Соберитесь, разъясните все ученье».

И — «сборъ»... Тѣсной резервной колонной насъ повели къ Лабораторной рощѣ и остановили.

— Со-ставь! Снять мѣшки и скатки.

Какъ некрасивы были мы въ измятыхъ, измазанныхъ пропотѣлыхъ рубашкахъ, со слѣдами скатокъ и мѣшковъ, въ потертыхъ шароварахъ и грязныхъ сапогахъ. Мы бѣгали къ канавѣ, носили котелками воду, смывали грязь съ лица и сапогъ, начищали сапоги и шаровары щетками, достанными изъ вещевыхъ мѣшковъ. Изъ этихъ-же мѣшковъ мы достали чистыя рубашки и переодѣлись.

Темныя, загорѣлыя до черноты, исхудалыя, съ выдавшимися скулами лица скрашивались восторженнымъ блескомъ глазъ.

— Господа юнкера старшаго курса построиться въ одну шеренгу.

Полковникъ Щегловитовъ повелъ насъ къ

Царскому валику и остановилъ, построивъ фронтомъ на Красное Село.

До насъ доносился гулъ голосовъ отъ Царскаго Валика, тамъ шелъ разборъ маневра и Высочайшій завтракъ.

Я стоялъ на правомъ флангѣ нашей шеренги, правѣе меня стояли юнкера кавалеристы и еще дальше пажи.

— Господа юнкера смир-рно!.. Глаза на пра-во!..

Отъ Царскаго Валика пѣшкомъ къ намъ шелъ Государь Императоръ.

11. Производство въ офицеры

Государь былъ въ длинномъ сюртукѣ Л. Гв. Преображенскаго полка, при шашкѣ и шарфѣ, въ высокихъ сапогахъ. Несмотря на свой громадный ростъ и мощное тѣлосложеніе, онъ шелъ быстро и легко по примятой травѣ военнаго поля. Немного позади него шла въ длинной, подшпиленной сбоку амазонкѣ Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна и рядомъ съ нею Великая Княгиня Марія Павловна. Дальше пестрой группой въ лѣтнихъ платьяхъ слѣдовали Великія Княгини и Княжны и съ ними Великіе Князья въ полковыхъ формахъ.

Государь остановился противъ пажей и сказалъ имъ нѣсколько словъ. Пажи закричали ура. Государыня и Великія Княгини стали лично передавать приказы о производствѣ своимъ камеръ-пажамъ. Государь перешелъ къ кавалеристамъ, потомъ прошелъ къ серединѣ длиннаго нашего фронта.

Громко и отчетливо сказалъ намъ Государь. Каждое его слово запоминалось нами на всю нашу военную службу:

— Поздравляю васъ, господа, офицерами! Служите Россіи и Мнѣ, какъ служили ваши отцы и дѣды. Заботьтесь о солдатѣ и любите его! Будьте ему, какъ старшіе братья! Будьте хорошими наставниками. Учите солдать добру, смѣлости и воинскому искусству. Кому доведется служить на далекой глухой окраинѣ не скучайте, не тоскуйте, помните, что вы охраняете Россійскую Имперію. На васъ, юнкера Павловскаго училища, я всегда надѣюсь и вѣрю, что, какъ были вы прекрасными юнкерами, такъ будете и образцовыми офицерами моей славной Арміи...

Мы закричали ура. Подъ восторженные наши крики, Государь, сопровождаемый свитой, заслонившей насъ отъ него, прошелъ къ Константиновскому училищу. Флигель адъютанты передавали каждому изъ насъ Высочайшіе приказы о производствѣ въ офицеры.

Это были толстыя тетради сѣроватой «казенной» бумаги. На верху крупными, какими то «казенными» буквами было напечатано:

Высочайшій приказъ. По военному вѣдомству. 10-го августа 1889-го года. Въ Красномъ Селѣ.

Ниже мелкими обыкновенными буквами шло перечисленіе училищъ и произведенныхъ изъ нихъ юнкеровъ. Тамъ значилось:

— По экзамену: — Въ подпоручики: — Пажескаго Его Величества Корпуса: изъ фельдфебелей — Цвѣцинскій Лейбъ Гвардіи въ Семеновскій полкъ...

Каждый изъ насъ листалъ тетрадь приказа, ища свою фамилію въ длинномъ спискѣ произведенныхъ.

— 1-го Военнаго Павловскаго Училища: — Въ подпоручики: по армейской пѣхотѣ: — изъ фельдфебелей — Грендаль — съ прикомандированіемъ Лейбъ Гвардіи къ Егерскому полку, Никольскій съ прикомандированіемъ Лейбъ Гвардіи къ Павловскому полку...

Моей фамиліи долго нѣтъ. Прошли произведенные изъ нашего училища въ артилерію, въ саперные батальоны и, наконецъ:

— По казачьимъ войскамъ: — Въ хорунжіе: — изъ фельдфе-

белей Красновъ въ комплектъ Донскихъ казачьихъ полковъ, съ прикомандированіемъ по Высочайшему повелѣнію Лейбъ Гвардіи къ Атаманскому Е. И. В. Г. Н. Ц. полку.

Дальше я не смотрѣлъ. У меня отъ волненія и усталости темнѣло въ глазахъ. Я свернулъ приказъ трубкой и положилъ его подъ погонъ.

Какъ все это произошло быстро и просто. И мнѣ вспомнилось, какъ послѣ смотра военныхъ училищъ и словъ Государя, я въ ближайшую субботу пѣшкомъ пришелъ изъ лагеря въ деревню Пудость, гдѣ стоялъ штабъ Атаманскаго полка. Я былъ въ мундирѣ и скатанной шинели, въ запыленныхъ сапогахъ, загорѣлый, словомъ — «пѣхота не пыли», и мнѣ было немного неловко являться въ блестящій гвардейскій полкъ въ такомъ скромномъ видѣ.

То, что я пришелъ пѣшкомъ въ Пудость — какіе нибудь двѣнадцать верстъ — привело въ умиленіе полкового адъютанта штабъ-ротмистра Вершинина. Онъ позвалъ свою жену.

— Посмотри, Анечка, — сказалъ онъ, — вотъ Красновъ, онъ къ намъ въ полкъ выходитъ, пѣшкомъ пришелъ изъ лагеря... Это очень хорошо.

Молодая, красивая, черноглазая брюнетка, настоящая казачка — жена адъютанта поила меня чаемъ и угощала сладкими булками, а потомъ Вершининъ въ своей колясѣ повезъ меня на станцію Пудость и оттуда въ Петербургъ. Меня, какъ я ни говорилъ, что не могу это сдѣлать, заставили ѣхать съ офицерами во второмъ классѣ (намъ это было, какъ нижнимъ чинамъ, запрещено), и въ Петербургѣ въ по лѣтнему прибранной полупустой квартирѣ я представлялся командиру полка генералъ-майору М. И. Грекову и опять таки и онъ и адъютантъ умилялись:

— Пѣшкомъ пришелъ къ намъ на Пудость!... Этакій молодецъ!... Добрый казакъ будетъ!...

Все это тогда казалось чѣмъ то далекимъ и, пожалуй, несбыточнымъ — и вотъ совершилось... Я офицеръ въ Атаманскомъ полку — и по Высочайшему повелѣнію... Генералъ Грековъ мой командиръ, Вершининъ и его милая жена — мы одной общей семьи — мы товарищи!...

Мимо насъ, подъ наши восторженные крики ура промчались Царская и великокняжескія тройки и коляски, потомъ мы увидали, какъ понеслись въ бѣшеной скачкѣ юнкера кавалеристы къ лагерю и мы пошли къ своему батальону.

Мы надѣвали на усталое тѣло вещевые мѣшки и скатки, становились въ строй за ружья. Наши младшіе товарищи поздравляли насъ...

— Въ ружье!.. Становись!.. Равняйсь!... Смирно!.. Ружья вольно!.. Справа по отдѣленіямъ шагомъ маршъ!...

«Пески» играли марши. Потомъ былъ поспѣшный торопливый обѣдъ и мы ѣхали въ Петербургъ съ пѣснями, съ криками ура, со стрѣльбой припасенными для этого холостыми патронами.

Петербургъ. Стремительный маршъ черезъ городъ — и училище...

12. Чистая юность — прощай! Здравствуй жизнь!

Знамя скрылось въ училищномъ подъѣздѣ. Мы взяли «къ ногѣ».

— По казармамъ маршъ...

Я стоялъ у своей койки. Еще цѣлъ золоченный овалъ дощечки. На верху въ полуовалѣ мой № — 77 и внизу надпись — «фельдфебель Петръ Красновъ».

Я смѣнилъ суровое училищное, казенное бѣлье на собственное, полотняное. Стѣсняютъ крахмальные рукавчики рубашки. На мнѣ темно-синіе шаровары съ алымъ лампасомъ, я надѣваю скромный армейскій казачій мундиръ съ серебрянымъ галуномъ. Вокругъ меня — мои друзья: — новый фельдфебель Пацъ-Помарнацкій, хорошенькій Висленевъ, пришелъ изъ второй роты

Старовъ. Тутъ-же мои товарищи — рослый, красивый Шенкъ — онъ въ сюртукѣ съ погонами Новочеркасскаго полка, Ротштейнъ — подпоручикъ Абхазскаго пѣхотнаго полка — онъ послѣ отпуска уѣзжаетъ въ Пензу, будущій финляндецъ Лихачевъ, московецъ Буренинъ, Кругликовъ, Глазковъ, Соколовъ... Мнѣ жаль разстаться съ ними. Когда и гдѣ мы встрѣтимся снова въ этомъ громадномъ мірѣ и какъ встрѣтимся?

У образа Архистратига Михаила все гуще и гуще стоятъ затепленныя свѣчи.

— Прощай, Государева рота и ея покровитель... «Архистратизе Михаиле моли Бога о насъ!»

Мнѣ грустно.

Здѣсь я былъ первымъ — тамъ, куда я ѣду — я буду послѣднимъ. При-ко-мандированнымъ. Въ голубой Атаманской семьѣ я буду пятномъ своимъ краснымъ околышемъ фуражки, своими алыми лампасами — буду «красно-кожимъ», какъ называли въ гвардіи прикомандированныхъ отъ полевыхъ полковъ.

Кончена юность — здравствуй жизнь!

Никто, никакая школа не можетъ научить жизни. Жизни учитъ сама жизнь. Она уже въ училищѣ показала намъ свою суровую школу. Самоубійство Ставскаго, убійство Костомарова, случай съ Сергѣевымъ — вотъ ея уроки.

Страшна жизнь!

Она оказалась куда страшнѣе, чѣмъ казалась тогда, въ то мирное царствованіе Царя Миротворца...

Мнѣ страшно. Я еще разъ кидаю взглядъ на золотую дощечку.

— «Фельдфебель Петръ Красновъ»...

Кажется, скажи мнѣ сейчасъ: — «ты можешь остаться еще на годъ на сверхъ-срочную службу въ этой ротѣ фельдфебелемъ» — остался бы!

Тяжелое прошлое — забыто. Осталось только милое и хорошее. Вотъ и мои «враги» подходятъ ко мнѣ проститься.

Дворжицкій, Гардабхадзе, Троицкій, Бардскій — да развѣ враги они? — они на вѣки мои товарищи! — П а в л о н ы !

Пора уходить, ѣхать домой, въ семью, къ родителямъ, на дачу.

— Прощайте, Пацъ... Держите крѣпко нашу славную Государеву роту... Прощайте, Бобикъ Квицинскій... Висленевъ, Старовъ, прощайте...

У насъ въ училище не было принято прощаться съ офицерами, устраивать прощальные обѣды въ ресторанѣ. Мы всегда далеко стояли отъ нихъ... Нижніе чины... Мы и они понимали — «дальнія проводы — лишнія слезы»... Мы къ нимъ не заходили. Все, что нужно было намъ сказать — было сказано за два года училищной жизни — торжественные, ресторанные обѣды съ возліяніями и по большей части неискренными льстивыми рѣчами были совсѣмъ не въ духѣ училища.

Я вышелъ на подъѣздъ, первый разъ взялъ извощика и поѣхалъ. Отъѣхавъ я оглянулся.

Румяное солнце спускалось къ заливу. Длинное бѣлое зданіе было залито желтымъ свѣтомъ. Ярко блистали золотыя буквы на синей вывѣскѣ:

— 1-е Военное Павловское Училище.

Защемило сердце. А радость вмѣстѣ съ тѣмъ все шире и шире наплывала на сердце и все его заливало яркимъ блистаніемъ свободы...

Но, какъ сказалъ поэтъ — «въ этой радости такъ грусти много».

Она была, какъ этотъ передъ закатный вечерній свѣтъ, заливавшій бѣлыя стѣны училища... — неяркая и тихая.

Чистая юность — прощай! — здравствуй жизнь!...

К О Н Е Ц Ъ.

9-го февраля — 23-го апрѣля 1938-го года.

Д а л е в и ц ъ.

Германія.

IMPRIMERIE DE NAVARRE; 11, rue des Cordelières, Paris XIII.
Autorisation №№: 20.278 et 24.469.

Эр	1149	Красков П „Павлонка"
		23167-92
18.09.2000	-4	0812/2
17.04.01	-21	005/81
10.01.04	-21	005/2
	-28674	/2
	14235	/2